

ISSN 2412-1762

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

МЕЖДУНАРОДНОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Москва

ВЕСТНИК

**Международного юридического института
Научно-информационный журнал**

ISSN 2412-1762

№ 4 (67) 2018

Основан в июле 2001 г.
Выходит 1 раз в 3 месяца

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Международный юридический институт

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Жильцов Н.А., к.ю.н., к. пед. н., проф., председатель редколлегии

Чердаков О.И., д.ю.н., проф. (главный редактор)

Буков В.А., к.ю.н., доцент

Демин А.М., к.и.н., доцент

Жильцова О.Н., к.пол.н.

Тишенко З.Б., к.э.н., доцент

Милосердов В.Н., к.и.н.

Бит-Шабо И.В., д.ю.н., доцент

Буреев А.А., к.и.н., профессор

Ходусов А.А., к.ю.н., доцент

Шеховцева Е.Ю., к.э.н., доцент

Лавицкая М.И., д.ю.н., профессор, доцент

Пахолкин Д.А., декан юридического факультета

Кузнецова Н.А., выпускающий редактор

Адрес редакции:

127427 Москва,

Кашенкин луг, д. 4

Тел./факс: (495) 9358256

E-mail: science@lawinst.ru

<http://www.lawacademy.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № 77-16506 от 13 октября 2003 г.

© Международный юридический институт, 2018

Все права защищены

Подписано к печати 29.03.2019

10,5 уч. изд. л.

Журнал публикуется

<http://lawacademy.ru/>

В НОМЕРЕ

НАУКА И ПРАКТИКА

Гражданское и предпринимательское право/ Гражданский процесс

Грицаева Наталья Борисовна, Левчук Анастасия Николаевна
*ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИМУЩЕСТВА ВОЕННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ* 5

Лукьяненко Виктория Валерьевна
*НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ФОНД КАК НОВЕЛЛА ГРАЖДАНСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА*..... 15

Уголовное право

Клевцов Кирилл Константинович
*НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПЕРЕДАЧИ УГОЛОВНОГО
ПРЕСЛЕДОВАНИЯ (СУДОПРОИЗВОДСТВА) В РАМКАХ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА*..... 24

Пчелкина Елена Витальевна, Кассамединов Адильбек
Амантаевич
*ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СТАТЕЙ 243.2 УК РФ, 7.15 КОАП
РФ, 233 ГК РФ*..... 30

СЛОВО СТУДЕНТУ

Амендт Павел Юрьевич, Пчелкина Елена Витальевна
*ПОНЯТИЕ И СПЕЦИФИКА СЛОЖНОГО СОСТАВА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ*..... 39

Афанасьева Мария Павловна
*РАВНЫЙ ДОСТУП К ПУБЛИЧНОЙ СЛУЖБЕ В СИСТЕМЕ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В
УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА*..... 47

Бессарабенко Александр Александрович
*ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КУПЛИ-
ПРОДАЖИ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ*..... 55

Блохин Максим Владимирович
*ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ
«КОРРУПЦИЯ»*..... 60

Ворона Татьяна Геннадьевна
СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ БАНКРОТСТВЕ 72

Егорова Анна Алексеевна <i>НОВЫЕ ПРАВИЛА ОСПАРИВАНИЯ КРУПНЫХ СДЕЛОК В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ</i>	80
Ефимов Георгий Алексеевич <i>ПОНЯТИЕ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ИНСТИТУТА ПРЕДМЕТОВ ВЕДЕНИЯ И ПОЛНОМОЧИЙ</i>	87
Иванов Александр Павлович <i>СОВРЕМЕННЫЕ РЕГЛАМЕНТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ</i>	96
Иванов Иван Александрович <i>ПРОБЛЕМАТИКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ЧАСТИ СДЕЛКИ</i>	103
Корягина Наталья Анатольевна <i>ПРОБЛЕМА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ: ОТКАЗ СТРАХОВЩИКА ОТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА</i>	107
Красильникова Ольга Олеговна, Глотов Сергей Александрович <i>СОЗДАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ НЕ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ОДНОГО ИЗ ПРОБЕЛОВ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ</i>	116
Крехалев Владимир Евгеньевич <i>ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ СУБЪЕКТА ДОЛЖНОСТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОЦЕНКИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 286 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ</i>	125
Лобода Мария Александровна <i>ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТРАХОВОЙ СУММЫ В ИМУЩЕСТВЕННОМ СТРАХОВАНИИ</i>	131
Покровская Екатерина Владимировна <i>297-й ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН: ЗАКОН О ЮРИСДИКЦИОННЫХ ИММУНИТЕТАХ ГОСУДАРСТВА – ВЛАСТЬ РАВНОГО НАД РАВНЫМ И ШАГ К СВОБОДЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ</i>	143
Семенов Михаил Игоревич <i>САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ПРЕДМЕТАМ ВЕДЕНИЯ КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ</i>	149

Яковлева Ксения Владимировна
*ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА,
ОСЛОЖНЕННОГО ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ..... 162*

НАУКА И ПРАКТИКА

Гражданское и предпринимательское право/ Гражданский процесс

Грицаева Наталья Борисовна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Международного юридического института

Gricaeva N.B.

candidate of law, associate Professor,
Associate Professor of civil law and procedure
International law Institute.

Левчук Анастасия Николаевна

студентка магистратуры Международного
юридического института

Levchuk A.N.

magistrate student International Law Institute

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИМУЩЕСТВА ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

CIVIL-LAW STATUS OF THE PROPERTY OF MILITARY ORGANIZATIONS

Аннотация. Актуальность темы связана с отсутствием в настоящее время работ по комплексному исследованию гражданско-правового режима имущества военных организаций. В статье рассматриваются особенности режима оперативного управления имуществом в военных организациях, а также виды, правовой режим, порядок высвобождения военного имущества и основания прекращения прав на него.

Abstract. The relevance of the topic is related to the lack of work currently underway on a comprehensive study of the civil law regime of the property of military organizations. The article discusses the features of the operational property management regime in military organizations, as well as the types, legal status, procedure for releasing military property and the grounds for termination of title rights.

Ключевые слова: оперативное управление, военные организации, Вооруженные Силы РФ, военное имущество.

Key words: operational management, military organizations, the Armed forces of the Russian Federation, military equipment.

Институт права оперативного управления закрепляет наиболее эффективные механизмы управления имуществом, находящимся в государственной либо муниципальной собственности. Его характерной чертой является то, что право оперативного управления имуществом направлено для обеспечения не столько свободного участия юридических лиц, использующих его в рамках имущественных отношений, сколько в целях выполнения ими административных, социальных и иных задач путем участия в гражданском обороте.

Несмотря на то, что существует достаточное количество научных работ, посвященных отдельным правовым аспектам права оперативного управления, в настоящее время отсутствуют работы, посвященные комплексному исследованию особого гражданско-правового режима оперативного управления имуществом военных организаций.

Мнение о том, что в Вооруженных Силах РФ находится военное имущество, нуждающееся в справедливой оценке и эффективном управлении, озвучивалось руководством страны в ряде телевизионных выступлений.

На наш взгляд, словосочетание «эффективное управление» в контексте темы настоящей статьи занимает ключевое положение и не теряет своей актуальности на текущий момент. Так, к управлению имуществом относится вопрос его реализации, и в этом отношении следует отметить, что продажа ликвидных активов по заниженным ценам переходит из области гражданского права в область уголовного права. Примером тому служит резонансный процесс 2015 г. в отношении бывшего начальника Департамента имущественных отношений Минобороны России Е.Н. Васильевой.

Особый статус имущества Вооруженных Сил РФ, воинских формирований и организаций заключается в том, что его наличие, а также его состояние напрямую влияет на обороноспособность и безопасность Российской Федерации, как государства, демонстрируя всему миру мобилизационную готовность России противостоять внешней агрессии.

Вместе с тем само юридическое определение и толкование понятия «военное имущество» вызывает определенные вопросы, ввиду отсутствия однозначности в действующих правовых нормах.

Так, согласно ст. 2 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих»¹, к материальным средствам соединения (воинской части) относятся все виды вооружения, военной техники, боеприпасы, горючие и смазочные материалы, топливо, продовольствие, вещевое имущество и другие материальные средства соединения (воинской части). На наш взгляд, данный перечень охватывает только объекты, имеющие материальную основу, тогда как нематериальные активы (объекты интеллектуальной собственности, у которых априори отсутствует материально-вещественная форма, например, программное обеспечение) «выпадают» из списка военного имущества, что не может отвечать современным реалиям.

Следуя вышеуказанной норме закона, можно предположить, что наиболее значимыми критериями для идентификации имущества как военного могут выступать наличие у имущества материальной основы и его целевое использование для удовлетворения потребностей Вооруженных Сил РФ, воинских формирований и органов, как в мирное, так и военное время.

Анализ норм гражданского права не дает положительного результата в части определения понятия «военное имущество», при том что само понятие «имущество» обладает весьма объемным смысловым значением. В широком смысле оно включает в себя вещи, имущественные права и имущественные обязанности. Так, по мнению Е.А. Суханова, имущество – это совокупность принадлежащих субъекту гражданского права вещей, имущественных прав и обязанностей².

¹ Федеральный закон от 12.07.1999 № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» (ред. от 18.07.2017) // СПС КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23741/c Дата обращения: 20.08.2018.

² Суханов Е.А. Гражданское право. В 4-х т. Т. 1: Общая часть: Учебник для студентов вузов / Отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 199.

В соответствии с п. 3 ст. 2 Гражданского кодекса РФ¹ к имущественным отношениям, которые основаны на административном подчинении (включая и область обороны) одной стороны другой, гражданское законодательство не может применяться, если иное не предусмотрено законодательством. В связи с этим важно учитывать вид правоотношений (военно-административные или гражданско-правовые) для исследования правового статуса военного имущества.

Одной из особенностей регулирования правового режима военного имущества является то, что к нему применимы как нормы военного, так и нормы гражданского законодательства, при этом прослеживается прямая связь со степенью вовлечения военного имущества в гражданский оборот.

Выделяются следующие виды военного имущества: изъятое из оборота (боеприпасы и военная техника не могут служить предметом сделки), ограниченно оборотоспособное (по специальным разрешениям) и свободное в обороте (отсутствуют ограничения в части отчуждения). Комплекс правомочий субъектов правоотношений в отношении управления имуществом напрямую зависит от вида данного имущества.

Большое значение для определения правового режима военного имущества может иметь и критерий отнесения имущества к движимому или недвижимому.

К недвижимому военному имуществу принято относить находящиеся на балансе либо закрепленные за военными организациями жилые и нежилые, административные и специальные здания, коммунальные и иные сооружения, которые прочно связаны с землей и перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению не представляется возможным, иные объекты (к примеру, воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания), которые подлежат государственной регистрации согласно действующему гражданскому законодательству.

К движимому военному имуществу принято относить все остальные материальные средства, переданные военным организациям в установленном порядке в целях выполнения их специфических задач

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

для военной обороны и безопасности страны. Примечательным является сама специфика данного имущества – это не только боеприпасы, военная техника (самолеты, танки и т.п.) и виды вооружения, не относящиеся к недвижимому военному имуществу (огнестрельное, холодное, химическое оружие и т.п.), но и служебные собаки, верховые лошади для несения патрульной службы, и даже «боевые» морские млекопитающие в ВМФ РФ (дальневосточные сивучи, котики, черноморские дельфины-афалины, белухи, тюлени, кольчатые нерпы). Как видно из указанного перечня, движимое военное имущество имеет свои особенности, как учета, его содержания, так и хранения.

Право оперативного управления на движимое и недвижимое военное имущество является производным правом от права федеральной собственности. Подтверждение тому, что военное имущество находится в федеральной собственности, можно найти в подп. 11 ст. 154 Федерального закона РФ от 22.08.2004 № 122-ФЗ¹. При этом, согласно п. 1 ст. 131 ГК РФ, право оперативного управления на недвижимость подлежит государственной регистрации. С этой целью формируется реестр федерального имущества, в котором ведется его учет согласно нормам Постановления Правительства РФ от 16.07.2007 № 447 «О совершенствовании учета федерального имущества»². Выписка из реестра служит основанием балансового учета имущества, который, в свою очередь, обеспечивает дополнительный контроль за его сохранностью.

¹ Федеральный закон РФ от 22.08.2004 № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» <http://base.garant.ru/57427781/> (Дата обращения: 24.09.2018).

² Постановление Правительства РФ от 16.07.2007 № 447 «О совершенствовании учета федерального имущества» (ред. от 16.03.2018). Режим доступа // СПС КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70561/ (Дата обращения: 22.08.2018).

В соответствии с подп. 71 п. 7 Указа Президента РФ от 16.08.2004 № 1082¹ Минобороны России осуществляет в рамках своей компетенции правомочия собственника имущества, закрепленного за Вооруженными Силами РФ, а также правомочия в отношении земель и других природных ресурсов, которые предоставлены в пользование Вооруженным Силам РФ для соответствующих нужд.

Следует согласиться с мнением С.В. Терешковича², который считает, что данная норма сформулирована юридически некорректно, так как имущество не может быть закреплено за субъектами права, не обладающими гражданской правосубъектностью, к которым отнесены Вооруженные Силы РФ. Частично данная норма конкретизирована в Постановлении Правительства РФ от 29.12.2008 № 1053 «О некоторых мерах по управлению федеральным имуществом»,³ согласно которому Минобороны России осуществляет функции по управлению федеральным имуществом, находящимся на праве оперативного управления или хозяйственного ведения у *подведомственных ему федеральных государственных унитарных предприятий и государственных учреждений*. Вместе с тем в п. 12 ст. 1 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне»⁴ сохранена в настоящий момент обезличенная норма, согласно которой имущество Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов, являясь априори федеральной собственностью, находится у *них* на правах хозяйственного ведения или оперативного управления. Таким образом, по настоящий момент, учитывая данную норму закона, остается открытым для дискуссий вопрос закрепления прав на военное имущество за абстрактным субъектом «Вооруженные Силы РФ».

¹ Указ Президента РФ от 16.08.2004 № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации» (ред. от 30.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 23.08.2004. № 34. Ст. 3538.

² Терешкович С.В. О некоторых вопросах распоряжения недвижимым имуществом военных организаций // Журнал РОД «За права военнослужащих». 2006. № 11. <http://voenprav.ru/doc-4268-2.htm>. (Дата обращения: 27.09.2018).

³ Постановление Правительства РФ от 29.12.2008 № 1053 (ред. от 12.12.2017) «О некоторых мерах по управлению федеральным имуществом» // Собрание законодательства РФ. 19.01.2009. № 3. Ст. 379.

⁴ Федеральный закон от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.06.1996. № 23. Ст. 2750.

В целях конкретизации вопросов права оперативного управления военным имуществом следует разграничить понятия «субъект» и «объект» управления имуществом. Так, субъектами управления военным имуществом являются государственные органы, осуществляющие управление в данной сфере общественных отношений, а также организации (воинские части и хозяйствующие юридические лица), наделенные военным имуществом в порядке, установленном действующим законодательством.

Объектом общественных отношений, то есть тем, по поводу чего возникают отношения между его субъектами, выступает военное имущество во всем многообразии его видов.

Военные организации, согласно п. 2 ст. 2 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»¹ и ст. 11.1 Закона «Об обороне», относятся к государственным юридическим лицам и принимают участие в гражданских правоотношениях в зависимости от того, на каком праве они обладают федеральным имуществом.

Право оперативного управления федеральным имуществом – это ограниченное вещное право, поэтому организации владеют и пользуются, а также с согласия собственника распоряжаются им в соответствии с правовыми режимами, закрепленными в гл. 19 ГК РФ.

Согласно ст. 299 ГК РФ, право оперативного управления федеральным имуществом, закрепленным за военной организацией, возникает у нее с момента передачи имущества либо его приобретения по договору или иным основаниям.

Поскольку военное имущество относится к собственности государства, то права собственника имущества военной организации осуществляются Правительством РФ и уполномоченными им органами (Федеральным Агентством по управлению государственным имуществом (далее – Росимущество) и соответствующим федеральным органом исполнительной власти, в ведении которого находится соответствующая военная организация.

Одним из элементов сохранности и целевого использования военного имущества можно обозначить законодательно установленную разрешительную систему по всем сделкам, связанным с распоряжени-

¹ Федеральный закон от 14.11.2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (ред. от 29.12.2017) // Российская газета. 03.12.2002. № 3097.

ем недвижимым имуществом, которые совершаются военными организациями. Так, разрешение на сделки в части продажи (относительно недвижимого имущества), или сдачи его в аренду, залог, а также внесения его в качестве вклада в уставный капитал, осуществляется путем выдачи Росимуществом соответствующего распоряжения (по представлению балансодержателей данного имущества).

Порядок высвобождения и реализации движимого военного имущества (за исключением вооружения и боеприпасов) закреплен в Постановлении Правительства РФ от 15.10.1999 № 1165 «О реализации высвобождаемого движимого военного имущества»¹, согласно которому решение о высвобождении и реализации имущества (согласно перечню, утвержденному вышеуказанным Постановлением) относится к компетенции федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых предусмотрена военная служба, и таким образом распорядительного акта Росимущества для решения данного вопроса не требуется.

Согласно п. 3 ст. 299 ГК РФ, право оперативного управления имуществом прекращается по основаниям и в порядке, предусмотренном Гражданским кодексом РФ, другими законами и иными правовыми актами, а также в случаях правомерного изъятия имущества у предприятия либо учреждения в соответствии с решением собственника. Следовательно, изъятие имущества собственником выступает в качестве одного из оснований прекращения права оперативного управления.

Общими основаниями прекращения прав на военное имущество (помимо его изъятия собственником), и как следствие – его выбытия, могут быть случаи физического использования по целевому назначению; утраты имущества; участия военной организации в гражданском обороте (например, посредством реализации движимого военного имущества в порядке, предусмотренном Постановлением Правительства РФ от 15.10.1999 № 1165).

Вопросы выбытия высвобождаемого военного имущества путем передачи его в собственность не только муниципальных образований, но и в собственность регионов – урегулированы нормами

¹ Постановление Правительства РФ от 15.10.1999 № 1165 «О реализации высвобождаемого движимого военного имущества» (ред. от 29.12.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 43. Ст. 5213.

Федерального закона от 03.08.2018 № 308-ФЗ¹. Учитывая функциональное назначение передаваемого имущества, законодательно принято решение о недопущении передачи имущества в собственность субъекта РФ или муниципальную собственность без передачи земельного участка, на котором оно расположено. Полагаем, нормы указанного закона будут способствовать скорейшему решению вопроса передачи непрофильного имущества, находящегося на балансе Минобороны РФ, так как эффективность расходования бюджетных средств в части покрытия расходов на содержание такого имущества подвергается сомнению.

Таким образом, для военных организаций режим оперативного управления имеет множество особенностей в силу особого статуса и значимости для обороны страны предмета регулирования – военного имущества, что вызывает объективную необходимость учета данного фактора в нормативно-правовом регулировании деятельности военных организаций. Правовой режим военного имущества регулируется нормами военного и гражданского законодательства, однако в законодательстве РФ отсутствует точное определение понятия «военное имущество» либо «имущество военной организации». Правовая неопределенность в терминологических вопросах является одной из предпосылок недостаточного правового регулирования вопросов, связанных с гражданско-правовым режимом оперативного управления имуществом военных организаций.

¹ Федеральный закон от 03.08.2018 № 308-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке безвозмездной передачи военного недвижимого имущества в собственность субъектов Российской Федерации – городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя, муниципальную собственность и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 07.08.2018. № 171. Собрание законодательства РФ. 06.08.2018 № 32 (ч. I). Ст. 5101.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.06.1996. № 23. Ст. 2750.
3. Федеральный закон от 12.07.1999 № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» (ред. от 18.07.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 19.07.1999. № 29. Ст. 3682.
4. Федеральный закон от 14.11.2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (ред. от 29.12.2017) // Российская газета. 03.12.2002. № 3097.
5. Федеральный закон от 08.12.2011 № 423-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О порядке безвозмездной передачи военного недвижимого имущества в собственность субъектов Российской Федерации – городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя, муниципальную собственность и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 14.12.2011. № 5657 (281).
6. Федеральный закон РФ от 22.08.2004 № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» <http://base.garant.ru/57427781/> (дата обращения: 24.09.2018).
7. Указ Президента РФ от 16.08.2004 № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации» (ред. 30.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 23.08.2004. № 34. Ст. 3538.
8. Постановление Правительства РФ от 16.07.2007 № 447 «О совершенствовании учета федерального имущества» (ред. от 16.03.2018) // СПС КонсультантПлюс. <http://www.consultant.ru/document/> (Дата обращения: 22.08.2018).

9. Постановление Правительства РФ от 15.10.1999 № 1165 «О реализации высвобождаемого движимого военного имущества» (ред. от 29.12.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 43. Ст. 5213.

10. Постановление Правительства РФ от 29.12.2008 № 1053 (ред. от 12.12.2017) «О некоторых мерах по управлению федеральным имуществом» // СПС КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83678/ (Дата обращения: 22.08.2018).

11. Суханов Е.А. Гражданское право. В 4-х т. Т. 1: Общая часть: Учеб. для студентов вузов / Отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006.

12. Терешкович С.В. О некоторых вопросах распоряжения недвижимым имуществом военных организаций // Журнал РОД «За права военнослужащих». 2006. № 11. <http://voenprav.ru/doc-4268-2.htm>. (Дата обращения: 27.09.2018).

Лукьяненко Виктория Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Смоленского филиала Международного
юридического института

Lukyanenkova V.V.

candidate of law, associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil
Procedure Smolensk branch International law Institute

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ФОНД КАК НОВЕЛЛА ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

GENETIC FUND AS A NOVELLA OF THE CIVIL LAW

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы создания наследственного фонда в Российской Федерации. Отмечаются трудности в определении порядка создания фонда, порядка формирования органов его управления, а также дальнейшего формирования его имущественной базы и осуществления деятельности.

Abstract. The article deals with the creation of the inheritance Fund in the Russian Federation. Difficulties in determination of the order of crea-

tion of Fund, the order of formation of bodies of its management, and also further formation of its property base and implementation of activity are noted.

Ключевые слова: наследственный фонд, реформирование наследственного законодательства, завещание, наследство.

Key words: hereditary Fund, reform of inheritance law, probate, inheritance.

Современную реформу наследственного права в Российской Федерации обусловили исторические обстоятельства, связанные с политическими, экономическими, социальными и духовными устоями в российском обществе. Данная реформа является необходимой частью обновления всей правовой системы страны, которая должна отражать задачи и перспективы в коренном реформировании экономики, государства и общества. Проблемы совершенствования норм российского наследственного права обсуждаются уже не первый год. Изначально законопроект, появившийся в 2015 г., предполагал пересмотр целого ряда принципиальных моментов в существующей системе, что вызвало ряд замечаний со стороны экспертов научного и юридического сообщества.

В 2017 г. Президент России В.В. Путин подписал Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации»¹, которым внесены изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации, имеющие своей целью сформировать в России новую концепцию наследственного права. Инициатором законопроекта явилась группа депутатов Государственной Думы во главе с П.В. Крашенинниковым. В частности, законопроект предусматривал появление частных фондов, введение наследственных договоров и совместных завещаний, возможность установления режима общности имущества супругов, а также совершенствование мер управления наследством.

Принятию закона предшествовало активное обсуждение предлагаемого документа со стороны юридического сообщества. Критический отзыв был направлен Федеральной палатой адвокатов, подробно изложившей свои позиции вопросу предлагавшихся поправок в ГК РФ

¹ Федеральный закон от 29.07.2017 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4808.

и указывающей на отсутствие необходимости изменения самой концепции наследственного права, так как заявленные авторами поправок цели «вполне могли быть реализованы в рамках действующего законодательства»¹.

Критика предлагаемых изменений звучала и со стороны представителей нотариата, отмечавших, что в предлагаемом проекте отсутствует необходимый инструментарий, делающий невозможной практическую применимость норм законопроекта².

Тем не менее закон был принят, следствием чего явилось фактическое расширение наследственных прав граждан; упрощение процедуры принятия наследства; а также предоставление супругам возможности по составлению совместных завещаний. Кроме того, нормы закона закрепили возможность создания наследственного фонда, призванного осуществлять деятельность по управлению полученным в порядке наследования имуществом гражданина в соответствии с условиями управления наследственным фондом. Вступили в силу с 1 сентября 2018 г. нормы, предусматривающие возможность создания гражданином наследственного фонда.

Конструкция фонда встречается в европейских странах (Германия, Швейцария, Люксембург), хотя в моделях фонда можно увидеть различия, обусловленные особенностями правовых систем³.

Фонд является особой организационно-правовой формой юридического лица, которое управляет имуществом в интересах других лиц. Сторонами фонда являются:

- 1) учредитель (лицо, образовавшее фонд, пожертвовав ему имущество в виде наличных денег, акций, облигаций, недвижимости, частного бизнеса или других имущественных ценностей);
- 2) бенефициар (выгодополучатель);

¹ ФПА раскритиковала поправки в ГК, меняющие концепцию наследственного права // <https://pravo.ru/news/view/139777> (дата обращения: 17.10.2018).

² Кондратьева И. Очевидные пробелы: эксперты поговорили о реформе наследственного права // <https://pravo.ru/story/view/139064> (дата обращения: 17.10.2018).

³ Карташов М.А. Наследственный фонд: новое российское законодательство и иностранный опыт // Современное право. 2017. № 10. С. 83–90.

3) доверенное лицо (один человек или учреждение, контролирующее использование средств, вырученных за счет вложенного дарителем имущества, во благо бенефициара).

Работает эта конструкция следующим образом: учредитель фонда передает свои средства доверенному лицу для того, чтобы оно владело данным имуществом, заключало сделки в интересах учредителя либо для достижения определенной цели¹. Основной идеей фонда является то, что учредитель может предоставить определенные имущественные выгоды фонда другому физическому или юридическому лицу. Кроме того, в рамках данной конструкции предусматривается долгосрочная материальная помощь.

Можно говорить о существовании двух основных конструкций фондов: фонды, создаваемые при жизни наследодателя, и посмертные фонды.

Первый вариант предполагает создание при жизни наследодателя юридического лица – фонда, где наследодатель выступает в качестве учредителя, определяя цели его деятельности и наделяя его имуществом. Во втором варианте лицо, которое учредило фонд, остается собственником своего имущества до самой своей смерти, а решение о создании фонда включается в текст распоряжения на случай смерти (обычно – завещания)².

Согласно п. 1 ст. 123.20-1 ГК РФ, наследственным фондом признается создаваемый во исполнение завещания гражданина и на основе его имущества фонд, осуществляющий деятельность по управлению полученным в порядке наследования имуществом этого гражданина бессрочно или в течение определенного срока в соответствии с условиями управления наследственным фондом. Автор федерального закона Павел Крашенинников отмечает: «Наследственный фонд становится одним из наследников наряду с указанными в завещании гражданами или организациями, или наряду с наследниками по закону. Такое правило обеспечивает защиту интересов кредиторов умершего, которые смогут предъявить требования ко всем принявшим наследство наследникам, включая наследственный фонд. А еще таким образом защищаются права несовершеннолетних детей на-

¹ Ясус М.В. Доверительное управление и траст как правовые способы передачи имущества в управление: Дис... канд. юрид. наук. – СПб., 2000. С. 23.

² Калашникова В.С. Наследственный фонд: некоторые аспекты правового регулирования // Синергия Наук. 2018. Т. 2. № 23. С. 46–50.

следодателя и других наследников, имеющих по закону право на обязательную долю имущества, выдаваемого им вне зависимости от завещания»¹.

Особое внимание стоит обратить на перечень документов, требующихся для создания наследственного фонда: помимо завещания, выражающего волю наследодателя о создании фонда, требуется решение завещателя о создании наследственного фонда, устав фонда и документ, который будет регулировать условия управления наследственным фондом. Однако условия управления наследственным фондом не могут быть оглашены одновременно с текстом завещания о его создании после смерти наследодателя. Условия управления фондом доводятся лишь до лиц, входящих в состав органов фонда, а также могут быть раскрыты только выгодоприобретателям.

Устав и условия управления наследственным фондом могут быть изменены после создания фонда лишь на основании суда по требованию любого органа фонда в случаях, если управление наследственным фондом стало невозможно на прежних условиях по обстоятельствам, возникновение которых при создании фонда нельзя было предполагать, а также в случае, если будет установлено, что выгодоприобретатель является недостойным наследником и данное обстоятельство не было известно в момент создания наследственного фонда.

После смерти наследодателя нотариус, у которого было заведено наследственное дело, в течение трех рабочих дней со дня открытия наследства обязан направить в уполномоченный государственный орган заявление о государственной регистрации наследственного фонда и решение завещателя об учреждении фонда. В случае неисполнения нотариусом данной обязанности наследственный фонд может быть создан на основании решения суда по требованию душеприказчика или выгодоприобретателя².

В отношениях, которые возникают в связи с созданием и осуществлением деятельности наследственного фонда, участвуют: нотариус, у которого заведено наследственное дело; выгодоприобретатели и дру-

¹ Ахметзянова Г.Н. Юридическая конструкция наследственного фонда и перспективы его развития // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2018. Т. 14. С. 130–136.

² Крашенинников П.В. Наследственное право. 3-е изд. – М.: Статут, 2018. С. 288.

гие лица, которым подлежит передача имущества из наследственного фонда, душеприказчик, наследники.

Деятельность наследственного фонда, как и любого юридического лица, прекращается путем реорганизации, ликвидации и прекращения недействующего юридического лица путем его исключения из Единого государственного реестра юридических лиц по решению регистрирующего органа (ст. 21.1 ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»¹).

Данный Федеральный закон активно обсуждался 29 марта на международной научно-практической конференции «Российский нотариат: 25 лет на службе государству и обществу», которую организовали Федеральная нотариальная палата и юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, и породил немало дискуссий. Президент Федеральной нотариальной палаты К. Корсик отметил, что «возникает ряд острых вопросов в части правоприменения этих новелл. И сегодня есть соответствующий законопроект о внесении изменений в Основы законодательства о нотариате, регламентирующий деятельность нотариусов именно в этой сфере – создания наследственных фондов. Надеюсь, что этот законопроект будет в ближайшее время принят»².

Профессор МГУ Н. Козлова обратила внимание на целый ряд вопросов, которые законодательством пока не урегулированы: само создание наследственного фонда, а также кто сможет вносить изменения при наличии каких-либо ошибок или неточностей в уставе данного фонда; неясные цели создания фонда; порядок управления наследственным фондом; природа прав выгодоприобретателя.

Также профессор отметила, что, возможно, потребуется принять отдельный закон о наследственных фондах в связи с тем, что несколько статей в действующем Гражданском кодексе не смогут урегулировать все вопросы данного правового института³.

¹ Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3431.

² Зеновина Е. Наследственные фонды: первые вопросы о не вступивших в силу нормах ГК РФ // URL.: <http://www.garant.ru/news/1188567/> (Дата обращения: 04.10.2018).

³ Козлова Н.В., Заикин Д.П. Некоторые проблемы создания и деятельности наследственных фондов в Российской Федерации // Российский нотариат: 25 лет на службе государству и обществу: Материалы

Как правило, за рубежом такие фонды создают бизнесмены и очень богатые люди. При этом делается это не только для того, чтобы подержать после своей смерти родственников. Нередко они движимы желанием приносить пользу обществу: средства из фонда могут тратиться в интересах родного университета, города, страны или всего человечества. Самые известные наследственные фонды – Нобеля, Форда, Боша. Российская концепция фондов, как вытекает из положений закона, предоставляет гражданам с их помощью осуществлять благотворительную деятельность и после их смерти.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что данный новелла будет интересна для предпринимателей, владеющих крупным капиталом. При постоянно расширяемом санкционном списке, он будет способствовать сохранению активов внутри страны и развитию российской экономики. Однако требуется целый ряд доработок и изменений текущего гражданского и налогового законодательства.

Однако сегодня в нашей стране не так много желающих создать подобный фонд в благотворительных целях, в связи с этим востребованность данной правовой конструкции невысока.

Приводятся и иные доводы в пользу отсутствия острой необходимости в предложенной новелле.

Особое внимание следует уделить тому, смогут ли наследники принять непосредственное участие в управлении фондом после смерти его основателя. Так, если наследник не является полностью дееспособным (например, не достиг совершеннолетия), то возглавить фонд он не сможет. При этом велика вероятность возникновения проблем при выборе будущего руководителя, так как он должен пользоваться доверием основателя фонда, а также не злоупотреблять своим положением. Таким образом, использование конструкции фонда требует высокого уровня правовой культуры лиц, задействованных в этом механизме¹.

Помимо названных недостатков с внедрением наследственных фондов встает проблема, связанная с ограничением прав третьих лиц – кредиторов и обязательных наследников.

Международной научно-практической конференции. Москва. МГУ им. М.В. Ломоносова, 29 марта 2018 г. – М., 2018. С. 88–94.

¹ Поваров Ю.С. Основы системы управления наследственным фондом и контроля за его финансово-хозяйственной деятельностью // Наследственное право. 2018. № 2. С. 34–37.

Отметим, что законопроектом¹ было установлено положение, согласно которому условия управления фондом не могут быть изменены после смерти гражданина, выступавшего в роли учредителя фонда (поправка к ст. 123.17 ГК РФ). В этой связи представляется справедливым замечание С. В. Смирнова о том, что обозначенное предложение не согласуется с нормами наследственного права². Если речь идет о смерти гражданина – учредителя фонда, то данный запрет, безусловно, адресован наследникам покойного учредителя фонда. Из этого следует, что авторы законопроекта считали возможным переход в порядке наследования прав учредителя фонда. Однако российское гражданское право не предусматривает наследования какого-либо имущества или имущественных прав скончавшихся учредителей (участников, членов) некоммерческих организаций, созданных в любых организационно-правовых формах, в отличие от коммерческих организаций, где в случае смерти акционеров или участников иных хозяйственных обществ акции (доли, паи) переходят по наследству. Фонд является некоммерческой организацией, поэтому, согласно ст. 123.18 ГК РФ, учредители не имеют имущественных прав в отношении созданного ими фонда и не отвечают по его обязательствам.

Таким образом, представляется, что конструкция фонда может использоваться как факультативный механизм для передачи объемного и различного по содержанию имущества (в частности, при наследовании бизнеса). В контексте всего вышесказанного рассматриваемая новелла требует детальной доработки в целях предотвращения правовых коллизий и проблем правоприменения.

¹ Проект Федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.05.2015) // СПС Консультант-Плюс.

² Смирнов С.В. Актуальные вопросы совершенствования наследственного права // Направления и перспективы развития российского законодательства о наследовании: Материалы научно-практической конференции. Москва. 1 октября 2015 г. – М.: Фонд развития правовой культуры, 2015. С. 8–20.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 29.07.2017 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4808.
2. Ахметзянова Г.Н. Юридическая конструкция наследственного фонда и перспективы его развития // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2018. Т. 14.
3. Зеновина Е. Наследственные фонды: первые вопросы о не вступивших в силу нормах ГК РФ // <http://www.garant.ru/news/1188567/> (Дата обращения 04.10.2018).
4. Карташов М.А. Наследственный фонд: новое российское законодательство и иностранный опыт // Современное право. 2017. № 10.
5. Калашникова В.С. Наследственный фонд: некоторые аспекты правового регулирования // Синергия Наук. 2018. Т. 2. № 23.

Клевцов Кирилл Константинович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического института

Klevtsov K.K.

PhD in law,
associate Professor of criminal law disciplines
International law Institute

**НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПЕРЕДАЧИ
УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
(СУДОПРОИЗВОДСТВА) В РАМКАХ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

**NATIONAL-LEGAL BASIS FOR THE TRANSFER OF
CRIMINAL PERSECUTION (TRIAL) IN THE FRAMEWORK
OF INTERNATIONAL COOPERATION**

Аннотация. В статье рассматривается отечественная правовая база, регламентирующая межсистемный институт передачи уголовного преследования иностранным государствам в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, вследствие чего автор приходит к соответствующим выводам как теоретического, так и прикладного характера.

Abstract. The article discusses the domestic legal framework governing the inter-system institute for the transfer of criminal prosecution to foreign states in the framework of international cooperation in the field of criminal justice, as a result of which the author comes to the appropriate conclusions of both a theoretical and applied nature.

Ключевые слова: передача уголовного преследования (судопроизводства); осуществление уголовного преследования по запросу иностранного государства; передача материалов уголовного дела; международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства; отказ в выдаче.

Key words: transfer of criminal prosecution (legal proceedings); criminal prosecution at the request of a foreign state; transfer of criminal case

materials; international cooperation in the field of criminal justice; refusal to issue.

Вопросы передачи уголовного преследования (судопроизводства) регламентируются различными актами национального законодательства.

Следует согласиться с Ч.С. Табалдиевой, что определение системообразующих постулатов, определяющих аспекты передачи досудебного производства в иностранное государство, в пределах внутригосударственного уголовно-процессуального законодательства, служит основным регулятором обозначенного выше института и закономерного функционирования всего нормативно-правового комплекса в данной сфере¹.

Уместным в этом ключе будет отметить Конституцию Российской Федерации (1993 г.), которая содержит нормы, имеющие опосредованное отношение к международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства, в особенности к рассматриваемому нами институту передачи уголовного преследования (судопроизводства)².

Кроме того, на сегодняшний день Российская Федерация издала немало федеральных законов, которые, так или иначе, затрагивают некоторые основы передачи уголовного преследования (судопроизводства).

Разумеется, первым здесь выступает такой кодифицированный закон, как Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), который в части пятой «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства» содержит ст. 458 и 459. Первая направлена на регламентацию передачи уголовного преследования в отношении субъектов, которые зачинили общественно опасное деяние на территории Российской Федерации и в дальнейшем

¹ Табалдиева Ч.С. Особенности производства отдельных следственных действий по материалам и уголовным делам, поступившим из других государств // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 2 // СПС КонсультантПлюс.

² Напомним, что Основной закон РФ запрещает выдачу собственных граждан (ч. 1 ст. 61) и выдачу лиц, которые преследуются другими государствами за политические убеждения, а также за действия (или бездействия), не признаваемые в Российской Федерации преступлением (ч. 2 ст. 63).

убыли на территорию иностранного государства, а вторая, наоборот, предоставляет российским правоохранительным органам возможность исполнять поручения об осуществлении уголовного преследования в отношении российских граждан, которые совершили преступления за рубежом и вернулись на родину.

Однако многие вопросы практического характера не нашли своего отражения в данных уголовно-процессуальных нормах, о которых уже неоднократно говорили ученые-процессуалисты, а именно: (а) размыто определен порядок направления уголовного дела в иностранное государство; (б) отсутствие перечня оснований для такой передачи; (в) не регламентированы правила исчисления и продления срока предварительного расследования по делам, полученным от компетентных органов иностранного государства для осуществления уголовного преследования и многое другое¹.

В результате чего передача уголовного преследования (судопроизводства) как специальный правовой институт международного сотрудничества в сфере уголовной юстиции, не так часто используется в следственно-прокурорской практике в силу отсутствия надлежащей национально-правовой регуляции.

Необходимым также следует выделить и Федеральный закон от 30 октября 2007 г. № 237-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам от 15 мая 1972 г.», который содержит соответствующие заявления и оговорки со стороны Российской Федерации применительно к реализации данного межсистемного института с государствами, являющимися участником обозначенной конвенции.

В силу того, что уголовное преследование по запросу соответствующего компетентного органа может осуществляться как в отношении гражданина Российской Федерации, так и в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, то правоприменителям следует обращаться к Федеральному закону «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ, который, в свою очередь, содержит нормы-дефиниции по данному вопросу.

¹ Уголовное преследование лица, не выданного в соответствии с требованием запрашивающей стороны: Научно-методическое пособие / [С.П. Щерба и др.]; под ред. С.П. Щербы; Акад. ген. прокуратуры РФ. – М., 2008. С. 23.

Передача уголовного преследования (судопроизводства), как было упомянуто выше, осуществляется в соответствии с международными договорами Российской Федерации, вследствие чего важное значение имеет Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ.

Помимо федерального законодательства, определяющего вопросы направления материалов уголовного дела в иностранное государство для осуществления уголовного преследования, имеются еще и ведомственно-правовые акты государственных органов как организационно-распорядительного, так и информационного характера.

Например, в Генеральной прокуратуре Российской Федерации данный вид сотрудничества в общих чертах обозначен в Указании от 12.03.2009 г. № 68/35 «О порядке рассмотрения и исполнения в органах прокуратуры Российской Федерации поручений об осуществлении уголовного преследования, запросов о правовой помощи или о возбуждении уголовного дела, поступивших от компетентных органов иностранных государств».

В Следственном комитете Российской Федерации в целях реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности и наказания лиц, не подлежащих выдаче по запросу Российской Федерации, разработаны и подписаны Председателем СК РФ А.И. Бастрыкиным Методические рекомендации от 21.09.2015 № Инфск-220-5375-15 по вопросам передачи уголовного преследования лиц, совершивших преступления на территории Российской Федерации и впоследствии оказавшихся за ее пределами.

Небезынтересным является и то, что после направления материалов уголовного дела иностранному государству и принятия их последним уголовное судопроизводство осуществляется в соответствии с законодательством принявшего дело или материалы проверки государства.

Поэтому, прежде чем направлять уголовное дело в иностранное государство для осуществления уголовного преследования, российским правоохранительным органам при планировании следует определить судебную перспективу рассмотрения иностранным судом такого уголовного дела с учетом анализа как особенностей уголовного дела, так

и законодательства иностранного государства, которое существенным образом может отличаться от российского¹.

Рациональное зерно по этому поводу содержится в рассуждениях профессора С.П. Щербы, который отметил, что правовое содержание и определенная специфика межгосударственного сношения заключается, прежде всего, в неукоснительном соблюдении и уважении общепризнанных принципов и норм международного права, внутригосударственного права².

Завершая анализ нормативно-правового регулирования передачи уголовного преследования (судопроизводства), сформулируем вывод, что правовая база данного вида международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства носит комплексный и полисистемный характер, поскольку регламентируется как международным, так и отечественным законодательством. При этом следует подчеркнуть, что национально-правовая платформа нуждается в кардинальной переработке с учетом реалий сегодняшнего дня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств: Учебное пособие для юридических вузов. 2-е изд., доп. и испр. – М.: Зерцало-М, 2002.

2. Булатов Б.Б., Николук В.В. Уголовный процесс зарубежных стран: Лекция. – Омск: Юридический институт МВД России, 1999.

3. Табалдиева Ч.С. Особенности производства отдельных следственных действий по материалам и уголовным делам, поступившим из

¹ Подробнее о специфических чертах зарубежного уголовно-процессуального законодательства см.: Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств: Учебное пособие для юридических вузов. 2-е изд., доп. и испр. – М.: Зерцало-М, 2002. 528 с.; Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретическое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. Монография. – СПб.: Издательский Дом С.-Петербург. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2006. 264 с.; Булатов Б.Б., Николук В.В. Уголовный процесс зарубежных стран: Лекция. Омск: Юридический институт МВД России, 1999. 52 с. и др.

² Щерба С.П. Сравнительное правоведение как научная основа обеспечения международного сотрудничества прокуратуры Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 2 (58). С. 167.

других государств // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 2 // СПС КонсультантПлюс.

4. Уголовное преследование лица, не выданного в соответствии с требованием запрашивающей стороны: научно-методическое пособие / [С.П. Щерба и др.]; под ред. С.П. Щербы; Акад. ген. прокуратуры РФ. – М., 2008.

5. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретическое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем: Монография. – СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2006.

6. Щерба С.П. Сравнительное правоведение как научная основа обеспечения международного сотрудничества прокуратуры Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 2 (58).

Пчелкина Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Астраханского филиала
Международного юридического института

Pchelkina E.V.,

PhD in law,
associate Professor of criminal law disciplines
Astrakhan branch International law Institute

Кассамединов Адильбек Амантаевич

студент 3-го курса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая
академия» Астраханского филиала

Kassamedinov A.A.

3rd year student
Saratov State Law Academy, Astrakhan branch

**ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СТАТЕЙ
243.2 УК РФ, 7.15 КОАП РФ, 233 ГК РФ**

**PROBLEMS OF LIMITING THE ARTICLES
243.2 OF THE CRIMINAL CODE, 7.15 ADMINISTRATIVE
CODE OF THE RF, 233 OF THE CIVIL CODE**

Аннотация. В работе приводится уголовно-правовой анализ ст. 243.2 УК РФ, а также указываются проблемы, возникающие в правоприменительной деятельности при разграничении данного преступления от норм административного (ст. 7.15 КоАП РФ) и гражданского права (ст. 233 ГК РФ).

Abstract. The work provides a criminal law analysis of art. 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, and also points out the problems arising in law enforcement in distinguishing this crime from the norms of administrative (Article 7.15 of the Administrative Code of the Russian Federation) and civil law (Article 233 of the Civil Code of the Russian Federation).

Ключевые слова: археологический предмет, культурный слой, раскопки, «черные копатели».

Key words: archaeological object, cultural layer, excavation, «black diggers».

Одним из непосредственных объектов преступлений, направленных против здоровья населения и общественной нравственности (гл. 25 УК РФ¹), являются отношения по поводу сохранности археологических предметов. Необходимость совершенствования правового механизма охраны археологического наследия России давно осознавалась правоведами. На территории Российской Федерации достаточно широко и безнаказанно осуществляют деятельность так называемые «черные копатели», однако, как показывает практика, к ответственности, например, по ст. 243.2 УК РФ привлекается весьма малая их часть (см. табл.).

Таблица

Количество осужденных в России по ст. 243.2 УК РФ за 2014 – I полугодие 2018 г.²

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	I полугодие 2018 г.
ч. 1 ст. 243.2 УК РФ	0	0	0	0	0
ч. 2 ст. 243.2 УК РФ	0	0	0	0	0
ч. 3 ст. 243.2 УК РФ	0	10	10	1	0
ВСЕГО	0	10	10	1	0

Значительные изменения в законодательстве в данной области произошли в связи с принятием Федерального закона от 23.07.2013 г.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

² Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2014 г., 2015 г., 2016 г., 2017 г. и I-е полугодие 2018 г. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759>, свободный. Яз. рус.

№ 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии»¹. Создание указанного акта связано в том числе с тем, что 13.04.2012 г. для России вступила в силу Европейская конвенция об охране археологического наследия (ETS № 143), в соответствии со ст. 3 которой РФ обязалась предотвращать любые незаконные раскопки или изъятие объектов археологического наследия². Вышеупомянутым Федеральным законом, в частности, была введена новая статья УК РФ – 243.2 «Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания».

Диспозиция ч. 1 данной статьи предусматривает, что уголовно наказуемым признаются «поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, проводимые без разрешения (открытого листа), повлекшие повреждение или уничтожение культурного слоя».

Порядок получения такого разрешения определяется в соответствии со ст. 45.1 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»³, а также Постановлением Правительства РФ от 20.02.2014 № 127 «Об утверждении Правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия»⁴.

¹ Федеральный закон от 23.07.2013 № 245-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» // Российская газета. 26.07.2013. № 163.

² Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) (ETS № 143) (г. Валлетта, 16.01.1992 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 16.04.2012. № 16. Ст. 1812.

³ Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Парламентская газета. 29.06.2002. № 120-121.

⁴ Постановление Правительства РФ от 20.02.2014 № 127 (ред. от 17.06.2017) «Об утверждении Правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия» // Собрание законодательства РФ. 03.03.2014. № 9. Ст. 910.

Преступление, предусмотренное ст. 243.2 УК РФ, имеет также квалифицированный (ч. 2) и особо квалифицированный (ч. 3) виды состава. Так, ч. 2 ст. 243.2 УК устанавливает ответственность за те же деяния, совершенные в границах территории объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия, а ч. 3 за те же деяния с использованием специальных технических средств поиска и (или) землеройных машин; лицом с использованием своего служебного положения; группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Решающее значение для квалификации деяний по составам данной статьи является верное толкование понятий «археологический предмет» и «культурный слой».

Определение второго из названных понятий приводится в примечании к самой статье, которое гласит, что таковым является «слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий археологические предметы». Можно понять, что на практике единственным таким «следом» зачастую и будет являться сам археологический предмет. Другими словами, само только изъятие предмета возрастом более века автоматически будет являться нарушением культурного слоя.

Раскрытие же термина «археологический предмет» можно найти в ст. 3 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Данный закон понимает под ним «движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых независимо от обстоятельств их обнаружения являются археологические раскопки или находки, в том числе предметы, обнаруженные в результате таких раскопок или находок».

По мнению некоторых исследователей, понимание предмета преступления по данной статье не является определенным, что может поставить под вопрос судебную перспективу уголовных дел¹.

¹ Дзасохова Н. Этот рынок сродни музею // Полиция России. 2014. № 12. С. 12; Тарасова А.В. Судебные механизмы защиты конституционного права на доступ к культурным ценностям // Культура: управление, экономика, право. 2016. № 1. С. 20–24.

Можно заметить, что в этой же статье имеется определение и такого понятия, как «объект археологического наследия», то есть «частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки». Таким образом, из данного понятия следует, что любой археологический предмет, сокрытый в земле или под водой, является объектом культурного наследия.

Однако ст. 33 «Цели и задачи государственной охраны объектов культурного наследия» указанного Федерального закона не предусматривает, что государственная охрана может распространяться на невыявленные, а также не включенные в реестр объекты культурного наследия. Однако, что естественно, сокрытые на земле, в земле и под водой археологические предметы не могут быть включенными в такой реестр. Из чего следует, что ст. 243.2 УК РФ (за исключением ч. 2) находится в некоторой коллизии со ст. 33 указанного закона, в связи с чем нормы закона требуют уточнения.

Рассматривая состав данной статьи, приходим к выводу, что оценочные формулировки могут на практике привести к широкому толкованию, и к уголовной ответственности будут привлечены не только злостные «черные копатели», но, по сути, и археологи-любители, сдающие найденные предметы в музеи, а также любой человек, подобравший на улице предмет (будь то монета или осколок посуды), возраст которого окажется более ста лет. Сложности могут возникнуть и у человека, копающего землю на не принадлежащем ему участке, не имеющего цели найти археологические предметы, но повредившего культурный слой, так как довольно проблематично будет доказать, что он искал, например, червей для рыбалки, а не занимался незаконной археологией.

В статье «Российской газеты» с комментарием к Федеральному закону от 23.07.2013 № 245 есть фраза, что данный «закон направлен, скорее, на тех, кто на мелочи не разменивается». Такая формулировка со словом «скорее» свидетельствует о том, что авторами закона все же сознательно допускается привлечение к уголовной ответственности и

лиц, причинивших небольшой вред отношениям в области сохранности археологических предметов¹.

Основное отличие для ограничения предусмотренного преступного деяния от непроступного можно провести по субъективной стороне. Так, ввиду отсутствия в статье указания на неосторожную форму вины, следует, что уголовная ответственность наступает только при умысле: прямом – по отношению к самому деянию (поиску и (или) изъятию археологических предметов), и косвенный – к последствиям в виде нарушения культурного слоя². Интеллектуальный момент умысла будет представлять собой осознание того, что субъект преступления работает с археологическими предметами, а волевой – желание их искать и (или) извлекать.

Стоит отметить, что в зависимости от характера изъятия предметов археологии данные действия могут иметь для лица последствия, регулируемые не только уголовным, но и административным и гражданским законодательством. И установление границ между действиями, предусмотренными данными нормами различных отраслей права, весьма важно, ведь, как может показаться на первый взгляд лицу, не знакомому с ними, они регулируют одни и те же отношения.

Так, ч. 1 ст. 7.15 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за «Проведение археологических полевых работ без полученного в установленном порядке разрешения (открытого листа), если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением (открытым листом)»³.

Сравнивая объективные стороны составов, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ и вышеуказанной нормой КоАП РФ, можно прийти к

¹ Мишина Е. Хватит копать // Российская газета. Столичный выпуск № 6137 (161). 25.07.2013. Режим доступа: <https://rg.ru/2013/07/25/arh.html>, свободный. Яз. рус.

² Памятники истории и культуры: правовой статус и охрана: Монография // Под науч. ред. А. В. Наумова; Ин-т государства и права Российской акад. наук. 2-е изд., испр. – М., 2015. 158 с.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 11.10.2018) // Российская газета. 31.12.2001. № 256.

выводу, что отличием между ними является (если не брать во внимание нарушения условий разрешения на проведения археологических работ) лишь наличие или отсутствие последствия в виде повреждения культурного слоя (которое будет влечь уголовную ответственность). Другими словами, на практике это будет выражено в том, что вид ответственности будет зависеть от возраста изъятого предмета (соответственно, более или менее ста лет).

Схожие в реализации на практике, но кардинально отличающиеся с юридической точки зрения действия регулирует и ст. 233 ГК РФ «Клад», раскрывающая последствия обнаружения клада, то есть «зарытых в земле или сокрытых иным способом денег или ценных предметов...»: по общему правилу, он делится между нашедшим и собственником участка¹.

Большой интерес к настоящей теме имеет ч. 2 ст. 233 ГК РФ, предусматривающая последствия обнаружения такого клада, который содержит вещи, относящиеся к культурным ценностям, и собственник которых не может быть установлен либо в силу закона утратил на них право – такой клад должен передаваться в государственную собственность с правом вознаграждения.

Стоит обратить внимание на тот факт, что упоминаемый выше Федеральный закон от 23.07.2013 № 245 ввел изменение и в ч. 2 ст. 233 ГК, значительно расширив понятие клада, который должен отдаваться государству: под таким раньше подразумевались лишь «вещи, относящиеся к памятникам истории или культуры». Таким образом, обнаружение клада в виде археологического предмета подпадает под действие данной нормы (ч. 2 ст. 233 ГК РФ).

Отличие такого обнаружения археологического предмета, как клада (при отсутствии открытого листа) от незаконных раскопок проводится, главным образом, как уже было сказано выше, по случайному или намеренному характеру таких действий.

Исходя из вышеизложенного, следует, что, если лицо случайно обнаружило археологический предмет, то оно должно получить за это вознаграждение, если перед этим оно имело цель его найти, то будет привлечено к административной ответственности, а если предмет окажется старше ста лет – то к уголовной ответственности.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

Такое достаточно размытое правовое регулирование отношений, связанных с сохранением археологических предметов, указывает на возможность дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере в целях недопущения неопределенностей в правоприменительной практике.

Так, на наш взгляд, имеет смысл охватить уголовно-правовой охраной и предметы, имеющие значительную историческую и культурную ценность, но не достигшие возраста ста лет (например, связанных с историей Великой Отечественной войны, которые также часто оказываются «жертвами» «черных копателей»); направить действие уголовного закона на недопущение укрытия уже добытых незаконными археологами ценных предметов и снизить давление на «любителей», оставив уголовную ответственность только в случаях рецидива или крупного ущерба.

Кроме того, в целях обеспечения единообразного применения судами уголовного законодательства по ст. 243.2 УК РФ, считаем целесообразным принятие Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о незаконном поиске и (или) изъятии археологических предметов из мест залегания».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) (ETS № 143) (г. Валлетта, 16.01.1992 г.) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 16.04.2012. № 16. Ст. 1812.
2. Федеральный закон от 23.07.2013 № 245-ФЗ (ред. от 28.12.2017). «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» // *Российская газета*. 26.07.2013. № 163.
3. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // *Парламентская газета*. 29.06.2002. № 120–121.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 11.10.2018) // *Российская газета*. 31.12.2001. № 256.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // *Собрание законодательства РФ*. 17.06.1996. Ст. 2954. № 25.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

7. Постановление Правительства РФ от 20.02.2014 № 127 (ред. от 17.06.2017) «Об утверждении Правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия» // Собрание законодательства РФ. 03.03.2014. № 9. Ст. 910.

8. Дзасохова Н. Этот рынок сродни музею // Полиция России. 2014. № 12. С. 12; Тарасова А.В. Судебные механизмы защиты конституционного права на доступ к культурным ценностям // Культура: управление, экономика, право. 2016. № 1.

9. Мишина Е. Хватит копать // Российская газета. Столичный выпуск № 6137 (161). 25.07.2013. <https://rg.ru/2013/07/25/arh.html>, свободный. Яз. рус.

10. Памятники истории и культуры: правовой статус и охрана: Монография // Под науч. ред. А.В. Наумова ; Ин-т государства и права Российской акад. наук. 2-е изд., испр. – М., 2015.

11. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2014, 2015, 2016, 2017 гг. и 1 полугодие 2018 г. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759>, свободный. Яз. рус.

СЛОВО СТУДЕНТУ

Амендт Павел Юрьевич

студент 2-го курса магистратуры
Международного юридического института

Amendt P.Y.

2nd year master's student
International law Institute

Пчелкина Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Астраханского филиала Международного юридического
института

Pchelkina E.V.

PhD in law, associate Professor of criminal law disciplines
Astrakhan branch International law Institute

ПОНЯТИЕ И СПЕЦИФИКА СЛОЖНОГО СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

THE CONCEPT AND SPECIFICS OF A COMPLEX CRIME

Аннотация. Рассмотрена юридическая природа, проанализированы теоретические положения дефиниции и признаков сложного состава преступления.

Abstract. Considered the legal nature, analyzed the theoretical provisions of the definition and signs of a complex crime.

Ключевые слова: преступление, состав преступления, сложный состав преступления, объективные признаки преступления, субъективные признаки преступления.

Key words: crime, corpus delicti, complex corpus delicti, objective signs of a crime, subjective signs of a crime.

В теории уголовного права составы преступления делятся на простые и сложные. Простой состав преступления включает признаки одного объекта, одного деяния, влекущего одно последствие, одну фор-

му вины. Простым, например, является основной состав убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ¹).

Квалифицированный состав убийства (ч. 2 ст. 105), напротив, является сложным, поскольку включает множественные мотивы (хулиганский, корыстный и др.), цели, способы (с особой жестокостью, общественно опасным способом и др.) и т.д.²

Основная доля составов преступлений относится к числу сложных, ведь даже простые, на первый взгляд, составы при ближайшем рассмотрении оказываются сложными.

Наличие в УК РФ сложных составов преступлений свидетельствует не только о разнообразии форм и приемов законодательной техники, но и выступает наглядным показателем уровня развития уголовного законодательства, соответствия его потребностям практики.

Сложное преступление всегда посягает на два или более непосредственных объекта уголовно-правовой охраны. Первый из этих объектов в сложном преступлении всегда является основным, превалирует над вторым, наиболее полно характеризует антисоциальную направленность и содержание преступления в целом. Второй объект выступает как дополнительный обязательный, который в сочетании с основным определяет направленность деяния, способ, условия его совершения, то есть выполняет второстепенную, вспомогательную функцию.

Для большинства сложных преступлений характерно наличие одного основного и одного дополнительного обязательного объектов. Однако среди них есть и такие, которые вызывают вред большему количеству общественных отношений. В частности, это хулиганство, связанное с сопротивлением представителю власти, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «а» ч. 1 и ч. 2 ст. 213 УК РФ). Указанное деяние посягает не только на общественный порядок (основной объект), не только на авторитет органов власти (дополнительный объект), но и на охраняемые

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. 12.11.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Морозов В.И., Лосев С.Г. Понятие состава преступления в отечественной теории уголовного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2 (40). С. 16–21.

уголовным законом отношения общественной безопасности (другой дополнительный объект)¹.

Отметим также, что стремление законодателя поставить в первую очередь охрану определенных общественных отношений, вовсе не означает, что эти отношения являются более важными по сравнению с другими, которые тоже нарушаются этим преступлением. Между тем в литературе высказывается мнение, что «по общему правилу, дополнительный объект с точки зрения общественных интересов является менее социально ценным по сравнению с основным объектом».

Представляется, что это утверждение является сомнительным, так как существуют сложные преступления, в которых дополнительный объект является даже более значимым и важным, чем основной, поскольку посягательство на него является более опасным. Например, при разбое, совершенном с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ), здоровью человека с точки зрения социальных ценностей следует отдать предпочтение перед отношениями собственности.

Это же касается и грабежа, совершенного с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон), совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (ч. 4. ст. 166 УК РФ), и многих других составов преступлений. Считаем, что в этих и других подобных случаях законодатель, помещая то или иное деяние в соответствующий раздел Особенной части УК РФ, учитывает не только важность охраняемых общественных отношений, и выбирает как основной объект такое общественное благо или интерес, посягательство на которые составляют социальную сущность преступления, определяют его направленность. Этим и объясняется, что причинение вреда дополнительному объекту, который иногда в сложных преступлениях является более важным по основной, отодвигается, так сказать, на второй план.

¹ Гавриленков С.А. Состав преступления как основание уголовной ответственности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4–2 (54). С. 49–53.

Поскольку сложное преступление является многообъектным деянием, оно вызывает вредные социальные изменения в сфере нескольких объектов уголовно-правовой охраны, то есть в целом имеет более высокую степень общественной опасности, чем действия, входящие в его состав. Опираясь на это свойство рассматриваемых преступлений, некоторые ученые-правоведы высказывают мнение, что сложное преступление существует только в тех преступлениях, когда деяния, которые его составляют, не выходят за пределы соответствующего сложного состава по степени своей общественной опасности. В принципе с этим утверждением следует согласиться и сделать вывод, что общественная опасность сложного преступления не может быть менее опасной общественной опасности деяний, входящих в его состав, ни общественной опасности каждого из них, в частности.

Однако в литературе существует противоположная точка зрения, согласно которой, если для совершения преступления избираются такие формы и средства, общественная опасность которых примерно равна общественной опасности «основного» преступления, то содеянное следует квалифицировать по совокупности. В случаях, когда общественная опасность формы (средства) являются несравненно ниже общественной опасности деяния в целом или наоборот выше общественной опасности самого преступления, то будет иметь место сложное преступление.

Также сложный состав преступления характеризуется наличием в своем составе двух или более общественно опасных деяний, каждое из которых само по себе является единичным преступлением, предусмотренным в Особенной части УК РФ как отдельный (самостоятельный) состав преступления.

Именно этот признак был взят учеными за основу при определении сущности сложного преступления. Однако авторы по-разному толковали этот признак. Например, М.В. Шкеле считал, что таких деяний должно быть не больше двух¹. О.С. Хорошилова акцентировала вни-

¹ Шкеле М.В. Обязательные и факультативные признаки состава преступления // В сборнике: Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 25–29.

мание на обязательном различии деяний, из которых образуется сложное преступление¹.

По нашему мнению, приведенные суждения не являются безусловными, так как устанавливать какие-либо четкие количественные параметры в отношении деяний в сложном преступлении нецелесообразно и вряд ли правильно. Среди сложных преступлений много таких, которые образованы более чем двумя деяниями. Кроме того, нельзя исключать, что формулируя новые сложные деликты, законодатель определенной частью из них также будет определять через сочетание в одном составе более чем двух самостоятельных преступлений. Следовательно, при определении сложных преступлений более правильно указывать, что они состоят из нескольких самостоятельных преступных деяний².

На основании изложенного можно сделать вывод, что определение сложного преступления, как состоящего из двух разных преступных деяний не всегда соответствует его сущности, так как указанный признак для него либо вообще не характерен, либо в равной степени присущ преступлениям других видов. Более правильно говорить о наличии в его составе нескольких общественно опасных деяний, каждое из которых само по себе является отдельным единичным преступлением, предусмотренным УК РФ.

Также стоит отметить, что сложное преступление в целом, а также и все деяния, из которых оно образовано, характеризуются лишь умышленной формой вины. Этот вывод следует из особенностей соотношения деяний в сложном преступлении, которое гласит, что в середине него не может быть разного психического отношения субъекта к основному и дополнительному действию и их объектов.

Интеллектуальный признак умысла заключается в осознании виновным того, что своим посягательством он причиняет вред нескольким объектам уголовно-правовой охраны; что в совершенном им дея-

¹ Хорошилова О.С. Классификация составов преступлений по моменту окончания преступления // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-2 (62). С. 223–226.

² Мишин К. И. Значение понятия «состав преступления» и его разграничение с понятием «преступление» // В сборнике: Актуальные проблемы гражданского и уголовного права: Сборник научных статей по материалам Международной студенческой научно-теоретической конференции. 2016. С. 184–186.

нии содержатся признаки нескольких взаимосвязанных друг с другом деяний, которые имеют повышенную общественную опасность.

Предвидение общественно опасных последствий, как следующий признак интеллектуального момента умысла в сложном преступлении, заключается в понимании субъектом того, что последствия наступят именно вследствие совершенных вместе нескольких деяний, и что эти деяния и их последствия связаны между собой. Содержание волевого момента умысла в сложных преступлениях зависит от соотношения, в котором находятся основное и дополнительное деяния.

Так, в тех преступлениях, где способ выступает как отдельное действие, субъект, совершая это деяние вспомогательного характера (применяя этот способ), преследует цель совершить таким путем основное деяние. Он всегда действует целенаправленно, осознает способ совершения основного деяния, предполагает, что именно этот способ обеспечит наступление следствия и желает этого следствия. Например, совершая насильственный грабеж, виновный осознает, что именно путем применения насилия он завладеет чужим имуществом, и он предполагает, что такое насилие будет способствовать завладению имущества и желает завладеть этим имуществом именно таким путем.

В сложных преступлениях, где основное деяние квалифицируется дополнительным преступлением, содержание волевого момента умысла несколько иное. Квалифицирующий признак преступления всегда повышает общественную опасность деяния в целом, следовательно, его фактические признаки также должны осознаваться субъектом. Последствия дополнительного квалифицирующего преступления могут и не быть желаемыми для виновного, а выступать побочным результатом основной деятельности. Скажем, при убийстве, сопряженном с изнасилованием, может иметь место косвенный умысел в отношении смерти потерпевшей, если, применяя насилие и желая преодолеть ее сопротивление, виновный сознательно допускает, что может таким образом лишить потерпевшую жизни¹.

¹ Романов А.К. Понятие релевантных составов преступления и их уголовно-правовое значение//В сборнике: Теория и практика современной юридической науки: Сборник научных трудов по итогам Международной межвузовской научно-практической конференции. Некоммерческое партнерство «Инновационный центр развития образования и науки». 2014. С. 25–27.

Подытоживая изложенное, определим, что сложное преступление – это преступление, которое объединяет несколько внутренне связанных между собой, соподчиненных умышленных деяний, каждое из которых предусмотрено в уголовном законе как отдельный самостоятельный состав преступления. Сложное преступление всегда должно квалифицироваться по одной статье (или части статьи) Особенной части УК РФ.

Наличие в законе указанных деликтов дает возможность усилить ответственность за типичные, уже существующие в реальной жизни сложные формы преступной деятельности, не применяя при этом правила квалификации по совокупности преступлений, что позволяет избавиться от избыточной, громоздкой квалификации. При этом, устанавливая ответственность за сложное преступление, законодатель должен учесть признаки последнего и при построении соответствующей санкции, в котором обязательно должна отражаться общественная опасность каждого из деяний, входящих в его состав.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. 12.11.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. 12.11.2018.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. Гавриленков С. А. Состав преступления как основание уголовной ответственности//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4–2 (54).
5. Мишин К. И. Значение понятия «состав преступления» и его разграничение с понятием «преступление» // Актуальные проблемы гражданского и уголовного права: Сборник научных статей по материалам Международной студенческой научно-теоретической конференции. 2016.

6. Морозов В. И., Лосев С. Г. Понятие состава преступления в отечественной теории уголовного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2 (40).

7. Романов А. К. Понятие релевантных составов преступления и их уголовно-правовое значение // В сборнике: Теория и практика современной юридической науки: Сборник научных трудов по итогам Международной межвузовской научно-практической конференции. Некоммерческое партнерство «Инновационный центр развития образования и науки». 2014.

8. Хорошилова О. С. Классификация составов преступлений по моменту окончания преступления // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-2 (62).

9. Шкеле М. В. Обязательные и факультативные признаки состава преступления // В сборнике: Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2015.

Афанасьева Мария Павловна

аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин
Астраханского государственного университета

Afanasyeva M.P.

post-graduate student of the Department of state and legal
disciplines Astrakhan state University

**РАВНЫЙ ДОСТУП К ПУБЛИЧНОЙ СЛУЖБЕ В СИСТЕМЕ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН
В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА**

**EQUAL ACCESS TO PUBLIC SERVICE IN THE SYSTEM OF
CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF CITIZENS '
PARTICIPATION IN THE MANAGEMENT OF STATE
AFFAIRS**

Аннотация. В статье рассматривается принцип равного доступа к государственной и муниципальной службе как один из элементов в системе принципов, основанных на нормативном содержании ст. 32 Конституции РФ. Автор доказывает, что под «доступом» к публичной службе в конституционно-правовом смысле следует понимать всеобщность, равенство, непосредственность, добровольность, состязательность и добросовестность субъектов конституционных правоотношений, наделенных правами и обязанностями в процессе организации публичной службы. Нормативные предписания ст. 32 и 59 Конституции РФ являются взаимоисключающими при одних обстоятельствах и взаимодополняющими – при других.

Abstract. In clause the principle of equal access to the state and municipal service as one of elements in system of the principles based on the normative maintenance of clause 32 of the Constitution of the Russian Federation is considered. The author proves, that to public service in the constitutional sense it is necessary to understand generality, equality, a spontaneity, voluntariness, competitiveness and conscientiousness of subjects of the constitutional attitudes allocated by the rights and duties during the organization of public service as «access». Normative instructions of clauses 32 and 59 Constitutions of the Russian Federation are mutually exclusive at one circumstances and complementary – at others.

Ключевые слова: публичная служба, равенство, участие в управлении государством, конституционный строй.

Key words: public service, equality, participation in government, the constitutional system.

При исследовании проблемы обеспечения равенства доступа к публичной службе в механизме реализации ч. 1 ст. 32 Конституции РФ, прежде всего, следует учитывать наличие определенной связи между нормами ст. 19, ч. 1 и 4 ст. 32 Конституции РФ. С одной стороны, принцип равноправия – самостоятельный конституционный принцип, имеющий фундаментальное значение (ст. 19 Конституции РФ). С другой – в аспекте реализации права граждан на участие в управлении делами государства (ч. 1 ст. 32 Конституции РФ) он приобретает, в некоторой степени, служебное (вторичное, второстепенное) содержание. Об этом свидетельствуют нормы ч. 4 ст. 32 Конституции РФ. Гарантируя участие граждан в управлении делами государства, конституционный строй нацелен на реализацию *не только и не столько* равенства претендентов на государственные и муниципальные должности, сколько комплекса конституционных принципов (всеобщности¹, непосредственности², гласности³ и т.п.). В некоторых случаях законодатель и правоприменительные органы могут даже отдать предпочтение обеспечению участия граждан в управлении делами государства в ущерб равенству публичных служащих (при противоречии между этими конституционными принципами вследствие использования методологии приоритетов). В

¹ Нерсесян Б.С. От буржуазного (особенного) принципа формально-равной правоспособности к демократическому (всеобщему) принципу надлежащей формально-доступной правоспособности // Правоведение. 2013. № 6. С. 11–35.

² Голошапов А. Прямое действие конституционных норм и принципов // Законность. 2004. № 4. С. 46–49.

³ Гришковец А.А. Принцип гласности в осуществлении государственной службы // Государственная власть и местное самоуправление. 2002. № 1. С. 8–9; Щукина Т.В. Актуальные проблемы соблюдения принципа гласности на государственной и муниципальной службе // Вестник Воронежского института МВД России. 2002. № 3. С. 185–188; Трынченков А.А. Принцип гласности в системе принципов государственной службы // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 137.

связи с этими обстоятельствами необходим анализ, прежде всего, механизма участия граждан в управлении делами государства, затем – роли и значения в этом механизме конституционного принципа равноправия, примененного к доступу претендентов на должности публичной службы.

Юридическая конструкция ст. 32 Конституции РФ выглядит довольно не стандартно по сравнению с предшествующими конституциями нашего государства (конституции 1918, 1924, 1936 и 1977 гг.)¹. В действующей Конституции РФ не выделяется в виде отдельной главы или статьи «избирательная система» и даже не формулируются принципы всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании (в Конституции РФ они указываются лишь в статье о выборах Президента РФ, что с формальной точки зрения позволяет не относить «классические» принципы избирательной системы ко всем видам выборов. Конституционному Суду РФ пришлось выносить специальное постановление о том, что принципы всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права относятся ко всем видам выборов, т.е. толковать расширительно нормы ч. 1 ст. 81 Конституции РФ в отличие от их буквальной интерпретации)².

¹ См.: Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582. Утратила силу. Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик от 31 января 1924 г. М., 1924. Утратил силу. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. // Известия ЦИК СССР. 1936. 6 декабря. Утратила силу. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 7 октября 1977 г. // ВВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617. Утратила силу.

² См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 9-П от 10.07.1995 «По делу о проверке конституционности части второй ст. 42 Закона Чувашской Республики «О выборах депутатов Государственного Совета Чувашской Республики» в редакции от 26 августа 1994 г.» // Российская газета. 1995. 13 июля. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 14-П от 24.11.1995 «По делу о проверке конституционности части второй ст. 10 Закона Республики Северная Осетия от 22 декабря 1994 г. «О выборах в Парламент Республики Северная Осетия – Алания» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4692.

Диспозиция ч. 1 ст. 32 Конституции РФ выглядит также весьма неоднозначно. Использование формулировки «как непосредственно, так и через своих представителей» свидетельствует о распространении нормы, скорее в отношении прямой, представительной демократии и избирательной системы, чем государственной и муниципальной службы. Под «участием граждан в управлении делами государства» Конституция РФ понимает, прежде всего, их голосование на выборах, участие в митингах, собраниях, шествиях, пикетированиях, обращение с петициями и т.д. (прямая демократия), деятельность Президента РФ, Государственной Думы и иных выборных органов и должностных лиц (народное представительство), и лишь затем – равный доступ к государственной службе и участие в отправлении правосудия.

Примечательно, что Конституция РФ не гарантирует «равный доступ» граждан к замещению должностей Президента РФ или депутатов Государственной Думы (здесь корректнее говорить о пассивном избирательном праве). Слово «доступ» как бы заменяет «субъективное право», причем воспринимается несколько «жестче», но сути правоотношений, однако, не меняет. В силу требований ст. 32 Конституции РФ граждане *имеют право на участие в управлении делами государства в форме публичной службы наряду с прямой демократией и народным представительством*. Вследствие этого «доступ» к публичной службе означает, что претенденты на должности публичной службы и сами публичные служащие имеют ряд субъективных прав и обязанностей, реализуемых в конституционных правоотношениях¹.

Полагаем, что принципы *всеобщего, равного и прямого права на участие в управлении делами государства* наиболее точным образом отражают конституционную сущность не только народного представительства, но и доступа к служебной деятельности. В числе этих принципов могут быть указаны и некоторые другие руководящие

¹ Бобров А.М. Личное поручительство при поступлении на правоохранительную службу: средство повышения эффективности отбора или принцип, ограничивающий равный доступ к государственной службе? // Административное право: развитие теоретических основ и модернизация законодательства. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013. С. 156; Прокошина Т.В. Реализация права граждан на равный доступ к государственной службе: конституционный и административно-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998. С. 9.

идеи (добровольность, состязательность, добросовестность и др.), которые также имеют отношение ко всем формам участия граждан в управлении делами государства, но не считаются «классическими» принципами. Имеются основания полагать, что под «доступом» к публичной службе законодатель понимает всеобщность, равенство, непосредственность, добровольность, состязательность и добросовестность субъектов конституционных правоотношений, наделенных правами и обязанностями в процессе организации публичной службы. Принцип равенства занимает среди них важное место, но не может толковаться как единственный и исключительный¹.

Анализ конституций зарубежных стран показывает, что не во всех странах мира принята за основу данная модель конституционного регулирования общественных отношений. Во многих странах (Албания, Япония, Болгария) мы вообще не видим какого-либо упоминания о праве граждан на равный доступ к публичной службе, речь идет *только об активном и пассивном избирательном праве*. В конституциях этих зарубежных стран право на равный доступ к публичной службе не запрещается, но и не гарантируется. Оно полностью замещается избирательной системой².

¹ См.: Ламанов Е.Н. Право граждан на равный доступ к государственной, муниципальной службе и к участию в управлении делами государства // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 4. С. 8–12; Федосеева Н.Н. Блоги как новый инструмент современной демократии и форма реализации гражданами права на участие в управлении делами государства // Информационное право. 2010. № 3. С. 23–26; Сивицкий В.А. Некоторые проблемы реализации права граждан на участие в управлении делами государства на современном этапе // Конституционное право и политика: Сборник материалов Международной научной конференции: Юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. 28-30 марта 2012 г. – М.: Юрист, 2012. С. 158.

² См.: Волкова М.А. Право избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления как гарантия реализации права граждан на участие в управлении делами государства // Политико-правовые технологии разрешения конфликтных ситуаций между властью, общественными организациями и СМИ. – Саратов: Саратовский источник, 2013. С. 38. Осетров С.А. Право граждан Российской Федерации на участие в управлении делами государства – основа построения избирательной системы // Новеллизация избирательного законодательства и

В той мере, в какой публичные должности являются выборными и представляют собой компонент конституционной системы народного представительства, – они обеспечиваются нормами конституционного права. Тем самым гарантируется достижение цели открытого и конкурсного характера замещения должностей посредством публичных выборов. Доступ граждан к публичным должностям, которые замещаются путем административного назначения, оттесняется на периферию законодательного или подзаконного нормотворчества, исключая какие-либо конституционные гарантии. Бессильным здесь оказывается и конституционное правосудие (право на доступ к публичной службе защищается ординарными судебными инстанциями, чаще всего – судами общей юрисдикции, но не конституционными судами).

Анализ конституционного права России и ряда зарубежных стран показывает, что определение равного доступа к публичной службе как элемента в механизме обеспечения участия граждан в управлении делами государства является допустимым в демократическом обществе. Наряду с «управлением делами государства» используются такие объекты конституционно-правового регулирования, как «общественная деятельность» (Финляндия), «публичная деятельность» (Хорватия), «публичные функции и обязанности» (Андорра) или только «публичные функции» (Македония), «решение государственных дел», «управление делами общества и государства» (Беларусь), «управление государством» (Армения) или «управление своей страной» (Литва), «управление публичными делами» (Чехия), что может отождествляться с «политической жизнью» или противопоставляться ей (Азербайджан). В зарубежных конституциях гарантируется не только равный доступ к публичной службе, но также право «служить» (Азербайджан), «замещать должности» (Грузия), «быть принятым на службу» (Хорватия), «поступать на службу» (Италия) и т.д.

Граждане имеют право на участие в управлении делами государства в форме публичной службы наряду с прямой демократией и народным представительством. Под «доступом» к публичной службе в конституционно-правовом смысле следует понимать всеобщность, равенство, непосредственность, добровольность,

актуальные проблемы его применения. – Самара: Самарский университет, 2006. С. 118.

состязательность и добросовестность субъектов конституционных правоотношений, наделенных правами и обязанностями в процессе организации публичной службы. Нормативные предписания ст. 32 и 59 Конституции РФ являются взаимоисключающими при одних обстоятельствах и взаимодополняющими – при других.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бобров А.М. Личное поручительство при поступлении на правоохранительную службу: средство повышения эффективности отбора или принцип, ограничивающий равный доступ к государственной службе? // Административное право: развитие теоретических основ и модернизация законодательства. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013.

2. Волкова М.А. Право избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления как гарантия реализации права граждан на участие в управлении делами государства // Политико-правовые технологии разрешения конфликтных ситуаций между властью, общественными организациями и СМИ. – Саратов: Саратовский источник, 2013.

3. Голощапов А. Прямое действие конституционных норм и принципов // Законность. 2004. № 4.

4. Гришковец А.А. Принцип гласности в осуществлении государственной службы // Государственная власть и местное самоуправление. 2002. № 1.

5. Ламанов Е.Н. Право граждан на равный доступ к государственной, муниципальной службе и к участию в управлении делами государства // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 4.

6. Нерсесян Б.С. От буржуазного (особенного) принципа формально-равной правоспособности к демократическому (всеобщему) принципу надлежащей формально-доступной правоспособности // Правоведение. 2013. № 6.

7. Осетров С.А. Право граждан Российской Федерации на участие в управлении делами государства – основа построения избирательной системы // Новеллизация избирательного законодательства и актуальные проблемы его применения. – Самара: Самарский университет, 2006.

8. Прокошина Т.В. Реализация права граждан на равный доступ к государственной службе: конституционный и административно-правовой анализ. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998.

9. Сивицкий В.А. Некоторые проблемы реализации права граждан на участие в управлении делами государства на современном этапе // Конституционное право и политика: Сборник материалов международной научной конференции: Юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. 28-30 марта 2012 г. – М.: Юрист, 2012.

10. Трынченков А.А. Принцип гласности в системе принципов государственной службы // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.

11. Федосеева Н.Н. Блоги как новый инструмент современной демократии и форма реализации гражданами права на участие в управлении делами государства // Информационное право. 2010. № 3.

12. Щукина Т.В. Актуальные проблемы соблюдения принципа гласности на государственной и муниципальной службе // Вестник Воронежского института МВД России. 2002. № 3.

Бессарабенко Александр Александрович

студент 2-го курса магистратуры
Международного юридического института

Bessarabenko A.A.

2nd year master's student International law Institute

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КУПЛИ-ПРОДАЖИ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF THE PURCHASE AND SALE OF A SPACESHIP

Аннотация. В связи с растущей тенденцией развития международного рынка в сфере космической деятельности все чаще возникают пробелы в ее правовом регулировании. Автором была поставлена задача рассмотреть правовую возможность реализации международной сделки в части продажи космического корабля. В данной статье автор указал на неточности трактовки Конвенции Организаций Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров от 1980 г. и Закона РФ от 20.08.1993 № 5663-1 «О космической деятельности».

Abstract. Due to the growing trend of international market development on the field space activities, the gaps of its legal regulation increasingly arise. The author tasked to consider the legal possibility of implementing an international transaction in the process of spacecraft sale. The author of the article pointed to inaccuracies in the interpretation of the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods of 1980 and the Law of the Russian Federation of 20.08.1993 № 5663-1 «About space activity».

Ключевые слова: Конвенция, Кодекс, закон, правовое регулирование, космический корабль, воздушное судно, купля-продажа.

Key words: Convention, Code, law, legal regulation, spacecraft, aircraft, sale and purchase.

С появлением на международном коммерческом рынке новых игроков, желающих участвовать в освоении космического пространства, возникает вопрос: как им войти на этот рынок – создать собственные мощности и построить свои космические корабли, или приобрести

уже готовые у государств, которые имеют опыт работы в космической отрасли не один десяток лет и соответствующие ресурсы.

Как показывает практика и развивающиеся тенденции, целесообразнее заказать и приобрести готовый космический корабль под определенную миссию, чем построить новый.

На данный момент правовые исследования вопроса приобретения космического корабля другим государством, у которого нет возможности и опыта построить свой космический корабль, но имеется финансовая возможность приобрести готовый космический корабль, еще не поднимались.

В данной статье рассматривается возможность реализации договора купли-продажи на примере Венской Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров¹ (далее Конвенция), которая регулирует взаимоотношения между сторонами, одной из которых является продавец, а другой покупатель.

При рассмотрении данной Конвенции можно отметить ст. 2:

Настоящая Конвенция не применяется к продаже:

- a) товаров, которые приобретаются для личного, семейного или домашнего использования, за исключением случаев, когда продавец в любое время до или в момент заключения договора не знал и не должен был знать, что товары приобретаются для такого использования;
- b) с аукциона;
- c) в порядке исполнительного производства или иным образом в силу закона;
- d) фондовых бумаг, акций, обеспечительных бумаг, оборотных документов или денег;
- e) судов водного и воздушного транспорта, а также судов на воздушной подушке;
- f) электроэнергии.

При подготовке данной Конвенции юристы – практики обратили внимание² на интересный факт, в соответствии с которым национальные требования к регистрации судов существенно различаются, а по-

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11.04.1980).

² Венская конвенция ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров: постатейный комментарий к положениям, определяющим сферу ее применения (Асосков А.В.) («Инфотропик Медиа», 2013). Комментарий Секретариата. Ст. 2. Rn. 9.

тому критерий регистрации ставит перед судом сложную задачу, особенно в условиях международной купли-продажи судна, которая зачастую предполагает изменение национальности судна и его потенциальное внесение в другой национальный реестр.

Также можно рассмотреть Конвенцию о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров¹, где в ст. 3 термин «воздушное судно» уже отражен, но в данной Конвенции Российская Федерация не участвует.

Если рассматривать терминологию данной статьи Конвенции, то наиболее близкий термин к «космический корабль» является термин «воздушное судно».

Термин «*воздушное судно*» в соответствии с Воздушным Кодексом Российской Федерации² (далее – Кодекс) гл. 5, ст. 32, п.1 означает летательный аппарат, поддерживаемый в атмосфере за счет взаимодействия с воздухом, отличного от взаимодействия с воздухом, отраженным от поверхности земли или воды, который делится:

- на воздушное судно;
- на легкое воздушное судно;
- на сверхлегкое воздушное судно;
- на пилотируемое воздушное судно;
- на беспилотное воздушное судно;
- на беспилотную авиационную систему.

Но следует отметить, что в данной статье термин «космический корабль» отсутствует.

Соответственно, при анализе данной Конвенции и Кодекса необходимо рассмотреть, как в настоящее время происходит организация и юридическое оформление процесса купли-продажи воздушного судна.

В настоящее время на международном коммерческом рынке космических услуг спрос на новые частные воздушные судна (далее – самолет) значительно превышает предложение, заказы на новые самолеты принимаются на несколько лет вперед.

Отношения между покупателем и продавцом-посредником обычно регулируются письмом о намерениях (*letter of intent*) или предложени-

¹ Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. – М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. С. 209–220.

² Воздушный кодекс Российской Федерации. 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.08.2018).

ем о покупке, подписанным обеими сторонами, которые впоследствии заменяются договором купли-продажи.

В сделках по купле-продаже частных самолетов обычно участвуют стороны, находящиеся в различных странах, при обсуждении условий подобной сделки покупателю целесообразно рассмотреть вопрос о выборе применимого права, которое наилучшим образом будет обеспечивать его интересы.

Большинство участников международного рынка регулирующим правом в сделках на куплю-продажу частного самолета выбирают швейцарское право. Особенно в случаях, когда продавец находится в стране общего права, а покупатель в стране континентальной правовой системы.

В связи с вышесказанным можно сделать вывод о невозможности применения данной Конвенции при продаже космического корабля иной стороне, которая не находится на территории Российской Федерации, так как космический корабль как и воздушное судно требует национальной регистрации.

Переход на коммерциализацию в космической деятельности вполне возможен, и такой момент обязательно настанет, и тогда придется рассматривать вопрос, какое регулирующие право мы можем применить, или обратиться к швейцарскому праву, которое используется в настоящее время в договорах купли-продажи воздушного судна.

Также можно обратить внимание на термин «космический корабль», который отсутствует в Законе Российской Федерации «О космической деятельности»¹, но если обратиться к ст. 20, п. 2, то можно выделить такое понятие как пилотируемый космический объект.

Кроме того, в Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров от 1980 г. отмечен недостаток юридической техники в части ст. 2, где не учтены термины «космический корабль» и «пилотируемый космический корабль». Данное обстоятельство может вводить в заблуждение участников рынка космических услуг.

В связи с этим считаю целесообразным уточнить формулировку «пилотируемый космический объект» или ввести новые термины «космический корабль» и «пилотируемый космический корабль» в существующий Закон РФ «О космической деятельности».

¹ Закон РФ от 20.08.1993 № 5663-1 (ред. от 07.03.2018) «О космической деятельности».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11.04.1980).
2. Венская конвенция ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров: постатейный комментарий к положениям, определяющим сферу ее применения (Асосков А.В.) («Инфотропик Медиа», 2013). Комментарий Секретариата. Ст. 2. Rn. 9.
3. Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. – М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996.
4. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.08.2018).
5. Закон РФ «О космической деятельности» от 20.08.1993 № 5663-1 (ред. от 07.03.2018).
6. Савельев, В.А. Актуальные вопросы ответственности в международном космическом праве // Право и политика. 2000. № 6.
7. Сурков М. М. Принципы международного морского, воздушно-го и космического права // Лаборатория книги. 2010.
8. Мельников А.Г. Особенности правоотношений в космическом пространстве // Юридический мир. 2018. № 9.
9. Певцова Е.А. Роль молодежи в современном правовом обществе// Гражданин и право. 2009. № 1.
10. Певцова Е.А. Роль юристов и педагогов в формировании правосознания несовершеннолетних// Народное образование. 2006. № 9.
11. Певцова Е.А. Юридическая техника и проблемы развития образовательного законодательства// Юстиция. 2007. № 3.

Блохин Максим Владимирович

студент магистратуры Юридического института
Орловского государственного университета¹

Blokhin M.V.

master's student of Law Institute Oryol state University

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «КОРРУПЦИЯ»

THEORETICAL AND LEGAL APPROACHES TO THE DEFINITION OF «CORRUPTION»

Аннотация. В статье рассмотрена трактовка такого деструктивно-го феномена, как коррупция, рассмотрена ее опасность, сделан вывод о невозможности сформулировать дефиницию «коррупция» в качестве общепринятого определения, поскольку она представляет собой сложный деструктивный социальный феномен, изучаемый в разных научных специальностях, и в зависимости от того, какие особенности этого явления оказываются предметом исследования, будут отличаться и сформулированные учеными определения этого понятия из-за разности методологических подходов. В рамках уголовно-правовой науки автору представляется важным использование широкого подхода к уголовной коррупции, не ограничивающегося ее восприятием только как взяточничества/подкупа.

Abstract. The article considers the interpretation of such a destructive phenomenon as corruption, considers the danger from it, and concludes that it is impossible to formulate the definition of «corruption» as a generally accepted definition, since it is a complex destructive social phenomenon studied in various scientific specialties, and Depending on what features of this phenomenon are the subject of research, the definitions of this concept formulated by scientists will differ due to the difference methodologically approaches. Within the framework of criminal law science, it seems important to the author to use a broad approach to criminal corruption, which is not limited to its perception only as bribery.

¹ Научный руководитель Абашина Людмила Александровна, к.ю.н, доцент, заведующий кафедрой уголовного права юридического института Орловского государственного университета им. И.С.Тургенева.

Ключевые слова: коррупция, уголовная коррупция, коррупционные преступления, коррупционная преступность, преступления коррупционной направленности.

Key words: corruption, criminal corruption, corruption crimes, corruption crimes, corruption crimes.

Феномен коррупции представляет большую общественную опасность и для России, поскольку уничтожает доверие граждан, сталкивающихся с ее проявлениями при получении государственных услуг, к системам органов публичной власти и правоохранительных органов. Это, в конечном итоге, может привести к разрушению российской государственности, поскольку отчуждает от государства общество, которое становится безразличным к его дальнейшему существованию.

У коррупции есть и другие отрицательные последствия. Коррупция подрывает общественно-политическое и социально-экономическое развитие государства, представляя собой серьезное препятствие для демократии и верховенства закона, разрушает национальное доверие к сложившейся политической системе и ее лидеру, приводит к истощению национального богатства, препятствует развитию эффективно действующих рыночных структур и искажает конкуренцию (так как экономические выгоды используются недобросовестными субъектами), тем самым, сдерживая инвестиции, создает бедность и может являться даже источником войн, политических конфликтов и усиления транснациональной преступности¹.

Несмотря на деятельную борьбу с коррупцией, декларируемую на уровне общественной риторики и систему комплексных мер по противодействию ей, регулярно отражаемую в очередном Национальном плане по противодействию коррупции, уровень коррупционных проявлений, исходя из статистических данных, не только не уменьшается, но, напротив, растет. А размер взятки (а взятничество справедливо называют «ядром» коррупции) только увеличивается. Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка обнародовал статистику о размере ущерба, причиненного действиями коррупционеров: «Как следует из результа-

¹ Например: А.Н. Перенджиев в авторской монографии подчеркивает связь коррупции и преступлений террористической направленности с «теневой экономикой». См.: Перенджиев А.Н. Антитеррористическая политика России и ее институты безопасности: Научная монография. – Химки: АГЗ МЧС России, 2017.С. 40–41.

тов расследования уголовных дел, размер причиненного преступлениями коррупционной направленности материального ущерба за последние два года и три квартала 2017 г. составил более 148 миллиардов рублей»¹. Это наглядно демонстрирует неэффективность предпринимаемых мер и или недостаточность их для реального ограничения уровня коррупции.

В последнее время на уровне общественной дискуссии стали даже постулироваться тезисы о невозможности, ненужности и даже опасности победы над коррупцией из-за ее системообразующего для отечественной государственности характера, истоки которой со ссылкой на Н. Карамзина находят в социокультурных кодах русского народа. Было даже предложено легализовать ее определенные проявления и попытки выявления случаев «позитивной коррупции». Однако данные социологических опросов показывают, что общество вполне осознает и масштабы данной российской проблемы, и социальную опасность от нее.

Отсутствие комплексного понимания причин разрастания коррупции приводит к тому, что, с одной стороны, противники коррупционных правонарушений требуют усиления мер уголовной репрессии по китайскому образцу, считая, что именно это даст оптимальный эффект, с другой стороны, субъекты, также нетерпимо относящиеся к коррупции, полагают, что только либерализация уголовного законодательства приведет к желаемым результатам. В итоге, оба этих тренда, в разные исторические периоды представленные в отечественном уголовном законодательстве, не позволили ограничить и искоренить коррупцию. Но именно сейчас коррупция стремительно растет, несмотря на активные законодательные и иные меры по противодействию ей, предпринятые в период президентства Д.А. Медведева.

Стремясь силами позитивного права решить этот болезненный для российского общества вопрос, пытаются ввести в юридическую практику и криминализировать «откат», дискутируют о юридических недостатках норм Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающих составы преступлений коррупционной направленности. Не умаляя важности уголовно-правового аспекта в сфере противодействия коррупции и полагая необходимым и важным исследование уголовно-правового аспекта противодействия корруп-

¹ Названа сумма ущерба России от коррупционных преступлений. <http://vestiregion.ru/2017/12/08/> Дата доступа: 05.09.2018.

ционными преступлениям, все же подчеркнем необходимость изучения самого феномена коррупции как опаснейшего деструктивного социального явления и продолжения общественной дискуссии по этому вопросу на уровне дискурсивной постановки проблемы и путей ее решения с учетом особенностей нашей ментальности. Правы исследователи, подчеркнувшие, что «без активного участия всего социума, экспертного сообщества и высшей власти (элиты) полностью осмыслить суть коррупции нельзя и нельзя даже ее ограничить»¹.

Проблема противодействия коррупции является предметом исследований ученых, работающих в разных областях научного знания. Это свидетельствует о том, что в научном сообществе коррупция воспринимается как многоаспектное явление, ставшее системообразующим для нашего государства², изучение которого возможно с разных сторон и в рамках различных методологических подходов. Публикационная активность по данным вопросам весьма высока. Активизация интереса исследователей происходит обычно либо как реакция на выдвинутые предложения о редактировании уголовно-правового законодательства, либо вследствие уже проделанной законодателем подобной работы. Однако есть научные труды исследователей, которые системно работают над данной проблематикой. Стоит все же заметить, что попытки комплексного анализа всего явления в целом предпринимаются нечасто: авторы, как правило, предпочитают анализ лишь одного из аспектов проявления коррупции, что, на наш взгляд, является фрагментаризацией восприятия этой сложной социальной проблемы, тогда как само явление требует именно комплексно-аналитического подхода ввиду системного характера коррупции. Таким образом, можно вполне согласиться с В. Северухиным, что коррупция «как системная проблема российской государственности ... в

¹ Гуськов Ю.В., Мельков С.А. Рецензия политолога полезной для настоящих антикоррупционеров книги // Электронный научный журнал «ГосРег». 2017. № 3. URL: <https://elibrary.ru/download/elibrary>. Дата доступа: 05.10.2018.

² Ефремова О.В. Предотвращение коррупциогенного поведения государственных служащих правовыми средствами // Актуальные проблемы трудового законодательства в государственной службе: Материалы Международной научно-практической конференции (10 апреля 2018г., г.Орел., ОГУ им. И.С. Тургенева). – Орел: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2018. С. 132.

достаточной мере не исследована ни с позиций юриспруденции, ни с позиций экономической и политологической науки»¹.

Проблема коррупции – масштабна, работ, демонстрирующих социальную, экономическую и политическую ее опасность, – очень много, и общий настрой этих исследований, какой бы методологии исследования их авторы ни придерживались, укладывается в общую канву взглядов на коррупцию и отношение к ней. Но нам показался интересным тот факт, что периодически предпринимаются попытки найти положительные черты в этом деструктивном феномене, чтобы объяснить причины ее широкого распространения, что, в конечном итоге, приводит к «пораженческим» настроениям на поле борьбы с коррупцией. Некоторые исследователи даже воспринимают ее как положительное явление (теория позитивной коррупции, ее сторонниками выступают, например, Л.М. Тимофеев, Г. Сатаров и М. Левин), разработана и теория о экономико-регулирующих функциях коррупции². Отдельные исследователи применяют к коррупционным явлениям правовой термин «сделка» (Л.М. Тимофеев, Н.А. Лопашенко и др.), тем самым, по нашему мнению, тоже завуалированно легитимизируют коррупцию. Думается, что в данном случае термин, безусловно, употреблен метафорически, но само применение к преступлениям, административно-правовым нарушениям гражданско-правового понятия «сделка», закрепленного в Гражданском кодексе РФ, на наш взгляд, все же совершенно неприемлемо.

Государственные чиновники и парламентарии, со своей стороны, находят иные причины для минимизации противодействия коррупции или отказа от него. Они опасаются, что борьба с коррупцией может стать для страны дестабилизирующим фактором и способствовать реализации сценария цветных революций в российских условиях. Так И. Яровая, будучи председателем комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции, заявила, что «задача противодействия коррупции может быть использована для разрушения национального

¹ Северухин В.А. Рецензия на монографию Ю.П. Синельщикова «Коррупция в России: история, состояние, причины, меры борьбы» (– М.: ООО «Псковское возрождение», 2017. 92 с. // Вестник МГПУ. 2018. № (29). С. 106.

² Левин М.И., Цирик М.Л. Математические модели коррупции // Экономика и математические методы. 1998. Т. 34. Вып. 3. С. 40–62.

суверенитета»¹, приведя в пример украинскую ситуацию, где, воспользовавшись лозунгами о борьбе с коррупцией, лица, инспирировавшие государственный переворот в 2014 г., разрушили систему государственного управления», заместитель министра МВД России И. Зубов заявил, что «все цветные революции во всех странах начинались под лозунгом борьбы с коррупцией»². Понятно, что в таких случаях лозунги о борьбе с коррупцией становятся поводом для реализации сценария цветных революций по дестабилизации государственного управления. Однако Президент России 04.03.2014 г., говоря о ситуации на Украине, наоборот, с моей точки зрения, подчеркнул, что органы публичной власти должны работать так, чтобы у людей не было фактических оснований для протеста и обвинения органов управления в коррупции и игнорировании интересов населения³. Позиция главы Российского государства нам представляется более осмысленной и здоровой.

К настоящему времени в различных общественных и гуманитарных науках предпринимались попытки выработки универсального определения коррупции как социального явления, которое стало бы общепринятым, аналогичная ситуация сложилась в юридических науках, где также нет единства трактовок этого понятия. Количество точек зрения, предложенных исследователями к настоящему времени, столь велико, что привести все авторские определения не представляется возможным, хотя в науке и предпринимались попытки систематизировать исследования в этой области⁴.

¹ Борьба с коррупцией может быть опасна для национального суверенитета. Это доказывают недавние события на Украине, полагают депутаты и чиновники. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/> Дата доступа: 01.09.2017.

² Там же.

³ Путин В.В.: «...я понимаю, тем не менее, тех людей на майдане, которые до сих пор требуют не каких-то там ремонтов фасада власти, а требуют кардинальных перемен. Почему они требуют? Потому что они уже привыкли, что одних жуликов меняют на других жуликов и проходимцев». См.: Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20366> Дата доступа: 14.10.2018.

⁴ Бугадаров С.М. Понятие коррупции в российском законодательстве и юридической литературе// Современное состояние и проблемы развития

Анализируя преступления коррупционной направленности, Ф.М. Абубакиров, В.П. Пугачев, С.С. Поляков пишут, что коррупция является для них ключевым понятием, но отмечают: «При анализе коррупционного поведения среди отечественных криминалистов нет единства мнений по поводу тождественности терминов «коррупция» и «коррупционная преступность»¹. Они же пишут о возможности синонимичного употребления в литературе не только этих терминов, но и еще двух: «коррупционные преступления», «коррупционные правонарушения». Добавим, что отдельные исследователи (П.А. Кабанов) ставят знак равенства между дефиницией «коррупция» и понятием «корыстные злоупотребления по службе», подчеркивая их тождественность по содержанию и сущности.

Таким образом, когда исследователи-криминологи пишут о коррупции, они зачастую имеют в виду именно коррупционную преступность, что в рамках уголовно-правовой науки, несомненно, правильно. Однако, в целом, на наш взгляд, если рассуждать о коррупции как о противоправном явлении, это не совсем точное понимание коррупции, чрезмерно сужающее ее рамки, поскольку сущность коррупции шире, чем составы преступлений, в диспозиции которых установлены коррупционные деяния.

В рамках уголовно-правовой науки определение уголовной коррупции формулируется исследователями в зависимости от приверженности к узкому или широкому подходу ее понимания (в зарубежных правовых системах легальные дефиниции сформулированы различно, но, в целом, там тоже прослеживается узкое и расширенное понимание уголовной коррупции). Сторонники первой точки зрения, настаивая на ней, подчеркивают, что широкая трактовка «размывает» понимание коррупционной преступности. Ярким выразителем этой позиции является проф. А.И. Долгова, которая, аргументируя свою

российского законодательства: Материалы Регион. научно-практическая конференция / Отв. ред. И.Ю. Остапович. – Горно-Алтайск, 2010. С. 157–160.

¹ Абубакиров Ф.М., Пугачев В.П., Поляков С.С. Преступления коррупционной направленности: понятие, виды и вопросы квалификации. URL: <http://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-yurisprudentsii-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodnoy-nauchno-praktich/sektsiya-6-ugolovnoe-pravo-i-kriminologiya-ugolovno-ispolnitelnoe-pravo-spetsialnost-12-00-08/prestupleniya-korrupsionnoy-napravlenosti-ponyatie-vidy-i-voprosy-kvalifikatsii/> Дата доступа: 14.10.2018.

точку зрения, пишет: «Чрезмерно широкое толкование коррупции практически означало объединение под одним термином очень разных по своей криминологической характеристике явлений: и хищений, и должностных преступлений, и подкупа-продажности (коррупции в собственном смысле слова)»¹.

Результаты нашего исследования показывают, что большинство криминологов все же придерживаются широкого понимания уголовной коррупции (иногда, на наш взгляд, даже чрезмерно широкого, как у Ю.М. Антоняна, по мнению которого «коррупцию в самом широком смысле можно определить как совершение неких действий лицом, обладающим в силу своего служебного положения необходимыми возможностями, в пользу того, кто незаконно оплатил такое действие. При этом сами действия могут быть вполне законными»²). Широкой трактовки уголовной коррупции придерживаются, например, Ю.М. Смирнова и К.М. Лобзов, отмечающие в своей статье, что «как социальное явление она представляет собой криминализацию отношений, складывающихся между должностными лицами, в том числе государственными чиновниками, и отдельными членами общества по поводу использования возможностей занимаемой ими должности в целях получения личной выгоды в ущерб интересам третьей стороны (государства, общества, фирмы, потребителей, партнеров, конкурентов и т.п.)»³.

Некоторые криминологи заняли промежуточную позицию, благодаря эволюции собственных взглядов на данную проблематику. Так, например, Н.Ф. Кузнецова в результате трансформации своих воззрений стала выделять в уголовной коррупции две подсистемы – взяточничество в широком смысле слова и «преступления коррупционного характера» – иные корыстные служебные злоупотребления⁴, хотя ра-

¹ Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А. И. Долговой. – М., 2001. С. 559.

² Антонян Ю.М. Типология коррупции и коррупционного поведения // Социология коррупции. Материалы Научно-практической конференции. – М., 2003. С. 37.

³ Смирнова Ю.М., Лобзов К.М. Коррупция как угроза национальным интересам // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 1(52). С. 10.

⁴ Кузнецова Н.Ф. Борьба с коррупцией в странах СНГ // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы / Под ред. В.В. Лунеева. – М., 2001. С. 344.

нее придерживалась классического узкого подхода к пониманию уголовной коррупции.

На наш взгляд, широкое понимание коррупции более правильно как с теоретической, так и с законотворческой и правоприменительной точек зрения. Очевидно, что теперь коррупция носит усложненный характер, видоизменяясь под усложненные формы общественной жизни. Проанализировав определение из рамочного федерального закона «О противодействии коррупции» (п. «а» ст. 1)¹, можно утверждать, что в отечественном законодательстве, по нашему мнению, законодатель выступил сторонником именно широкого подхода к определению понятия коррупции, сконструировав легальное определение, которое, конечно, тоже не без изъянов. Так, там не учтено появление новых ст. 291.1 и 291.2 УК РФ², в части терминологического аппарата данное определение не коррелируется с содержанием ст. 285 УК РФ, где, в отличие от закона, упоминается «злоупотребление должностными полномочиями», а не «служебным положением» как в законе. По факту перечень коррупционных преступлений, перечисленных в Федеральном законе «О противодействии коррупции», является неполным, но сама конструкция сформулированного определения дает возможность расширительного толкования для причисления отдельных составов преступлений из УК РФ к коррупционным преступным деяниям из-за того, что этот перечень не носит закрытого характера.

Итак, исследование показало, что в настоящий момент единой общепринятой уголовно-правовой трактовки понятий «коррупция» и «коррупционная преступность» не имеется, поскольку именно в УК РФ не содержится терминов «коррупция» и «преступления коррупционной направленности». Будучи понятием широким, коррупция не может рассматриваться только в рамках уголовно-правовой науки и практики, понятие коррупции может и должно использоваться в превенции коррупционных преступлений, но не в Уголовном кодексе. Закрепление ее в качестве легального уголовно-правового термина (опыт Италии, Китая) – нецелесообразно. Однако можно высказать

¹ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции» № 273-ФЗ (в ред. от 30.10.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 12.11.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

предположение о том, что постепенно произойдет закрепление в качестве легальной дефиниции термина «коррупционные преступления» или «преступления коррупционной направленности», так как это отвечает складывающейся в российском законодательстве тенденции. Так, в последние годы в УК РФ стали выделять группу составов преступлений, именуемых «преступления террористической направленности» (ст. 205.1 УК РФ), «преступления экстремистской направленности» (ст. 282.1 УК РФ), т.е. эти термины из доктринальных приобрели легальное значение. Между тем правоприменители должны хорошо представлять перечень коррупционных преступлений, что имеет большое значение для правильной квалификации. Однако включение их всех в единый раздел УК РФ не требуется. Исследование показало, что это крайне сложно осуществить на практике не только из-за того, что этих видов составов преступлений просто количественно много, но и из-за их структурного расположения: коррупционные преступные деяния и преступления, им сопутствующие, находятся во многих разделах УК РФ (хотя, безусловно, прежде всего в гл. 30). Объединение их всех в рамках одного раздела, нарушив традиционно принятое в Особенной части выстраивание составов преступлений по объекту, разрушит и так довольно несовершенную структуру УК РФ, значительно пострадавшую от новаций законодателя. Именно поэтому, осознавая эту необходимость, Верховный Суд решил эту проблему с помощью нормативного толкования в своем Постановлении. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ к коррупционным отнесены составы преступлений, предусмотренные в ст. 290, 291, 291.1, 159, 160, 204, 292, 304 УК РФ¹. Заметим, что, несмотря на обновление уголовного законодательства, Верховный Суд РФ не учел в своем постановлении появление новой ст. 291.2 «Мелкое взяточничество», что представляется пробелом, требующим его ликвидации путем изменений и дополнений в существующее постановление Пленума.

Таким образом, попытки сформулировать дефиницию «коррупция» в рамках отраслевых наук в качестве общепринятого определения будут неудачными, поскольку она представляет собой сложный деструк-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. от 03.12.2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 9.

тивный социальный феномен, изучаемый в разных научных специальностях, и в зависимости от того, какие особенности этого явления оказываются предметом исследования, будут различаться и данные учеными определения этого понятия из-за разности методологических подходов. В рамках уголовно-правовой науки представляется важным использование широкого подхода к уголовной коррупции, не ограничивающегося ее восприятием только как взяточничества/подкупа. Это согласуется и с позицией законодателя, и с содержанием международных документов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 12.11. 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 25 декабря 2008г № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 30.10.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. от 03.12.2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 9.
4. Абубакиров Ф.М., Пугачев В.П., Поляков С.С. Преступления коррупционной направленности: понятие, виды и вопросы квалификации. URL: <http://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-yurisprudentsii-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodnoy-nauchno-praktich/sektsiya-6-ugolovnoe-pravo-i-kriminologiya-ugolovno-ispolnitelnoe-pravo-spetsialnost-12-00-08/prestupleniya-korruptsionnoy-napravlenosti-ponyatie-vidy-i-voprosy-kvalifikatsii/> 14.10.2018.
5. Антонян Ю.М. Типология коррупции и коррупционного поведения // Социология коррупции. Научно-практическая конференция. 20 марта 2003 г. – М.: РНОПЭ, 2003.
6. Борьба с коррупцией может быть опасна для национального суверенитета. Это доказывают недавние события на Украине, полагают депутаты и чиновники. <https://www.vedomosti.ru/politics/>
7. Бугадаров С.М. Понятие коррупции в российском законодательстве и юридической литературе // Современное состояние и проблемы развития российского законодательства: Материалы Регион. научно-практическая конференция / Отв. ред. И.Ю. Остапович. – Горно-Алтайск, 2010.

8. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20366>.

9. Гуськов Ю.В. Мельков С.А. Рецензия политолога полезной для настоящих антикоррупционеров книги // Электронный научный журнал «ГосРег». 2017. № 3. <https://elibrary.ru/download/> Дата доступа: 05.10.2018.

10. Ефремова О.В. Предотвращение коррупционного поведения государственных служащих правовыми средствами // Актуальные проблемы трудового законодательства в государственной службе: материалы международной научно-практической конференции (10 апреля 2018г., г. Орел). – Орел: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2018.

11. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Долговой. – М.: НОРМА – ИНФРА-М, 2001.

12. Кузнецова Н.Ф. Борьба с коррупцией в странах СНГ // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы / Под ред. В.В. Лунеева. – М., 2001.

13. Левин М.И., Цирик М.Л. Математические модели коррупции // Экономика и математические методы. 1998. Т. 34. Вып. 3.

14. Названа сумма ущерба России от коррупционных преступлений <http://vestiregion.ru/2017/12/08/nazvana-summa-ushherbarossii-ot-korrupcionnykh-prestuplenij/>

15. Перенджиев А.Н. Антитеррористическая политика России и ее институты безопасности: Научная монография. – Химки: АГЗ МЧС России, 2017.

16. Северухин В.А. Рецензия на монографию Ю.П. Синельщикова «Коррупция в России: история, состояние, причины, меры борьбы» – М.: Псковское возрождение, 2017 // Вестник МГПУ. 2018. № 1(29).

17. Смирнова Ю.М., Лобзов К.М. Коррупция как угроза национальным интересам // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 1(52).

Ворона Татьяна Геннадьевна

студентка 2-го курса магистратуры
Международного юридического института

Vorona T.G.

2nd year master's student International legal institute

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ БАНКРОТСТВЕ

OBSERVANCE OF RIGHTS FOR CITIZENS AT BANKRUPTCY

Аннотация. В данной статье рассматривается соблюдение прав граждан при использовании института банкротства физических лиц в Российской Федерации.

Abstract. In this article the observance of rights for citizens is examined at the use of institute of bankruptcy of physical persons in Russian Federation.

Ключевые слова: банкротство, гражданское право, недвижимое имущество, органы опеки и попечительства, ребенок.

Key words: bankruptcy, civil law, real estate, organs of guardianship and patronage, child.

В современном обществе вопросы, связанные с банкротством физических лиц в Российской Федерации, как никогда актуальны. С 1 октября 2015 г. гражданин (физическое лицо) официально на уровне Арбитражного суда может быть признан несостоятельным (банкротом).

Банкротство гражданина следует считать новым для российского законодательства институтом.

При этом в развитых правовых системах несостоятельность (банкротство) гражданина является одним из эффективных способов защиты граждан, которые попали в силу различных обстоятельств в тяжелое материальное положение. Банкротство гражданина позволяет в один момент «очиститься» от бремени долгов и «начать жизнь с чистого листа».

Российское законодательство о банкротстве граждан (физических лиц) в таком масштабе, как сейчас, не реализовывалось никогда. Для принятия законодательства в сфере банкротства граждан законодатели

Российской Федерации шли около десяти лет. В этот достаточно длительный период времени нормы, которые позволяли бы признавать несостоятельных граждан банкротами, не применялись. Порядок восстановления их платежеспособности не регулировался.

Серьезные изменения произошли в результате принятия Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ¹. В закон введена новая глава X «Банкротство граждан», которая включает в себя существенные дополнения в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а именно:

– закон о банкротстве дает более точные определения реабилитационным процедурам, возможным к применению в деле о банкротстве гражданина (физического лица), а именно: процедура реструктуризации долгов гражданина и (или) процедура реализации имущества гражданина;

– закон о банкротстве дает легальное определение кандидатуры финансового управляющего.

Возможность банкротства граждан явилось долгожданным и необходимым шагом. При этом данный закон после принятия постоянно корректируется и дополняется.

В современных условиях жизни российского общества средняя заработная плата в 2017 г. составила 31 475 рублей в месяц с учетом всех обязательных отчислений. Прожиточный минимум в среднем для трудоспособного населения по данным Федеральной службы государственной статистики составляет 10 573 рубля. Казалось бы, средний доход превышает прожиточный минимум почти в три раза. При этом доля населения, имеющего доходы ниже границы бедности, установленной на международном уровне с учетом паритета покупательной способности, составляет 13,2 % от общей численности населения².

¹ Федеральный закон от 29.06.2015 № 154-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

² О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации в IV квартале 2017 г. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/ (Дата обращения: 23.05.2018).

Статья 2 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» дает понятие несостоятельности (банкротству), и это признанная только арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Хотелось бы обратить внимание, что одним из основных последствий признания гражданина банкротом следует считать освобождение его от неисполненных денежных обязательств, т.е. их последующим списанием. В данные обязательства входят также и не погашенные по причине недостатка денежных средств от процедуры реализации имущества требования кредиторов.

В соответствии с п. 1 ст. 162 Закона о банкротстве, после расчетов с кредиторами уполномоченным органом граждан, признанный банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов должника. Таким образом, гражданин, признанный банкротом, освобождается от долгового бремени¹.

Гражданин в ходе банкротства лишается имущества (в случае его наличия), которое реализуется (продается) в целях погашения неисполненных денежных обязательств, и получает своего рода шанс начать новый этап в своей жизни без долгов.

Банкротство гражданина следует считать одним из наиболее эффективных способов защиты граждан, попавших в тяжелое материальное положение в силу каких-либо причин.

Закон о банкротстве дает право обращения в арбитражный суд с заявлением о признании гражданина несостоятельным (банкротом) как самому должнику, так кредиторам и уполномоченному органу.

Закон о банкротстве предусматривает обязанность гражданина об обращении с заявлением в Арбитражный суд о признании себя банкротом при наличии ряда условий, предусмотренных данным законом. При этом гражданин имеет право (но не обязан) обратиться с заявлением в суд о признании себя банкротом в случае предвидения банкротства.

Закон о банкротстве предусматривает возможность применения в отношении гражданина трех реабилитационных процедур:

¹ www.bibliotekar.ru/grazhdanskoe-pravo-3/

1. Реструктуризация долгов гражданина – это реабилитационная процедура, применяемая в деле о банкротстве гражданина, целью которой является восстановление платежеспособности должника и погашения задолженности перед кредиторами, уполномоченным органом в соответствии с планом реструктуризации долгов (своего рода графиком). Его на утверждение предоставляет сам должник. Срок погашения требований кредиторов не должен превышать 3 лет.

Реструктуризацию долгов гражданина следует считать оздоровительной процедурой в рамках дела о банкротстве должника (гражданина). При этом данная процедура дает возможность обеим сторонам удовлетворить свои интересы и избежать ряд последствий.

2. Реализация имущества гражданина – реабилитационная процедура, применяемая в деле о банкротстве гражданина, целью которой является соразмерное удовлетворение требований кредиторов.

Закон предусматривает возможность введения данной процедуры сроком не более 6 месяцев. По решению Арбитражного суда, рассматривающего дело о несостоятельности (банкротстве) гражданина, срок процедуры может быть продлен на основании ходатайства лиц, участвующих в деле о банкротстве. Как показывает практика, процедура реализации имущества продляется по ходатайству финансового управляющего, которым мероприятия, предусмотренные Законом о банкротстве, в шестимесячный срок по каким-либо причинам не выполнены в полном объеме.

Данная процедура предусматривает розыск, опись, оценку, реализацию имущества должника (гражданина), с последующим формированием конкурсной массы должника и, в конечном итоге, удовлетворением требований кредиторов в порядке очередности с требованиями Закона о банкротстве.

Все имущество гражданина, имеющееся на дату принятия решения арбитражного суда о признании гражданина банкротом (резолютивная часть определения АС ПК) и выявленное или приобретенное после даты принятия указанного решения, включается в конкурсную массу. При этом исключением является имущество, на которое в соответствии с действующим гражданским процессуальным законодательством не может быть обращено взыскание.

Имущество гражданина, принадлежащее ему на праве общей собственности с супругом (бывшим супругом), подлежит реализации в деле о банкротстве гражданина по общим правилам. В данном случае супруг (бывший супруг) вправе участвовать в деле о банкротстве гра-

жданина при решении вопросов, связанных с реализацией общего имущества. При этом супругом(ой) (бывшим супругом(ой)), в рамках дела о банкротстве должно быть заявлено ходатайство об участии в деле.

В конкурсную массу гражданина подлежит включению часть денежных средств, полученных от реализации общего имущества супругов (бывших супругов), т.е. та доля гражданина (должника) реализованного имущества, остальная часть этих денежных средств перечисляется на счет (передается под роспись) супругу (бывшему супругу) так же в соответствии с долей в праве. На практике возврат средств в пользу супруга должника осуществляется в размере 50 % от реализации совместно нажитого имущества, в соответствии с требованиями семейного законодательства Российской Федерации.

В случае наличия неисполненных общих обязательств супругов перед кредиторами (поручительство, залог), производится погашение задолженности по данным обязательствам, а разница вырученных денежных средств от реализации имущества выплачивается супругу в указанном ранее порядке.

Так, например, в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) гражданина И. судом апелляционной инстанции в судебном акте указано, что в ходе процедуры банкротства должника супруг должника имеет право обращения в общем порядке в суд общей юрисдикции с исковым заявлением о разделе совместно нажитого имущества супругов и выделе причитающейся доли данного супруга, либо требовать признания права общей собственности на имущество, подлежащее реализации в рамках дела о банкротстве¹.

В случае если исковые требования супруга о разделе общего имущества рассматриваются после продажи имущества в ходе процедуры реализации имущества гражданина, то вырученные от продажи имущества средства учитываются при определении долей супругов.

Арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве гражданина, при вынесении судебного акта о признании обоснованным и подлежащим удовлетворению заявления должника, конкурсного кредитора или уполномоченного органа о признании гражданина несостоятельным (банкротом), введении в отношении должника соответствующей процедуры банкротства, привлекает к участию в деле орган

¹ Определение Верховного Суда РФ от 06.03.2018 № 6-КГ18-1 // СПС КонсультантПлюс.

опеки и попечительства, но только в том случае, если в рамках данного дела затрагиваются права несовершеннолетнего лица либо права лица, признанного судом недееспособным.

Как показывает практика, арбитражные суды привлекают к участию в деле орган опеки и попечительства в случае наличия несовершеннолетнего ребенка у должника, даже при рассмотрении заявления о признании должника (гражданина) несостоятельным (банкротом).

Абзац 3 п. 2 ст. 213.6 Закона о банкротстве содержит указание на органы опеки и попечительства и, значит, носит отсылочный характер и требует обратить внимание на правовой статус органов опеки и попечительства. В соответствии со ст. 8 Семейного кодекса Российской Федерации, защита семейных прав осуществляется судом по правилам гражданского судопроизводства, а в случаях, предусмотренных самим Семейным кодексом, государственными органами, в том числе органами опеки и попечительства.

При неисполнении требований абз. 3 ст. 213.6 Закона о банкротстве имеются основания для отмены судебного акта. Так, Арбитражным судом (АС) Московского округа вынесено Постановление от 27.03.2017 по делу № А40-156617/2016, которым определение суда первой инстанции и Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда (ААС) отменены в связи с тем, что суды рассмотрели спор «без привлечения к участию в деле органов опеки и попечительства и данное нарушение является основанием для отмены принятого по делу судебного акта в любом случае».

В свою очередь, проведя анализ судебной практики по всей территории Российской Федерации, установлено, что даже если судом в рамках рассматриваемого дела и затрагиваются права несовершеннолетнего лица, либо права лица, признанного судом недееспособным, орган опеки и попечительства привлекается к участию в деле о несостоятельности (банкротстве) гражданина, но в большинстве случаев органы опеки участие в судебных заседаниях дела о банкротстве не принимают, явку представителей не обеспечивают, ходатайств процессуального характера не заявляют.

Более того, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей», законодатель не предусматривает обязанности органов опеки участвовать в процессах, не связанных с воспитанием детей.

Таким образом, привлечение органов опеки и попечительства к участию в деле возможно только лишь в том случае, когда права несовершеннолетнего лица действительно нарушаются¹.

В процедуре реализации имущества гражданина в конкурсную массу должника подлежат включению драгоценности, предметы роскоши, транспортные средства, недвижимое имущество, доли в уставном капитале, акции и т.д. Данное имущество подлежит оценке и реализации по средствам торгов.

Статья 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации содержит перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание.

При этом не подлежит реализации в период банкротства гражданина²:

- единственное жилье гражданина (квартира, дом и т.д.) и земельный участок, на котором оно располагается;
- бытовые предметы домашнего обихода и обстановки, вещи индивидуального пользования (одежда и обувь);
- продукты питания, денежные средства в размере установленной законом суммы минимального прожиточного минимума для должника и лиц, которые находятся у него на иждивении;
- топливо, с помощью которого должник (и его семья) производят готовку пищи, обогрев помещений;
- домашние животные и скот, а также хозяйственные постройки, используемые для их содержания;
- призы и выигрыши, государственные награды и памятные, почетные знаки, находящиеся в собственности у должника.

Имущество, не подлежащее реализации, подлежит исключению из конкурсной массы арбитражным судом в рамках дела о банкротстве только на основании заявления самого должника.

3. Мировое соглашение – это процедура, может применяться на любом этапе банкротства гражданина в целях прекращения производства по делу о несостоятельности (банкротстве) с помощью достижения соглашения между должником и кредиторами. В случае наруше-

¹ Статья «Привлекать или не привлекать органы опеки и попечительства при введении процедуры реструктуризации долга или реализации имущества должника?» (Морхат П.М.) (Вестник Арбитражного суда Московского округа». 2017. № 3).

² Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС КонсультантПлюс.

ния условий мирового соглашения, производство по делу о банкротстве гражданина подлежит возобновлению на основании заявления кредитора, чьи требования не погашаются и гражданин признается несостоятельным (банкротом) и в отношении него вводится процедура реализации имущества гражданина.

Заключение мирового соглашения предусматривает прекращение права гражданина исполнять план реструктуризации долгов гражданина, а также в период мирового соглашения действует мораторий на удовлетворение требований кредиторов.

Закон о банкротстве дает возможность признавать гражданина банкротом не чаще чем один раз в пять лет.

Гражданин, признанный банкротом, в течение следующих пяти лет лишается права заключать договор займа без обязательного упоминания факта банкротства. Таким образом, кредитные организации, предоставляя займ гражданину, в целях добросовестности заключения сделки должны проводить мониторинг сайта Арбитражного суда на предмет признания гражданина несостоятельным (банкротом).

Подводя итог всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что в сфере института банкротства граждан законодательство о банкротстве обеспечивает гарантию защиты прав гражданина, его супруга(и), несовершеннолетних детей.

Также следует считать, что актуальной правовой проблемой в качестве способа защиты нарушенного права является распространение использования правового механизма банкротства, что непосредственно сказывается на общественных отношениях, настроениях в обществе и в бизнесе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС КонсультантПлюс.

2. Федеральный закон от 29.06.2015 № 154-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан // СПС КонсультантПлюс.

4. О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации в IV квартале 2017 г. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/ (Дата обращения: 23.05.2018).

5. www.bibliotekar.ru/grazhdanskoe-pravo-3.

6. Ахметова И.Р. Понятие и правовой статус гражданина-должника по российскому законодательству о несостоятельности (банкротстве).

7. Чашин А.А. Банкротство граждан – физических лиц. 2016.

8. Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2017. № 3.

Егорова Анна Алексеевна

юрисконсульт Акционерного общества
«Вяземский машиностроительный завод»¹

Egorova A.A.

legal counsel Joint-stock company
«Vyazemsky Machine-Building Plant»

НОВЫЕ ПРАВИЛА ОСПАРИВАНИЯ КРУПНЫХ СДЕЛОК В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

THE NEW RULES OF CHALLENGING OF LARGE TRANSACTIONS IN THE RUSSIAN LEGISLATION

Аннотация. Статья посвящена особенностям режима совершения крупных сделок в российском законодательстве. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял новое постановление об оспаривании крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Автор рассматривает следующие вопросы: срок исковой давности для таких споров, выделение количественного и качественного критериев, распределение бремени доказывания между истцами и ответчиками.

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the mode of making large transactions in the Russian legislation. The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation adopted a new resolution challenging major transactions and interested party transactions. The author

¹ Научный руководитель Виктория Валерьевна Лукьяненко, к.ю.н., доцент Смоленского филиала Международного юридического института.

considers the following questions: the limitation period for such disputes, the allocation of quantitative and qualitative criteria, the distribution of the burden of proof between the plaintiffs and the defendants.

Ключевые слова: крупная сделка, исковая давность, бремя доказывания, добросовестность, оспаривание сделок, недействительность сделок.

Key words: large transaction, limitation of actions, burden of proof, good faith, challenging transactions, invalidity of transactions.

Современное общество не стоит на месте, оно постоянно находится в движении, развивается и меняется. В соответствии с естественными переменами в обществе вносятся поправки и в законодательство.

26 июня 2018 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации утвердил Постановление «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» (далее – Постановление Пленума ВС РФ о крупных сделках)¹, оно является логическим продолжением недавней реформы корпоративного законодательства. При этом в нем были вновь отражены некоторые положения, ранее уже встречавшиеся в разъяснениях Верховного и Высшего Арбитражного Судов РФ. Подготовка данного нормативного правового акта была вызвана необходимостью привести в соответствие судебную практику с преобразовавшимся законодательством, в том числе с Федеральным законом от 03.07.2016 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» (далее – Закон № 343-ФЗ)².

С момента принятия Постановления Пленума ВС РФ о крупных сделках перестанут действовать положения, утвержденные в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федера-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Российская газета. 06.07.2018. № 145.

² Федеральный закон от 03.07.2016 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Собрание законодательства РФ. 04.07.2016. № 27 (ч. II). Ст. 4276.

ции от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью». Исключения будут составлять случаи, при которых рассматриваются дела об оспаривании сделки, совершенной до даты вступления в силу Закона № 343-ФЗ, то есть до 1 января 2017 г.

Самое главное разъяснение содержится в п. 2 Постановления Пленума ВС РФ о крупных сделках, а именно – вопрос, связанный с исковой давностью. Начиная с 2014 г. действует норма о том, что при предъявлении иска в суд участник общества действует от имени самого общества. При рассмотрении данного вопроса в судебной практике возникало множество разногласий. Во время обсуждения документа на стадии проекта докладчик Ольга Киселева (председатель судебного состава Судебной коллегии по экономическим спорам, судья Верховного Суда Российской Федерации) спорный момент разъяснила, приводя в пример два существующих мнения: «С одной стороны, в указанной ситуации исковую давность следует исчислять в зависимости от того, когда о нарушении прав общества узнало само общество в лице его директора, даже в том случае если директор был в сговоре с контрагентом. Но такая позиция неверна. В то же время трудно согласиться с тем фактом, что исковую давность необходимо определять, принимая во внимание факт осведомленности о нарушении участника, предъявившего иск в суд. Такой подход создал бы неограниченные возможности воздействия исковой давностью при оспаривании сделок общества»¹.

Исходя из этого п. 2 Постановления Пленума ВС РФ о крупных сделках содержит следующую норму: «срок исковой давности по исковым заявлениям о признании недействительной сделки, которая совершена с нарушением процедуры ее совершения, исчисляется со дня, когда директор узнал или должен был узнать о том, что такая сделка совершена с нарушением норм законодательства, в том числе, если он сам совершал данную сделку»². В указанном случае, когда при заключении сделки с нарушениями узнал или должен был узнать директор общества (также если он сам совершал сделку), при доказывании сво-

¹ Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. <http://www.vsgf.ru> (Дата обращения 14.06.2018 г.).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Российская газета. 06.07.2018 г. № 145.

ей позиции в судебном разбирательстве достаточным будет взять во внимание дату, указанную в договоре. Такой вариант возможен в большинстве случаев, при условии, что директор является добросовестным.

В том случае если директор общества находился в сговоре с противоположной стороной сделки, то срок исковой давности начинает исчисляться со дня, когда о соответствующих обстоятельствах узнал или должен был узнать новый, то есть добросовестный директор. Хочется обратить внимание, что в первоначальной редакции проекта постановления речь шла о необходимости доказывания недобросовестности директора организации. Например, в том случае, если между директором и юридическим лицом произошел конфликт интересов, при этом объективная заинтересованность в совершении сделки так же учитывается.

Но в итоге, окончательная версия содержит положение о том, что для исчисления срока исковой давности необходимо доказывать факт преднамеренного сговора с контрагентом, недобросовестность руководителя организации при этом учитываться не будет. Также в реальной жизни может возникнуть ситуация, при которой руководитель общества, находившийся в сговоре с контрагентом, вплоть до момента предъявления требования будет сохранять свои полномочия. В данном случае течение срока исковой давности начинается с того дня, когда о указанных обстоятельствах узнал или должен был узнать участник общества.

Чтобы охарактеризовать сделку как крупную законодатель использует два критерия: качественный и количественный (п. 9 Постановления Пленума ВС РФ о крупных сделках). Появление качественного критерия связано с тем, что закон № 343-ФЗ ввел еще один признак: сделка влечет существенные изменения в деятельности общества, другими словами – к прекращению вида деятельности или значительному изменению ее масштабов¹. Сделку могут характеризовать как влекущую существенное изменение масштабов деятельности общества, ес-

¹ Федеральный закон от 03.07.2016 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2016 г.

ли она приведет к изменению региона деятельности или рынков продаж, что является существенным для общества в данном положении.

Устанавливая наличие качественного критерия, следует исходить из того, что он учитывается непосредственно на момент совершения сделки, а неблагоприятные последствия сами по себе не подтверждают тот факт, что их спровоцировала крупная сделка и что она, сделка, выходила за пределы обычной хозяйственной деятельности. При решении корпоративных и экономических споров суды будут учитывать все значимые обстоятельства, которые связаны с деятельностью общества в период совершения сделки. Оценка возможности наступления негативных последствий должна проводиться судами объективно и в полном объеме, учитывая все обстоятельства дела, имеющие ключевое значение.

Пленум ВС РФ в Постановлении распределяет бремя доказывания недобросовестности стороны сделки, в целях защиты «честных» контрагентов.

В соответствии с п. 18 Постановления на истца возлагается бремя доказывания того, что противоположная сторона по сделке знала (имеется доказательство сговора) или должна была знать о том, что данная сделка являлась для общества крупной и при этом в обязательном порядке отсутствует согласие на ее совершение: «Предполагается, что участник заведомо знает о том, что сделка является крупной, пока не будет доказано иное. Отсутствие данных обстоятельств, конечно же, не лишает истца права представить доказательства об осведомленности другой стороны сделки о том, что она являлась крупной. Например, имеется письмо (справка, уведомление) противоположной стороны сделки, из которого следует, что она знала о том, что сделка для общества является крупной»¹.

Свое мнение в отношении понятия «добросовестность» высказала И.С. Шиткина : «Предполагая добросовестность стороны по сделке, законодатель тем самым гарантирует стабильность имущественного оборота. Еще до принятия закона № 343-ФЗ, который достаточно сильно сузил понятие крупной сделки, в судебной практике образовалась презумпция, в соответствии с ней сторона сделки не знала и не должна была знать о том, что сделка являлась крупной, исключения

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Российская газета. 06.07.2018 г. № 145.

составляют случаи, при которых это было очевидно любому участнику оборота, исходя из природы сделки, например, при продаже большей части средств компании (недвижимого имущества, дорогостоящего оборудования и т.п.)»¹.

По «общему правилу» закон не прописывает обязанности третьего лица проверять, является ли сделка крупной для его контрагента, и была ли соблюдена процедура ее одобрения. Участник не обязан изучать бухгалтерскую отчетность контрагента для целей определения балансовой стоимости, влияния сделки на деятельность контрагента, определения видов его деятельности. Данные, которые содержатся в ЕГРЮЛ и доступные для изучения любому участнику, дают юридическим лицам основания полагаться на них при определении полномочий на совершение любых сделок. Возможно, в дальнейшем законодатель рассмотрит вопрос о введении обязательства на всестороннюю и обязательную проверку контрагента, и конкретно уполномоченного лица на совершение тех или иных действий при заключении разного рода сделок, в том числе крупных. При этом обязательным будет оформление соответствующего подтверждающего акта, например, «Протокол проверки добросовестности ООО «Честность» от 01.10.2018 г.», который будет содержать все необходимые критерии.

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что с большинством положений Постановления ВС РФ о крупных сделках следует принципиально согласиться, существуют некоторые нюансы, по поводу которых могут высказываться различные точки зрения.

Во-первых, постановление вводит каскад правил для исчисления давности для оспаривания контролируемых сделок: сначала срок считается по новому директору и, только если таковой отсутствует, по члену совета директоров или акционеру. С одной стороны, такой подход можно полностью поддержать с точки зрения повышения правовой определенности (несмотря на то, что он не до конца согласуется со схожими правилами для исков к директору о возмещении убытков). С другой стороны, предлагаемое исчисление давности по каждому акционеру индивидуально, при отсутствии объективных сроков давности способно создать немало проблем в судебной практике.

Во-вторых, постановление старается оградить участников оборота от необходимости при заключении сделки проверять что-либо, кроме

¹ Шиткина И.С. Новый режим совершения крупных сделок. Экономика и жизнь. ЭЖ-Юрист // 01.03.2017 г. № 09 (960). № 09 (9675).

ЕГРЮЛ, на предмет полномочий директора. Так, для каждого из видов контролируемых сделок постановление фиксирует принцип, согласно которому «по общему правилу» третьи лица не обязаны проводить проверку на предмет того, является ли сделка крупной, а также была ли она одобрена. С данной идеей можно в принципе согласиться, однако очевидно, что совершение некоторых видов сделок (например, продажа крупных активов, выдача значительного кредита и т.д.) должно сопровождаться большей внимательностью со стороны контрагента, в том числе в силу сложившихся в обороте подходов. Впрочем, остается надеяться, что оговорка «по общему правилу», использованная в Постановлении ВС РФ о крупных сделках, позволит судам в таких случаях приходиться к выводу, что третье лицо должно было знать о том, что заключаемая сделка является, например, крупной.

Как бы то ни было, несмотря на эти оговорки, Постановление ВС РФ о крупных сделках в общем является прекрасным документом, уточняющим и дополняющим не всегда идеальные формулировки корпоративных законов в отношении контролируемых сделок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Российская газета. № 145, 06.07.2018.

2. Постановление Пленума ВАС РФ № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью». Принят 16.05.2014 в ред. от 26.06.2018 // Вестник ВАС РФ, 06.06.2014.

3. Федеральный закон от 03.07.2016 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Собрание законодательства РФ, 04.07.2016. № 27 (ч. II). Ст. 4276.

4. Шиткина И.С. Новый режим совершения крупных сделок. Экономика и жизнь ЭЖ-Юрист / № 09 (960), №09 (9675). 01.03.2017.

Ефимов Георгий Алексеевич

аспирант кафедры теории государства и права
Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева

Efimov G.A.

post-graduate student of the Department of theory of state and law
of Orel state University. I.S. Turgenev

**ПОНЯТИЕ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ
СУЩНОСТЬ ИНСТИТУТА ПРЕДМЕТОВ ВЕДЕНИЯ
И ПОЛНОМОЧИЙ**

**CONCEPT AND THE CONSTITUTIONAL ESSENCE OF
INSTITUTE OF SUBJECTS OF CONDUCTING AND
POWERS**

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретико-методологических основ регулирования в законодательстве предметов ведения и полномочий публично-территориальных образований и их органов. Автор обосновывает точку зрения, что предметы ведения – это сферы государственной и муниципальной деятельности, которые закрепляются, главным образом, за публично-территориальными образованиями. Не следует полностью исключать возможность предметов ведения органов публичной власти, в особенности – если это органы общей компетенции. Но и органы специальной компетенции фактически имеют предметы ведения, чаще всего – один или несколько. Предметы ведения обозначаются словами, в которых нет указания на полномочия, а также на права и обязанности. Однако полномочия, права и обязанности в содержании предметов ведения предполагаются.

Abstract. Clause is devoted to research of theoretical bases of regulation in the legislation of differentiation of authority. The author proves the point of view, that « subjects of conducting » are fields of activity of Russia, subjects of the Russian Federation and municipalities. It is not necessary to exclude completely an opportunity of subjects of conducting bodies of public authority, in particular – if it is bodies of the general competence. But also bodies of the special competence actually have subjects of conducting, more often – one or the several. Subjects of conducting are designated by words in which there is no instruction on powers, and also on the

rights and duties. However powers, the rights and duties in the maintenance of subjects of conducting are assumed.

Ключевые слова: федерализм, местное самоуправление, разделение властей, полномочия, компетенция, предметы ведения.

Key words: federalism, local self-management, division of authorities, powers, the competence, subjects of conducting.

Институт предметов ведения и полномочий имеет общетеоретическое и отраслевое значение, его нельзя квалифицировать исключительно как «конституционно-правовой институт»¹. Вместе с тем, даже если речь идет о разграничении предметов ведения и полномочий в сферах гражданского, административного, семейного, трудового права и т.д.², это неизбежно опирается на положения ст. 71–72, 76 Конституции РФ, следовательно, имеет, главным образом, конституционно-правовую природу. Именно конституционное право обеспечивает институционализацию статуса основных субъектов публичной власти, в числе которых публично-территориальные образования (Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования), органы государственной власти (России и ее субъектов) и местного самоуправления (муниципальных образований). Каждое из указанных лиц имеет конституционно-правовой статус, важным элементом которого являются предметы ведения и полномочия. Статус этих же лиц в других отраслях права, не имеющих общерегулятивной природы, имеет вторичный характер по отношению к их конституционно-правовому положению как субъектов конституционных правоотношений.

¹ Тхабисимов Х.А. Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации как конституционный принцип российского федерализма // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 19–24; Мусалова З.М. Проблемы разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами: конституционный аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 3. С. 9–13.

² См., например: Гапонов Ю.В. Проблемы разграничения предметов ведения и полномочий в области закрепления административной ответственности за административные проступки в области миграции населения между органами государственной власти субъектами РФ // Очерки новейшей камералистики. 2009. № 2. С. 60–62.

Категории «предмет ведения» и «полномочия» не являются единственно возможными в целях конституционно-правовой институционализации статуса субъектов властеотношений. Исходя из устоявшейся терминологии отечественной теории государства и права, более уместным было бы использование категорий «права» и «обязанности». В случаях, когда речь идет о статусе субъектов гражданского общества, которые не являются носителями публичной власти, теория и законодательство довольно строго и устойчиво придерживаются именно этой терминологии («права и обязанности»). В сущности, ничто не запрещает распространять этот категориальный аппарат и на статус субъектов власти¹. Президент РФ, Федеральное Собрание, Правительство РФ, суды, органы субъектов РФ, муниципальных образований и т.д. имеют такие же права и обязанности, что и лица, которые не наделены публичной властью. Само по себе осуществление публичной власти не исключает необходимость разграничения прав и обязанностей, так как правами пользуются по усмотрению управомоченного лица², в то время как несение обязанностей осуществляется вне зависимости от воли соответствующих субъектов³.

Несмотря на указанное обстоятельство, в юридической науке и законодательной практике более устойчиво употребляются термины «предметы ведения», «полномочия», «компетенция», «публичные функции», чем «права и обязанности» во всех случаях, когда речь идет о статусе субъектов властных отношений. Каждая из этих категорий («предметы ведения», «полномочия», «компетенция», «публичные функции») несет смысловую нагрузку не столько «соединения» прав и обязанностей (с логической точки зрения это невозможно), сколько предположения о возможности и того и другого без строгого разграничения.

¹ Бородин Л. Народный заседатель: полномочия, права и обязанности (Анашкин Г. З., Трубников П. Я. Отвечаем на вопросы народных заседателей). Рецензия // Хозяйство и право. 1985. № 2. С. 96.

² Котенков А.А. На чем основано право Президента России возвращать принятый федеральный закон без рассмотрения // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 49–54.

³ Тихон Е.А. Президент Российской Федерации – гарант прав и свобод человека и гражданина: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006. С. 8.

В подтверждение этому можно высказать следующий аргумент: сама по себе публичная власть совершенно не обязательно «требует», чтобы ей обязательно «пользовались». Например, Президент РФ в силу своего статуса не обязан вносить в Государственную Думу законопроекты и применять свое вето в отношении законов, принятых парламентом¹. Совет Федерации не несет обязанность принимать решения об использовании Вооруженных Сил за пределами территории России², Государственная Дума – об объявлении амнистии и т.д. В публично-властной деятельности реализуются как права, так и обязанности. Однако их *принято* именовать предметами ведения, полномочиями, компетенцией или публичной функцией.

Использование данной терминологии («предметы ведения», «полномочия», «компетенция», «публичные функции») вызывает к жизни важную теоретическую и законодательную проблему исследования и установления *соотношения* между ними. При одном подходе их можно было бы считать категориями одного порядка в том смысле, что они являются юридическими синонимами и означают одну и ту же сущность. Если придерживаться данной точки зрения, то можно утверждать, что Российская Федерация (субъекты Федерации, муниципальные образования), а равно органы власти (Президент РФ, парламент, Правительство РФ и т.д.) могут иметь и предметы ведения, и полномочия, и компетенцию, и функции. Важно подчеркнуть, что в действующем законодательстве именно так эти термины, в основном, и трактуются.

Так, Конституция РФ³ устанавливает «предметы ведения» Российской Федерации и субъектов РФ (ст. 71–73, 76), «ведение» Совета Федерации (ст. 102) и «ведение» Государственной Думы

¹ Мазаев В.Д., Минх Г.В. Законодательная инициатива как инструмент реализации конституционных полномочий Президента Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 50–55. Бородин В.В., Корчагина С.В. Законодательная инициатива и правовой статус Президента России // Конституционное и муниципальное право. 1999. № 1. С. 6–9; Иванов О.Б. Право законодательной инициативы президента в зарубежных постсоциалистических государствах // Право и политика. 2002. № 7. С. 27–32.

² Булаков О.Н. Совет Федерации в системе государственной власти Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2004. С. 34.

³ Конституция РФ. Принята всенародным голосованием (с учетом поправок) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

(ст. 103). В ст. 66 Конституции РФ утверждается о наличии статуса республик (часть 1) и других субъектов РФ (часть 2), что подлежит «определению» соответствующими нормативными правовыми актами (статус субъектов РФ должен определяться законами). Нередко в Конституции РФ встречается упоминание об обязанностях и правах Российской Федерации, субъектов РФ («обладать» суверенными правами, «осуществлять» юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне, «устанавливать» государственные языки, «гарантировать» сохранение родных языков и т.д.), но это не квалифицируется как «предмет ведения», «компетенция», «полномочие» или «функция» (ст. 67–68). Анализ положений гл. 4 Конституции РФ показывает, что и при регулировании статуса Президента РФ законодатель сознательно избегает квалификации прав и обязанностей главы государства как «предметов ведения», «полномочий», «компетенции» или «публичных функций»: его права и обязанности в гл. 4 Конституции РФ просто перечисляются. Аналогичным образом позиционируется конституционный статус Правительства РФ.

Вместе с тем ч. 3 ст. 128 Конституции РФ утверждает о наличии «полномочий» Конституционного Суда РФ, ч. 1 ст. 129 «полномочий» прокуратуры, ч. 2 ст. 132 «государственных полномочий», которыми могут быть наделены органы местного самоуправления и т.п. В целом следует отметить факт приоритетного использования в тексте Конституции РФ терминов «ведение» и «полномочие» (статус Федерации, субъектов Федерации, палат парламента, судов и прокуратуры) или отказ от их использования (конституционно-правовое положение Президента РФ и Правительства РФ). Это обстоятельство можно считать случайным или закономерным с точки зрения юридической науки, что требует специального научного исследования.

Более разнообразными являются термины, используемые в текущем (по отношению к Конституции РФ) законодательстве. Так, Федеральный конституционный закон «О военном положении»¹ устанавливает «полномочия» Президента РФ (ст. 11), палат Федерального Собрания (ст. 12), Правительства РФ (ст. 13) и других федеральных органов исполнительной власти (ст. 14). Федеральный

¹ Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (с послед. изм.) «О военном положении» // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

конституционный закон «О референдуме Российской Федерации»¹ также регулирует «полномочия» Центральной избирательной комиссии РФ (ст. 30), избирательных комиссий субъектов РФ (ст. 31) и т.д. Федеральный конституционный закон «О Верховном Суде Российской Федерации»² устанавливает «полномочия» Верховного Суда (ст. 2), его Президиума (ст. 7), но в то же время – «компетенцию» судебных коллегий (ст. 10). Установление «компетенции» (не «полномочий») характерно также для регулирования правового статуса многих других государственных органов.

Множественность значения термина «полномочия» приводит к довольно существенным отклонениям от обычных правил юридической техники. В частности, ст. 13 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации»³ устанавливает полномочия данного органа и одновременно с этим содержит оговорку, что Правительство осуществляет эти «полномочия» в «пределах своих полномочий». Подобная законодательная тавтология, на наш взгляд, явно не «украшает» законодательство в юридико-техническом смысле. Следует помнить, что органы действительно осуществляют свои «полномочия» в пределах «срока полномочий» (т.е. периода их легитимного функционирования), причем они связаны также и «пределами полномочий» (т.е. не вправе действовать произвольно, с превышением полномочий). Это обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствует в пользу приоритетного употребления в законодательстве термина «компетенция» в противовес категории «полномочия». При такой юридико-технической конструкции можно было бы утверждать, что «компетенция Правительства РФ» осуществляется им «в пределах своих полномочий» и «в течение срока его полномочий». Троекратное употребление термина «полномочие» ухудшило бы форму изложения правовой нормы ст. 13

¹ Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (с послед. изм.) «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.

² Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (с послед. изм.) «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

³ Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ (с послед. изм.) «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5712.

Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации».

Еще более ярко эта проблема обнаруживается при регулировании статуса Уполномоченного по правам человека. Было бы неудачным, на наш взгляд, установление «полномочий Уполномоченного», потому что статус Уполномоченного, прежде всего, предполагает его особые полномочия, что следует из названия данного института. В связи с этим не случайно, на наш взгляд, глава третья Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» называется «Компетенция Уполномоченного», а не «Полномочия Уполномоченного»¹.

Однако это обстоятельство не всегда исключает решение законодателя от использования конструкции «полномочие» в ущерб категории «компетенция». Так, ст. 28 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»² содержит конструкцию «полномочных органов, ведающих делами о гражданстве» (ими являются Президент РФ, министерство внутренних дел, министерство иностранных дел, дипломатические представительства и консульские учреждения). По логике, «полномочные органы», к «ведению» которых относятся «дела гражданства», должны иметь «компетенцию» (по аналогии, например, с регулированием статуса Уполномоченного по правам человека). Однако законодатель в ч. 2 ст. 28 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» устанавливает их «полномочия», которые в дальнейшем перечислены в ст. 29–31 данного Федерального закона. Наличие полномочий в рамках ведения «полномочных» органов, на наш взгляд, – не самая удачная юридико-техническая формулировка. В данном контексте не следует усматривать крупных различий в статусе «уполномоченных» и «полномочных» лиц.

Терминологическое разнообразие, которое выражается в сочетании в законодательстве категорий «полномочия» и «компетенция», имеет не только юридико-техническое значение, но и может повлечь за собой правовые последствия по существу возникающих материальных

¹ Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (с послед. изм.) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

² Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (с послед. изм.) «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

и процессуальных правоотношений. В частности, законодательство о порядке рассмотрения обращений граждан опирается на ключевую идею о том, что всякий орган государственной власти или местного самоуправления должен рассмотреть жалобу, заявление или предложение гражданина «в соответствии с компетенцией» (ст. 10 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»)¹. Это правило нужно соблюдать, если органы имеют «компетенцию» (Уполномоченный по правам человека, судебные коллегии Верховного Суда РФ и т.д.). Но как должен поступать правоприменительный орган, если законом установлены «полномочия» органа и нет указания на его «компетенцию»? Положения ст. 10 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» вынуждают правоприменительную практику либо признать тождественность категорий «полномочие» и «компетенция», либо считать, что они имеют некую общую область применения (категория «полномочие» шире, чем категория «компетенция», или наоборот).

На основании изложенного можно предложить следующую авторскую модель разграничения терминов «предметы ведения», «полномочия» и «компетенция». Предметы ведения – это сферы государственной и муниципальной деятельности, которые закрепляются, главным образом, за публично-территориальными образованиями (Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования). Не следует полностью исключать возможность предметов ведения органов публичной власти, в особенности – если это органы «общей компетенции» (Президент РФ, Правительство РФ, высшие должностные лица и высшие исполнительные органы субъектов РФ и т.д.). Но и органы специальной компетенции фактически имеют предметы ведения, чаще всего – один или несколько (например, в ведении министерства юстиции находится юстиция). Предметы ведения обозначаются словами, в которых нет указания на полномочия, а также на права и обязанности. Однако полномочия, права и обязанности в содержании предметов ведения предполагаются (но не раскрываются).

¹ Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (с послед. изм.) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 9. Ст. 2060.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бородин В.В., Корчагина С.В. Законодательная инициатива и правовой статус Президента России // Конституционное и муниципальное право. 1999. № 1.
2. Бородин Л. Народный заседатель: полномочия, права и обязанности (Анашкин Г.З., Трубников П.Я. Отвечаем на вопросы народных заседателей). Рецензия // Хозяйство и право. 1985. № 2.
3. Булаков О.Н. Совет Федерации в системе государственной власти Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2004.
4. Гапонов Ю.В. Проблемы разграничения предметов ведения и полномочий в области закрепления административной ответственности за административные проступки в области миграции населения между органами государственной власти субъектами РФ // Очерки новейшей камералистики. 2009. № 2.
5. Иванов О.Б. Право законодательной инициативы президента в зарубежных постсоциалистических государствах // Право и политика. 2002. № 7.
6. Котенков А.А. На чем основано право Президента России возвращать принятый Федеральный закон без рассмотрения // Журнал российского права. 1997. № 11.
7. Мазаев В.Д., Минх ГВ. Законодательная инициатива как инструмент реализации конституционных полномочий Президента Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1.
8. Мусалова З.М. Проблемы разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами: конституционный аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 3.
9. Тихон Е.А. Президент Российской Федерации – гарант прав и свобод человека и гражданина: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006.
10. Тхабисимов Х.А. Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации как конституционный принцип российского федерализма // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4.

Иванов Александр Павлович

студент магистратуры Международного юридического института

Ivanov A.P.

master's student International law Institute

**СОВРЕМЕННЫЕ РЕГЛАМЕНТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО
СОЮЗА И ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ
В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

**MODERN REGULATIONS OF THE EUROPEAN UNION AND
THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY IN THE ERA
OF DIGITALIZATION**

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам гражданско-правовых основ, развивающимся экономикам мира в эпоху цифровизации. Дана характеристика регламентам BDSG (Bundesdatenschutzgesetz) и DSGVO (Datenschutz-Grundverordnung).

Abstract. This article is devoted to issues of civil and legal foundations, developing economies of the world in the era of digitalization. The characteristic is given to the regulations of the BDSG (Bundesdatenschutzgesetz) and DSGVO (Datenschutz-Grundverordnung).

Ключевые слова: ЕС, Европейский Союз, Германия, ФРГ, Федеративная Республика Германия, Общее правило регулирования обработки данных, Регламент регулирования обработки данных.

Key words: EU, European Union, Germany, Germany, Federal Republic of Germany, General rule for data processing regulation, Regulation for data processing regulation.

Стремительное развитие технологий в различных сферах жизнедеятельности граждан подталкивают развивающиеся страны мира совершенствовать законодательную базу. Европейский Союз представляет собой одну из сильнейших экономик в мире, в которой основным локомотивом является Федеративная Республика Германия. В Германии по данным на 2017 г. прирост ВВП составил 0,7 %, индекс человеческого развития 0,926. В 2016 г. крупная немецкая компания BMW Group поставила новый личный рекорд, выручив 6,9 миллиардов ев-

ро¹. Основными отраслями Германии являются автомобилестроение, станкостроение, машиностроение, химическая промышленность.

В Европейском Союзе для всех стран-участниц современным документом, регулирующим правоотношения в мире цифровых технологий, является Регламент DSGVO (Datenschutz-Grundverordnung), принятый 25 мая 2018 г., целью которого является не только обеспечение безопасности защиты персональных данных на территории Европейского Союза, но и в обеспечении свободного перемещения данных на европейском едином рынке.² Одним из поводов для создания регламента защиты данных послужило отсутствие какого-либо регулирования в области защиты данных для негосударственных компаний в ряде стран-участниц ЕС, наряду с протекающими процессами цифровизации отношений. Директива имеет четко структурированную форму и состоит из 11 глав: общие положения; принципы действий; права субъекта данных; контроллер и процессор; передача данных в третьи страны и международные организации; независимые надзорные органы; сотрудничество и согласования; средства правовой защиты, ответственность, штрафы; положения о конкретных ситуациях при обработке; делегированные действия; окончательные положения.

Согласно гл. 1 «Общие положения», ст. 2 «Объем материала», DSGVO, регламент распространяет юрисдикцию полностью, либо частично на автоматизированную обработку данных, хранящихся в файловой системе. Настоящее положение не применяется:

- 1) к деятельности, которая выходит за рамки закона Союза;
- 2) к государствам-членам, чья деятельность подпадает под сферу действия гл. V, гл. 2, «TEU»;
- 3) к физическим лицам при осуществлении исключительно личной или семейной деятельности;
- 4) к компетентным органам, в целях предотвращения, расследования, выявления или уголовного преследования за уголовные преступления или исполнения приговоров, включая защиту и предотвращение угроз общественной безопасности.

¹ Интернет-форум «Lenta.ru». «Выручка BMW Group в 2016 г. стала рекордной за всю историю концерна» 21 марта 2017 г. <https://lenta.ru/news/2017/03/21/bmw/>. Дата обращения: 20.10.2018.

² Интернет-портал «Intersoft Consulting». «DSGVO». <https://dsgvo-gesetz.de>. Дата обращения: 01.10.2018.

Стоит отметить, что обработка персональных данных союзными учреждениями, органами, офисами регулируется Регламентом (ЕС) № 45/2001. 2 (ЕС) № 45/2001 и не наносит ущерба применению Директивы 2000/31 / ЕС.

В ст. 4 «Определения», гл. 1 «Общие положения» DSGVO определяются основные понятия, такие как:

1) «Личные данные» («personenbezogene Daten») – любая информация, относящаяся к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу («субъект данных») («betroffene Person»);

2) физическое лицо считается идентифицируемым, если может быть идентифицировано прямо или косвенно, в частности путем ассоциации с идентификатором, таким как имя, идентификационный номер, данные о местоположении, онлайн-идентификатор или одна, или несколько специальных функций, выражение физического, физиологической, генетической, умственной, экономической, культурной или социальной идентично;

3) «Обработка» – любой процесс, выполняемый при помощи или без помощи автоматизированных систем или любой такой системой, связанной с персональными данными, такими как сбор, организация, хранение, адаптация или изменение, поиск запросами, которые используют раскрытие информации путем представления, распространения или любой другой формы предоставления;

4) «Ограничение обработки» – маркировка персональных данных, хранящихся для ограничения ее будущей обработки;

5) «Биометрические данные» – личные данные, полученные при помощи конкретных технических процедур с физическим, физиологическим или поведенческим характеристиками физического лица, которые подтверждают идентификацию этого физического лица, такие как особые приметы на лице или дактилоскопические данные;

6) «Надзорный орган» – независимый публичный орган, учрежденный государством-членом в соответствии со ст. 51.

Согласно гл. 6 «Независимые надзорные органы», ст. 51 «Надзорный орган» – каждое государство, входящее в состав ЕС, предоставляет одному или нескольким независимым органам надзор за применением настоящих Правил в целях защиты основных прав и свобод физических лиц при обработке и облегчения свободного перемещения персональных данных в Союзе.

Стоит учесть, что законной обработка является лишь тогда, когда применяется хотя бы одно правило из ст. 6 «Законность обработки», гл. 2 «Принципы действий»:

- субъект данных дал согласие на обработку своих персональных данных для одной или нескольких конкретных целей;
- обработка необходима для выполнения контракта, стороной которого является субъект данных, или для принятия мер по запросу субъекта данных до заключения договора;
- обработка необходима для соблюдения юридического обязательства, которому подвержен контроллер;
- обработка необходима для защиты жизненно важных интересов субъекта данных или другого физического лица;
- обработка необходима для выполнения задачи, выполняемой в общественных интересах или при осуществлении официальных полномочий, возложенных на контроллера;
- обработка необходима для целей законных интересов, осуществляемых контроллером или третьей стороной, за исключением случаев, когда такие интересы перекрываются интересами или основными правами и свободами субъекта данных, которые требуют защиты персональных данных, в частности, когда данный субъект – ребенок.

Однако действия в отношении несовершеннолетних (ребенка) имеют отдельное правовое регулирование, на основании ст. 8 «Условия, применимые к согласию ребенка в отношении услуг информационного общества» – если ребенку не исполнилось 16 лет, такая обработка является законной только в том случае, если и в той степени, в которой согласие предоставляется или разрешается держателем родительской ответственности над ребенком. В законодательстве сохраняется право за государствами-членами предусмотреть более низкий возраст для этих целей при условии, что такой более низкий возраст не превышает 13 лет.

Правовые возможности субъектов данных, участвующих в обработке данных, прописаны в гл. 3 «Права субъекта данных» в ст. 15 «Право доступа субъекта данных»; ст. 16 «Право на исправление данных»; ст. 17 «Право на стирание данных»; ст. 20 «Право на переносимость данных»; ст. 21 «Право на возражения», из которых следует:

1) субъект данных имеет право получить от контроллера подтверждение о том, обрабатываются ли персональные данные, касающиеся физического лица, и следующую информацию: цели обработки; кате-

гории персональных данных; получатели или категории получателей, которым были или будут раскрыты личные данные, в частности получатели в третьих странах или международных организациях; где это возможно, предполагаемый период, за который будут храниться личные данные, или, если это невозможно, критерии, используемые для определения этого периода; наличие права требовать от контроллера исправления или стирания личных данных или ограничения обработки персональных данных в отношении субъекта данных или возражения против такой обработки; право подавать жалобу в надзорный орган; где персональные данные не собираются от субъекта данных, любая доступная информация об их источнике; наличие автоматизированного принятия решений, включая профилирование, упомянутое в ст. 22 (1) и (4), и, по крайней мере, в этих случаях содержательную информацию о вовлеченной логике, а также о значимости и предполагаемых последствиях такой обработки для субъекта данных;

2) субъект данных имеет право получить от диспетчера без неоправданной задержки исправление неточных личных данных. Принимая во внимание цели обработки, субъект данных имеет право на неполные личные данные, в том числе путем предоставления дополнительного заявления;

3) субъект данных имеет право поручить диспетчеру осуществить стирание персональных данных, если применяется одно из следующих оснований: личные данные больше не нужны в отношении целей, для которых они были собраны или обработаны иным образом; субъект данных снимает согласие, на основании которого обработка основывается в соответствии с п. (а) ст. 6 (1) или п. (а) ст. 9 (2), и где нет другого юридического основания для обработки; субъект данных подвергается обработке в соответствии со ст. 21 (1), и нет основополагающих законных оснований для обработки, или субъекты данных, подлежащие обработке в соответствии со ст. 21 (2); личные данные были незаконно обработаны; личные данные должны быть стерты на предмет соблюдения юридического обязательства в законодательстве Союза или государства-члена, которому подчинен контроль; личные данные были собраны в связи с предложением услуг информационного общества, упомянутых в ст. 8 (1);

4) субъект данных имеет право получить от контроллера ограничение обработки, если применяется одно из следующих условий: точность персональных данных оспаривается субъектом данных в течение периода, позволяющего контроллеру проверять точность

персональных данных; обработка является незаконной, и субъект данных выступает против стирания персональных данных и вместо этого требует ограничения их использования; контроллер больше не нуждается в персональных данных для целей обработки, но они требуются субъектом данных для установления, осуществления или защиты юридических требований; субъект данных возражал против обработки в соответствии со ст. 21 (1) в ожидании проверки того, соответствуют ли законные основания для контроллера субъектам данных;

5) субъект данных имеет право на получение персональных данных, которые предоставил контроллеру, в структурированном, обычно используемом и машиночитаемом формате и имеет право передавать эти данные другому контроллеру без помехи от контроллера, которому были предоставлены персональные данные, где: обработка основывается на согласии в соответствии с п. (а) ст. 6 (1) или п. (а) ст. 9 (2) или на договоре в соответствии с п. (b) ст. 6 (1); а также обработка осуществляется автоматизированными средствами;

6) субъект данных имеет право возражать по основаниям, касающимся конкретной ситуации, в любое время на обработку персональных данных, которые основаны в соответствии с п. (e) или (f) ст. 6 (1), включая профилирование на основе этих положений. Контроллер больше не обрабатывает персональные данные, если контроллер не демонстрирует убедительные законные основания для обработки, которые переопределяют интересы, права и свободы субъекта данных или для установления, осуществления или защиты юридических требований.

Население ФРГ остро относится к цифровизации страны, положительно относясь к предпринимаемым мерам и программам. На прошедших выборах 2017 г., Парламентских и Президентских, широко масштабно агитировалось и обсуждалось в общественности, рассмотрение вопроса создания нового министерства дигитализации – Ministerium für Digitalpolitik. Власти реагируют на увеличение количества цифровых технологий, их активное развитие, возникающую проблематику защиты данных и правового регулирования. BDSG¹ имеет ряд отличий от DSGVO, вызванных необходимостью уточнений и соответствии внутригосударственных норм права. Так закрепляются статьи:

¹ Интернет-портал «Intersoft Consulting». «DSGVO». Режим доступа: <https://dsgvo-gesetz.de/bdsg/38-bdsg/>. Дата обращения: 02.10.2018 г.

– 4 – «Видеонаблюдение в общественных местах», позволяющая осуществлять видеонаблюдение в местах общего пользования для нужд государственных органов и выполнения иных задач, на сколько это возможно;

– 37 – «Автоматизированные решения в отдельных случаях, включая профилирование», действующей уточняющей и разъясняющей порядок в соответствии со ст. 22 Регламента (ЕС) 2016/679, за исключением определенных в вышеуказанной статье и при оказании услуг по договору страхования;

– 38 – «Сотрудники по защите данных частных лиц» назначаются контроллерами и процессорами не менее 10 человек при автоматической обработке данных.

Таким образом DSGVO является основным документом для всех стран участниц, оставляющее право за участниками на уточнения и конкретизацию. BDSG, в свою очередь, является регулирующим актом внутри ФРГ, демонстрирующим серьезное отношение власти к цифровизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Интернет-форум «Lenta.ru». «Выручка BMW Group в 2016 г. стала рекордной за всю историю концерна» 21 марта 2017 г. <https://lenta.ru/news/2017/03/21/bmw/>

2. Интернет-портал «Intersoft Consulting». «DSGVO». Режим доступа: <https://dsgvo-gesetz.de>

3. Интернет-портал «Intersoft Consulting». «DSGVO». <https://dsgvo-gesetz.de/bdsg/38-bdsg/>

Иванов Иван Александрович

юрист юридического агентства «Абгарян и партнеры»¹

Ivanov I.A.

lawyer of legal agency «Abgaryan and partners»

**ПРОБЛЕМАТИКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРИНЦИПА
СВОБОДЫ ДОГОВОРА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ
ПОСЛЕДСТВИЙ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
ЧАСТИ СДЕЛКИ**

**THE ISSUE OF IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF
FREEDOM OF CONTRACT IN THE APPLICATION OF
CONSEQUENCES OF INVALIDITY OF THE TRANSACTION**

Аннотация. В настоящей статье освещаются нерешенные вопросы Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений разд. I ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации» при применении последствий недействительности части сделки, а также с какой проблемой могут столкнуться стороны сделки и суд при реализации данной нормы.

Abstract. This article covers unresolved issues by the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 «On the application by courts of certain provisions of section I of part one of the Civil Code of the Russian Federation» when applying the consequences of the invalidity of a part of a transaction, and what problem the parties to the transaction and court may face in the implementation of this norm.

Ключевые слова: свобода договора, ограничение свободы договора, постановление, оспаривание сделок, недействительность сделок, недействительность части сделки, существенное изменение обстоятельств, расторжение.

Key words: freedom of contract, restriction of freedom of contract, resolution, challenging transactions, invalidity of transactions, invalidity of part of the transaction, significant change in circumstances, termination.

¹ Научный руководитель Виктория Валерьевна Лукьяненко, к.ю.н., доцент Смоленского филиала Международного юридического института.

Одной из основополагающих составляющих принципа свободы в договорных отношениях является право сторон на определение условий договора.

В российском законодательстве данный принцип основывается на закрепленном в ст. 8 Конституции Российской Федерации¹ (далее по тексту – Конституция РФ) положении о свободе экономической деятельности, а в общем виде изложен в п. 4 ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее по тексту – ГК РФ).

Вышеуказанный принцип дает сторонам право формировать условия будущей сделки (договора) по их усмотрению, за исключением случаев, когда содержание соответствующего условия договора прямо предписано законом или иными правовыми актами (ст. 55 Конституции РФ, абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ), которые обязаны соблюдать стороны, для исключения ничтожности сделки.

Необходимость предписания будущих условий сделки обуславливается необходимостью соблюдения баланса интересов, так как иное может повлечь становление в договорных отношениях неминуемой анархии, в которой верховенство закона теряет смысл.

Так, в пп. 1 и 5 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»³ (далее по тексту – Постановление № 16) наиболее широко раскрыты основания ограничений, – ограничения устанавливаются в связи с необходимостью защиты охраняемых законом интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов, а также недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон.

Применяя названные положения, судам следует учитывать, что норма, определяющая права и обязанности сторон договора, толкуется судом исходя из ее существа и целей законодательного регулирования, то есть суд принимает во внимание не только буквальное значение содержащихся в ней слов и выражений, но и те цели, которые преследовал законодатель, устанавливая данное правило.

¹ Конституция Российской Федерации// Российская газета. 1993. № 237.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ// Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5. 2014.

Однако, реализуя вышеуказанный принцип, стороны порой идут на риски, включая в договор условия, которые могут затронуть законодательно установленные ограничения. Стороны при этом действуют в условиях правомерных ожиданий (правовой предсказуемости), опираясь на позитивное право, которое и несет в себе такое значение – формирует правомерное ожидание, предсказуемость результатов процесса. В таком случае, в зависимости от характера установленного условия, к такому договору могут быть применены различные правовые последствия, указанные в § 2 ч. 1 ГК РФ, которые могут выражаться в ничтожности такой сделки, признании ее оспоримой (недействительной), либо в применении последствий недействительности части сделки.

При применении к договору вышеуказанных норм наиболее неопределенным, в плане возможных последствий, является применение последствий недействительности части сделки.

Данная норма закреплена в ст. 180 ГК РФ и дословно указывает, «что недействительность части сделки не влечет недействительности прочих ее частей, если можно предположить, что сделка была бы совершена и без включения недействительной ее части».

Другими словами, применение последствий недействительности части сделки направлено на консолидацию (оздоровление сделки, придание ей жизнеспособности) самой сделки. Процесс консолидации зависит напрямую от разделения сделок на оспоримые и ничтожные. Ничтожная сделка не образует тех последствий, к которым стороны стремились прийти при ее заключении, и не имеет юридической силы с момента заключения и исходя из этого, ее консолидация невозможна.

В этом случае как раз положения ст. 180 ГК РФ делают возможным сохранить имеющиеся отношения с тем условием, что сделка может быть совершена с отсутствием исключенной части. В этом случае оценивать все совокупности факторов, при которых возможно убрать из сделки ее часть, возлагается на суд и является его прерогативой.

В п. 100 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений разд. I ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее по тексту – Постановление № 25) указано что, «признавая сделку недействительной в части, суд в решении приводит мотивы, исходя из которых им был сделан вывод о том, что сделка была бы совершена сторонами и без включения ее недействительной части. При этом со ссылкой на принцип свободы договора прямо указано, что признание судом не-

действительной части сделки не должно привести к тому, что сторонам будет навязан договор, который они не намеревались заключать. Поэтому этот вопрос должен выноситься судом на обсуждение сторон для того, чтобы они могли представить мотивированную позицию по нему»¹.

До принятия данного постановления суд выносил решение о признании недействительной части сделки или сделки в целом, основываясь лишь на законодательно установленных ограничениях, без учета мнений сторон сделки, что могло нести последствия в виде навязывания сторонам такой сделки. Вышеуказанное постановление разрешило данный вопрос, и сторонам предоставлено право выразить свою позицию по признанию недействительной части сделки или сделки в целом.

Но тогда остается открытым следующий вопрос: как быть в случае, если одна из сторон заявляет о расторжении договора, так как условие сделки признано недействительным, а исключение этого условия для данной стороны является существенным изменением обстоятельств (ст. 451 ГК РФ).

В этой ситуации суд может поставить вопрос о признании всей сделки недействительной. В этом случае заинтересованная сторона может выступить с возражением, ссылаясь на п. 3 ст. 451 ГК РФ. В такой ситуации сторона, заявив о расторжении сделки в связи с исключением из нее части, может потребовать взыскать на основании ст. 15 ГК РФ убытки в виде неполученных доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота.

Как в данной ситуации обеспечить соблюдение интересов обеих сторон сделки и не допустить возникновения неблагоприятных последствий?

Таким образом, Постановлением № 25 был разрешен ряд вопросов, возникших при принятии Постановления № 16, однако в связи с возникающими неопределенностями, вытекающими при применении последствий недействительности части сделки, возникает необходимость во внесении дополнений в Постановление № 25, которыми были бы решены имеющиеся неопределенности.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений разд. I ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015 № 8.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации// Российская газета. 25 декабря 1993 г. № 237.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений разд. I ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

Корягина Наталья Анатольевна

студентка магистратуры
Международного юридического института¹

Koryagina N.A.
master of International law institute

ПРОБЛЕМА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ: ОТКАЗ СТРАХОВЩИКА ОТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА

THE PROBLEM OF THE CONTRACT OF OBLIGATORY INSURANCE OF A CIVIL LIABILITY OF OWNERS OF VEHICLES: THE REFUSAL OF THE INSURER FROM THE CONTRACT

Аннотация. В данной статье будет рассмотрена одна из самых распространенных проблем, возникающих при заключении договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее – договор ОСАГО), такая как отказ страховщика от заключения договора. Также будут приведены основные факторы возникновения проблемы, описаны основные способы пра-

¹ Научный руководитель Виталий Юрьевич Матвеев, к.ю.н., доцент.

новой защиты своих нарушенных прав, кроме того, часть статьи будет посвящена нюансам оформления договора ОСАГО в виде электронного документа. Методологической основой исследования послужили изучение статистических данных, научной и специальной юридической литературы, анализ, синтез, переход от частного к общему, переход от общего к частному, абстрагирование, сравнение.

Abstract. This article will consider one of the most common problems encountered in the conclusion of the contract of compulsory insurance of civil liability of vehicle owners (hereinafter – the contract CTP), such as the refusal of the insurer from the contract. Also, the main factors of the problem will be given, the main ways of legal protection of their violated rights will be described, in addition, part of the article will be devoted to the nuances of registration of the CTP contract in the form of an electronic document. The methodological basis of the study was the study of statistical data, scientific and specialized legal literature, analysis, synthesis, transition from the particular to the General, the transition from the General to the particular, abstraction, comparison.

Ключевые слова: договор ОСАГО, страховщик, отказ, правовая защита, электронный страховой полис.

Key words: the contract CTP, the insurer, failure, legal protection, electronic insurance policy.

Рассмотрение проблемы отказа страховщика от заключения договора ОСАГО обусловлено ее несомненной новизной и актуальностью, поскольку научных исследований в данной области весьма немного, а каждый автовладелец, согласно действующему законодательству, обязан ежегодно страховать свое транспортное средство. Согласно статистическим данным Банка России за 2017 г., в большинстве регионов страны суммы страховых возмещений существенно превышали полученные страховщиками страховые премии¹, что свидетельствует о явной убыточности ОСАГО как вида страхования. Это и явилось причиной возникновения ряда проблем при заключении договора, в том числе нежеланием страховщиками в принципе осуществлять данный вид страхования.

Однако в рамках проведенного исследования удалось установить, что отказ может быть как неправомерным, так и правомерным.

¹ Интернет-сайт Банка России http://www.cbr.ru/finmarket/supervision/v_insurance/

В большинстве случаев правомерность отказа страховщика заключается в непредоставлении страхователем необходимых для заключения договора документов либо в предоставлении документов не в полной мере соответствующих установленным законом требованиям.

Пунктом 3 ст. 15 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» определен перечень документов, необходимых для заключения договора ОСАГО:

- заявление о заключении договора;
- паспорт или иной документ, удостоверяющий личность (если страхователем является физическое лицо);
- водительское удостоверение или копия водительского удостоверения лица, допущенного к управлению транспортным средством (в случае если условием заключения договора ОСАГО определено, что к управлению этим средством допущены лишь определенные лица);
- свидетельство о государственной регистрации (если страхователем является юридическое лицо);
- документ о регистрации транспортного средства (паспорт транспортного средства, свидетельство о регистрации транспортного средства, технический паспорт или технический талон либо аналогичные документы);
- диагностическая карта, содержащая сведения о соответствии транспортного средства обязательным требованиям безопасности транспортных средств (за исключением случаев, если в соответствии с законодательством Российской Федерации в области технического осмотра транспортных средств транспортное средство не подлежит техническому осмотру или его проведение не требуется, либо порядок и периодичность проведения технического осмотра устанавливаются Правительством Российской Федерации, либо периодичность проведения технического осмотра такого транспортного средства составляет шесть месяцев, а также случаев, предусмотренных п. 3 ст. 10 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

В свою очередь, п. 3 ст. 10 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» закреплены следующие исключения:

- приобретение транспортного средства (в том числе путем покупки, наследования, принятия в дар и т.д.) для следования транс-

портного средства к месту регистрации; при этом владелец транспортного средства до его регистрации по месту пребывания автовладельца обязан заключить договор ОСАГО на один год;

– следование к месту проведения технического осмотра транспортного средства или его повторного технического осмотра.

Часто основанием для правомерного отказа становится отсутствие у страхователя диагностической карты. В соответствии со ст. 15 Федерального закона от 1 июля 2011 г. № 170-ФЗ «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» для различных категорий транспортных средств устанавливаются свои сроки прохождения технических осмотров.

Бывают также случаи, когда сложно определить правомерность или неправомерность отказа страховщика от заключения договора ОСАГО.

Так, С.В. Дедиков в своей статье приводит факты, когда в 2014 г. целый ряд страховых компаний стал отказывать автовладельцам в заключении договоров ОСАГО, ссылаясь на отсутствие бланков страховых полисов.

Причиной таких отказов может служить как несвоевременная подача страховщиком заявки на получение бланков, так и ввод в заблуждение страхователя, иными словами бланки в действительности есть, но страховщик таким способом уклоняется от заключения договора¹. Между тем, в п. 7 ст. 15 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» прямо указано на обязанность страховщика в случае отказа не только выдать страхователю мотивированный отказ в письменной форме о невозможности заключения договора, но проинформировать Банк России и Российский союз автостраховщиков о принятии такого решения². Как правило, страховые компании не делают ни того, ни другого, что само по себе уже является нарушением законодательства.

¹ Слабое звено системы обязательного страхования (С.В. Дедиков, «Законы России: опыт, анализ, практика». № 6. Июнь. 2014.) / Правовая система ГАРАНТ/ <http://base.garant.ru>.

² Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» от 25.04.2002 г. № 40-ФЗ / Правовая система ГАРАНТ/ <http://base.garant.ru>

Необходимо отметить, что информация о многочисленных отказах от заключения договора ОСАГО подтверждена Пресс-службой Банка России, согласно информационному письму от 6 мая 2014 г.: «В Банк России поступают многочисленные обращения граждан, связанные с отказами страховщиков в заключении договоров обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, в том числе из-за отсутствия бланков страховых полисов» – говорится в документе, кроме того, Банк России обращает внимание, что «уклонение страховых организаций от заключения публичного договора является необоснованным и неправомерным».

При получении владельцами транспортных средств от страховщика отказа в заключении договора ОСАГО в указанных выше случаях, Банк России рекомендует фиксировать данные правонарушения всеми законными способами, в том числе с помощью фото-, аудио- или видеоустройств, привлекать свидетелей и направлять полученные материалы, свидетельствующие о признаках нарушения страховщиком законодательства в Банк России, ФАС России, Роспотребнадзор, а также обращаться в суд для защиты своих прав и интересов»¹.

Поскольку Банк России продолжает издавать разъяснения с рекомендациями (разъяснения Банка России от 15 мая 2018 г.², а также от 29 августа 2018 г.³), как противостоять страховым компаниям в случае неправомерных отказов, – напрашивается неутешительный вывод, что проблема остается актуальной и по сей день. Основной рекомендацией по защите своих прав в случае незаконного отказа от заключения договора ОСАГО продолжает оставаться сбор доказательств и обращение с соответствующей жалобой в Банк России и другие инстанции.

Отдельно обратим внимание на такой аспект как заключение договора ОСАГО в форме электронного документа, с 1 июля 2015 г. вступили в силу изменения в Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», согласно которым договор ОСАГО может быть составлен в виде электронного документа.

¹ Информационное письмо Банка России от 6 мая 2014 г./ <http://www.cbr.ru/press/>

² Разъяснение Банка России от 15 мая 2018 г. / Правовая система Консультант/ <http://www.consultant.ru/cons/cgi/>

³ Разъяснение Банка России от 29 августа 2018 г./ <http://legalacts.ru/doc/>

В соответствии со ст. 30 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» была создана автоматизированная информационная система обязательного страхования¹.

Для страхователей – физических лиц положения по порядку заключения договора ОСАГО в электронном формате более детально отражены в Указании Банка России от 14 ноября 2016 г. № 4190-У «О требованиях к использованию электронных документов и порядке обмена информацией в электронной форме при осуществлении обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

Условно порядок заключения договора ОСАГО в электронном формате можно разделить на 5 этапов:

Этап 1. Предоставление страховщику сведений о страхователе посредством заполнения соответствующих полей на интернет-сайте страховщика, в которые входят: фамилия, имя отчество, дата рождения, вид документа, удостоверяющего личность, абонентский номер (номер телефона) и (или) адрес электронной почты.

Этап 2. Страховщик направляет на указанный страхователем телефонный номер или адрес электронной почты текстовое сообщение, содержащее последовательность символов, являющихся ключом простой электронной подписи, с использованием которой страхователь создает на интернет-сайте страховой компании персональную страницу (личный кабинет). Следует отметить, что п. 4 Указания дает возможность страхователю лично посетить страховщика с целью получения ключа электронной подписи (на наш взгляд, данная норма хоть и направлена на защиту конфиденциальности электронной подписи, но по сути не имеет смысла, поскольку в данном случае страхователю проще заключить договор ОСАГО в обычном порядке). Посредством пользования ключом электронной подписи, основным смыслом которой является подтверждение личности страхователя и его волеизъявления, в электронном формате заполняется заявление на заключение договора ОСАГО.

Этап 3. Получив заявление, страховщик в течение 5 минут регистрирует его в своей информационной системе и направляет запрос в

¹ Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» от 25.04.2002 г. № 40-ФЗ / Правовая система ГАРАНТ/ <http://base.garant.ru>

АИС ОСАГО с целью проверки содержащихся в нем сведений, в свою очередь, АИС ОСАГО осуществляет обмен информацией с единой автоматизированной информационной системой технического осмотра для подтверждения наличия диагностической карты у страхователя и направляет страховой компании соответствующее подтверждение сведений или отказ в их подтверждении.

Этап 4. После проведения проверки и получения от АИС ОСАГО подтверждения достоверности сведений страховщик в течение 20 минут направляет страхователю расчет страховой премии и сообщает условия заключения договора. После оплаты страховой премии страховщик направляет данные об уплате страховой премии в АИС ОСАГО, в которой, в свою очередь, такой договор регистрируется с присвоением уникального номера, который после сообщается страховщику.

Этап 5. После получения уникального номера, присвоенного АИС ОСАГО договору, страховщик формирует страховой полис и направляет его вместе с экземпляром заявления и уведомлением, подтверждающим факт заключения договора, на электронную почту страхователя, а также размещает их в личном кабинете страхователя на интернет-сайте страховой компании. Кроме того, согласно п. 1.11 Правил ОСАГО, а также п. 9 Указания Банка России от 14 ноября 2016 г. № 4190-У, страховой полис по желанию страхователя дополнительно может быть оформлен на бланке строгой отчетности.

Следует отметить основные преимущества электронного полиса ОСАГО. Как ни странно, с позиции страхователя такой способ заключения договора ОСАГО способен решить практически все возникающие проблемы, поскольку страхователь сам заполняет все формы, а расчеты производятся в автоматическом режиме. Таким образом, искусственно завязать стоимость полиса страховщик не может, равно как и не может отказаться от заключения договора, ссылаясь, например, на отсутствие бланков страховых полисов, а также не может навязать какую-либо дополнительную услугу.

Однако оформление электронного полиса ОСАГО имеет недостатки: сложность в оформлении лицами пожилого возраста (или иными лицами, недостаточно обученными пользованию техническими средствами), требуется техническое устройство с подключением к сети Интернет, а также наличие у страхователя банковской карты, необходимой для оплаты страховой премии.

Кроме того, в п. 23 Указания Банка России от 14 ноября 2016 г. № 4190-У отражены случаи, когда заключение договора ОСАГО в электронном виде становится невозможным ввиду прекращения взаимодействия страховщика и АИС ОСАГО:

- в случае превышения максимального лимита заключенных договоров;
- в случае отзыва у страховщика лицензии.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» рассмотрена судебная практика, связанная с заключением договора ОСАГО в электронной форме.

Так, в п. 8 Постановления указано, что судам следует иметь в виду, что сообщение профессионального объединения страховщиков об отсутствии в АИС ОСАГО данных о страховом полисе само по себе не является безусловным доказательством неисполнения обязанности по заключению договора ОСАГО и должно оцениваться в совокупности с другими доказательствами, а п. 9 Постановления определяет, что сообщение страхователем недостоверных сведений при заключении договора ОСАГО в виде электронного документа, приведшему к необоснованному уменьшению страховой премии, не является основанием для признания договора недействительным¹.

Интересно положение, закрепленное п. 9 Постановления: указанные обстоятельства хоть и не влекут за собой недействительность договора, однако, согласно п. 1.15 Правил ОСАГО, являются основанием для его досрочного прекращения по инициативе страховщика².

В заключение отметим, что в случае неправомерного отказа страховщиком в заключении договора ОСАГО, страхователям для защиты своих прав необходимо фиксировать такие случаи и направлять жалобы с приложением соответствующих материалов в Банк России, кото-

¹ Постановление Пленума Верховного Суд Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» / ОСАГО: Судебная практика. – М.: Проспект, 2018. 32 с.

² Положение Банка России от 19 сентября 2014 г. № 431-П «Об утверждении Правил обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств/ Правовая система ГАРАНТ /<http://base.garant.ru>

рый является Регулятором в данной сфере, а также, по желанию, в Роспотребнадзор и (или) Федеральную антимонопольную службу либо исковое заявление в суд. При этом данная проблема также решается путем заключения договора ОСАГО в электронном формате, поскольку страхователь взаимодействует с автоматизированной системой страхования, а не с физическим лицом – представителем страховой компании, что является фактором, исключающим возможность неправомерного отказа от заключения договора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» от 25.04.2002 г. № 40-ФЗ/ Правовая система ГАРАНТ/ <http://base.garant.ru>

2. Положение Банка России от 19 сентября 2014 г. № 431-П «Об утверждении Правил обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств/ Правовая система ГАРАНТ/<http://base.garant.ru>

3. Постановление Пленума Верховного Суд Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»/ ОСАГО: Судебная практика. – М.: Проспект, 2018.

4. Информационное письмо Банка России от 6 мая 2014 г./ <http://www.cbr.ru/press/>

5. Разъяснение Банка России от 15 мая 2018 г. /Правовая система Консультант/ <http://www.consultant.ru/cons/cgi/>

6. Разъяснение Банка России от 29 августа 2018 г./ <http://legalacts.ru/doc/>

7. Слабое звено системы обязательного страхования (С.В. Дедиков, «Законы России: опыт, анализ, практика». № 6. Июнь 2014 г.) / Правовая система ГАРАНТ/ <http://base.garant.ru>

Красильникова Ольга Олеговна

студентка магистратуры Международного
юридического института

Krasilnikova O.O.

magistrate student International law Institute

Глотов Сергей Александрович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
Европейского права Международного юридического института

Glotov S.A.

doctor of law, professor, head of the Department of European
law International law Institute

**СОЗДАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ
НЕ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ОДНОГО ИЗ ПРОБЕЛОВ
В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

**CREATION OF ECONOMIC SOCIETIES NOT FOR THE
MANAGEMENT OF ECONOMIC ACTIVITY AS A
CONSEQUENCE OF ONE OF THE GAPS IN CIVIL
LEGISLATION**

Аннотация. В статье автор исследует пробел в законодательстве при создании обществ с ограниченной ответственностью, акционерных обществ и его последствия. Актуальность статьи определена значимостью для общественных и государственных интересов результата функционирования хозяйствующих субъектов. По результатам исследования предлагаются способы восполнения пробела.

Abstract. Examines the gap in the legislation with the creation of limited liability companies and joint stock companies. Discusses their significance.

Ключевые слова: создание, реорганизация, хозяйственные общества.

Key words: creation, reorganization, business companies.

Несмотря на экономическую неопределенность, в России по-прежнему активно создаются новые хозяйственные общества. Наиболее популярны общества с ограниченной ответственностью и акционерные общества.

Названные хозяйственные общества осуществляют деятельность в разных отраслях экономики. Это может быть сельскохозяйственное предприятие, строительная, страховая, торговая, производственная, банковская и иная организация. Их деятельность является предметом внимания обширного круга участников современных рыночных экономических отношений и государства, заинтересованного в результате функционирования хозяйствующего субъекта. Это вполне объяснимо, поскольку именно данные хозяйственные общества в настоящее время олицетворяют собой экономический базис на рынке частного капитала.

Необходимо отметить, что пути создания хозяйственных обществ находятся также под пристальным вниманием ученых и юристов. Особое внимание уделяется проблемам реорганизации обществ. К наиболее значимым, с теоретической и исследовательской точек зрения, следует отнести работу А.В. Габова «Теория и практика реорганизации (правовой аспект)»¹, в которой автор детально осветил весь круг проблем института реорганизации, и монографию Т.А. Нуждина «Комбинированная реорганизация коммерческих организаций: Монография»², посвященную исследованию правоотношений, связанных с проведением комбинированной реорганизации коммерческих организаций. Также нельзя не отметить работу А.П. Кузнецова и В.Н. Хохлова «Реорганизация должника как способ ухода от возврата задолженности»³. Авторами анализируются случаи реорганизации предприятия в форме выделения в целях ухода от возврата долгов, предлагаются способы защиты прав кредиторов при выявлении недобросовестных действий должников.

Хозяйственные общества могут быть созданы путем учреждения вновь и реорганизации существующего юридического лица (слияния, разделения, выделения, преобразования) по решению учредителей

¹ Габов А.В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект). – М.: Статут, 2014. 880 с.

² Нуждин Т.А. Комбинированная реорганизация коммерческих организаций: Монография. – М: Юстицинформ, 2018. 262 с.

³ Кузнецов А.П., Хохлов В.Н. Реорганизация должника как способ ухода от возврата задолженности // Безопасность бизнеса. 2017. № 2. С. 18–23.

(учредителя). Особенности учреждения акционерных обществ с участием иностранных инвесторов могут быть предусмотрены федеральными законами. Как граждане, так и юридические лица могут учредить хозяйственное общество. Каких-либо особых, специальных норм и требований к учредителям и участникам общества законодатель практически не установил.

В соответствии с п. 2 ст. 88 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) общество с ограниченной ответственностью может быть учреждено одним лицом или может состоять из одного лица, в том числе при создании в результате реорганизации. Обществом признается созданное одним или несколькими лицами хозяйственное общество. Данная норма установлена п. 1 ст. 2 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ (в ред. от 08.06.2018) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО)².

В п. 2 ст. 88 ГК РФ и ст. 7 Закона об ООО установлено, что общество не может иметь в качестве единственного участника другое хозяйственное общество, состоящее из одного лица. Законодателем не установлены ограничения минимального числа учредителей общества с ограниченной ответственностью, но установлен максимальный предел учредителей – пятьдесят человек. При превышении данного предела общество в течение года должно преобразоваться в открытое акционерное общество или в производственный кооператив. В силу п. 6 ст. 98 ГК РФ акционерное общество может быть создано одним лицом или состоять из одного лица в случае приобретения одним акционером всех акций общества. Но оно не может иметь в качестве единственного участника другое хозяйственное общество, состоящее из одного лица, если иное не установлено законом. Акционерное общество может быть реорганизовано в форме слияния, присоединения, разделения, выделения и преобразования в общество с ограниченной ответственностью.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) [Электронный ресурс] (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // СПС КонсультантПлюс. <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 14.10.2018).

² Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (в ред. от 08.06.2018) «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Электронный ресурс] // ЭПС Система ГАРАНТ <http://www.garant.ru/>. (Дата обращения: 14.10.2018).

В гражданском законодательстве допускается так называемая «комбинированная реорганизация» – совмещенная реорганизация (сочетание различных ее форм) и смешанная реорганизация (с участием двух и более юридических лиц, в том числе созданных в разных организационно-правовых формах, если ГК РФ или другим законом предусмотрена возможность преобразования юридического лица одной из таких организационно-правовых форм в юридическое лицо другой из таких организационно-правовых форм) юридического лица.

При сравнительном анализе вышеприведенных норм прослеживается значимый пробел – законодателем не установлен максимальный предел количества создаваемых обществ с ограниченной ответственностью одним лицом. Анализируя нормы создания акционерных обществ также выявляется отсутствие на законодательном уровне ограничения по количеству создаваемых одним лицом хозяйственных обществ.

Отсутствие ограничения на законодательном уровне к максимальному пределу количества создаваемых обществ одними и теми же лицами и каких-либо особых ограничительных требований к учредителям и участникам общества, акционерам, порождает создание не законопослушными лицами многочисленного количества обществ, так называемых «пустышки» или «однодневки», с противоправной целью – уклонения от возврата задолженности, кредитов, возврата налоговых вычетов, уклонения уплаты налогов и впоследствии преднамеренного банкротства или ликвидации по решению налогового органа. Государство при этом не получает в бюджет налоги, несет финансовые затраты и временные ресурсы на ведение реестра юридических лиц, выполнение судами и налоговыми органами действий, предусмотренных законодательством при банкротстве и ликвидации хозяйственных обществ.

При проведении исследования информации раздела «Предоставление сведений из ЕГРЮЛ/ЕГРИП о конкретном юридическом лице/индивидуальном предпринимателе в форме электронного документа» официального сайта Федеральной налоговой службы (<https://service.nalog.ru>) была установлена схожая цепочка создания юридических лиц. А именно, несколько физических и юридических лиц создали ООО «Альфа-НН» и ООО «Консул-Аудит». ООО «Консул-Аудит» учредило ООО «Ильинка Плаза». А ООО «Альфа-НН» учредило ООО «Компания «Новый город». Впоследствии ООО «Ильинка Плаза» и ООО «Компания «Новый город» прекратили свою деятельность в связи с присоединением к ООО «Альфа-НН». Затем из ООО

«Альфа-НН» было выделено ООО «Компос», а ООО «Альфа-НН» переименовано в ООО «ГЕО» и через некоторое время признано судом банкротом. ООО «Компос» было также реорганизовано. Из него было выделено шесть обществ – ООО «Крис», ООО «Алмаз», ООО «Вереск», ООО «Эгида», ООО «Вига», ООО «Вигонь», с передачей и разделением между ними в равных долях недвижимого имущества реорганизованного юридического лица. Более того, учредителями последних шести обществ было создано ООО «Лето», которое, в свою очередь, стало учредителем ООО «Спутник».

Как правило, при таких схемах создания хозяйственных обществ применяют разные системы налогообложения, тем самым «уходят» от уплаты налогов или возврата налоговых вычетов. Недвижимое имущество, дебиторскую задолженность передают правопреемнику, а долги оставляют реорганизованному обществу.

По результатам проведенного мониторинга, изучения и анализа статистической информации на официальных сайтах Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Федеральной налоговой службы, а также статистических данных, представленных на официальном сайте Агентством правовой информации, установлены статистические сведения о количестве преступлений экономической направленности, а также количестве созданных юридических лиц, в том числе путем реорганизации, прекративших свою деятельность в порядке банкротства и в связи с исключением по решению регистрирующего органа из Единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ). Для лучшего понимания полученной информации представим следующие таблицы.

Таблица 1

Количество зарегистрированных правоохранительными органами преступлений экономической направленности по данным, размещенным на официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации (<https://genproc.gov.ru/>)

Наименование субъекта Российской Федерации	Количество преступлений экономической направленности за отчетный период		
	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Московская область	3827	4071	4029
Нижегородская область	1679	1720	1537
Пермский край	1886	1815	1770

На примере сведений по трем субъектам Российской Федерации видно, что за последние три года не наблюдается существенного снижения количества преступлений экономической направленности. Безусловно, в вышеприведенные статистические данные входят не только экономические преступления, связанные с преднамеренным банкротством, уклонением от уплаты налогов, но и другие преступления. Уголовным законодательством предусмотрена ответственность за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица и использование незаконных документов для этого. В частности, ответственность за их совершение предусмотрена ст. 170.1, 173.1, 173.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹. Эти преступления также отнесены законодателем к преступлениям в сфере экономической деятельности.

По статистическим данным, представленным Агентством правовой информации на официальном сайте (<http://legalpress.ru>), за период 2016–2017 гг. количество осужденных составляет: по ст. 170.1 УК РФ – 58 человек за 2016 г., 78 человек за 2017 г.; по ст. 173.1 УК РФ – 17 человек за 2016 г., 96 человек за 2017 г.; по ст. 173.2 УК РФ – 100 человек за 2016 г., 680 человек за 2017 г. Таким образом, всего лишь за 1 год в несколько раз увеличилось количество лиц, осужденных за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица и за незаконное использование документов для образования (создания реорганизации) юридического лица.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018) // СПС Консультант Плюс. <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 14.10.2018).

Таблица 2

Количество юридических лиц, зарегистрированных за период 2014 – 2017 гг. в Российской Федерации, по статистической налоговой отчетности, размещенной на официальном сайте Федеральной налоговой службы (<https://service.nalog.ru>)

	Период (год)	Количество юридических лиц, сведения о которых внесены в ЕГРЮЛ, с присвоением ОГРН в отчетном периоде					
		Всего гр.2+ гр.5	в том числе				Зарег. до 01.07.2002
			при создании			Зарег. до 01.07.2002	
			Всего гр.3 +гр.4	в том числе			
		путем создания		путем реор- ганизации			
		1	2	3	4	5	
Общества с ограниченной ответственностью	2014	452638	427388	415369	12019	25250	
	2015	465869	456046	446129	9917	9823	
	2016	461585	433464	427890	5574	28121	
	2017	415311	392323	388209	4114	22988	
Акционерные обще- ства	2014	6692	2555	1953	602	4137	
	2015	2266	1316	1003	313	950	
	2016	4777	1207	955	252	3570	
	2017	4380	1071	811	260	3309	

В результате исследования и анализа выше приведенных сведений установлено, что по состоянию на 1 января 2018 г. только за последние 4 календарных года в нашей стране было создано 1709221 обществ с ограниченной ответственностью. Из них было создано 1677624 путем учреждения и 31624 путем реорганизации. Показатели создания акционерных обществ, за приведенный период, менее внушительные. Было создано всего 6149 акционерных обществ, из них 4722 путем создания и 1427 путем реорганизации. Более две трети акционерных обществ, из общего числа созданных, были созданы до 1 июля 2002 г. Показатели можно было бы отнести к положительной динамике, но статистические сведения количества хозяйственных обществ, прекративших свою деятельность за тот же отчетный период, свидетельствуют об обратном.

Таблица 3

Количество юридических лиц, прекративших свою деятельность в Российской Федерации, по статистической налоговой отчетности, размещенной на официальном сайте Федеральной налоговой службы (<https://service.nalog.ru>)

	Период (год)	Количество юридических лиц, прекративших деятельность в отчетном периоде				
		Всего гр.7+ гр.8+ гр.10	в том числе			
			в результате реоргани- зации	в связи с лик- ви- дацией	из них в порядке банкротства	в связи с исключением юрид. лица по реше- нию рег. органа из ЕГРЮЛ
		6	7	8	9	10
Общества с ограниченной ответственностью	2014	361759	38694	46769	7401	276296
	2015	267170	52737	54247	8009	160184
	2016	676144	32794	57617	7425	585733
	2017	556395	8223	62416	7208	485755
Акционерные обще- ства	2014	26687	10222	3088	1065	13377
	2015	17343	8331	3272	1196	5740
	2016	28349	4224	2422	984	21703
	2017	19883	2723	2094	927	15066

За рассматриваемые отчетные периоды в совокупности прекратило свою деятельность 1861468 обществ с ограниченной ответственностью (из них по решению налогового органа 1507968) и 92212 акционерных обществ (из них 55866 по решению налогового органа), что в основном связано с «чисткой» налоговым органом реестра юридических лиц от так называемых «фирм однодневок» или в нормативной терминологии – юридического лица, созданного без цели занятия хозяйственной деятельностью.

Резюмируя вышесказанное и обобщая приведенные статистические данные, следует признать, что проблема создания хозяйственных обществ актуальна до настоящего времени как для общества, так и для государства. Разница между количеством созданных и прекративших

деятельность составляет всего 152247 обществ. Таким образом, можно сделать вывод, что более чем 1,5 миллиона хозяйственных обществ было создано не в целях ведения хозяйственной деятельности, а в целях лжепредпринимательства. Как следствие, государство недополучило в консолидированный бюджет Российской Федерации установленные налоги и сборы, что является негативным экономическим фактором, влияющим в целом на объем финансовых ресурсов страны, поскольку налоги – главный источник доходов государства. В связи с этим для устранения пробела в законодательстве и в целях соблюдения как частных, так и публичных интересов представляется необходимым на законодательном уровне ввести ограничения по количеству создания хозяйственных обществ одним лицом, а также ввести дополнительные ограничительные требования к данным лицам, предоставить налоговому органу дополнительный инструмент для усиления контроля за создаваемыми хозяйственными обществами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) [Электронный ресурс] (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // СПС КонсультантПлюс. <http://www.consultant.ru/>
2. Федеральный закон от 08.02.1998 №14-ФЗ (в ред. от 08.06.2018) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // ЭПС Система ГАРАНТ <http://www.garant.ru/>
3. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (в ред. от 19.07.2018) «Об акционерных обществах» // ЭПС Система ГАРАНТ <http://www.garant.ru/>
4. Габов А.В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект). – М.: Статут, 2014.
5. Нуждин Т.А. Комбинированная реорганизация коммерческих организаций: Монография. – М.: Юстицинформ, 2018.

Крехалев Владимир Евгеньевич

студент магистратуры Международного
юридического института¹

Krekhalov V.E.

a student of the Magistracy in International Law Institute

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ СУБЪЕКТА
ДОЛЖНОСТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ
ОЦЕНКИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 286
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ**

**DEFINING THE AUTHORITY OF THE SUBJECT OF
MALFEASANCE IN THE PROCESS OF ASSESSING THE
OBJECTIVE SIDE OF THE OFFENCE PROVIDED FOR IN
ARTICLE 286 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN
FEDERATION**

Аннотация. В настоящей статье исследуется одна из проблем правоприменения диспозиции ст. 286 УК РФ с учетом разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». Поверхностный подход правоприменителей к глубокому анализу должностных инструкций подозреваемых (подсудимых) в совершении преступления по ст. 286 УК РФ зачастую влечет за собой явные противоречия между реальными противоправными деяниями и полномочиями, которыми правоприменители наделяют субъекта данного преступления. Приведен вариант решения данной проблемы путем корректировки действующего законодательства РФ.

Abstract. This article explores one of the problems of enforcement disposition of article 286 of the CRIMINAL CODE in the light of the clarifications by the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 16.10.2009 «on judicial practice in cases of abuse and excess official powers». Superficial approach pravoprимenitelej to deep analysis job descrip-

¹ Научный руководитель Николай Николаевич Карпов, д.ю.н., профессор, Международный юридический институт.

tions of suspects (defendants) of committing a crime under article 286 of the CRIMINAL CODE of the RUSSIAN FEDERATION often entails the obvious contradictions between the real wrongful acts and the power that version give the subject of the offence. Provides a solution to this problem by adjusting the current legislation of Russian Federation.

Ключевые слова: должностное лицо, властные полномочия, превышение должностных полномочий.

Key words: official authority, abuse of authority, Director.

Эффективно действующее государство немислимо без прочной системы органов государственной и муниципальной власти. Должностные лица любого ранга обязаны соблюдать законы, честно выполнять свой долг. К сожалению, в настоящий период это происходит далеко не всегда.

Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления сгруппированы в гл. 30 Уголовного кодекса РФ¹.

Вопросы правильной квалификации преступлений всегда являлись одними из самых острых вопросов уголовного правоприменения. Проблемы квалификации должностных преступлений рассматривались многими представителями юридической науки в рамках общего учения о должностной преступности. Так, в отечественном уголовном праве уголовно-правовым и криминологическим аспектам проблемы преступности должностных лиц уделялось весьма пристальное внимание в работах таких ученых, как В.А. Владимиров, Б.В. Волженкин, А.В. Галахова и др.

Практически все эксперты сходятся во мнении, что из всех составов преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления наибольшую сложность в процессе квалификации представляет собой диспозиция ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий». Часть 1 данной статьи определяет превышение должностных полномочий как совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.96 № 63-ФЗ (в ред. от 03.10.2018). Собрание законодательства РФ. Ст. 2954.

Разъяснения по порядку квалификации преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, даны в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 16 октября 2009 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»¹: В отличие от предусмотренной ст. 285 УК РФ ответственности за совершение действий (бездействия) в пределах своей компетенции вопреки интересам службы ответственность за превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) наступает в случае совершения должностным лицом активных действий, явно выходящих за пределы его полномочий, которые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, если при этом должностное лицо осознавало, что действует за пределами возложенных на него полномочий. Превышение должностных полномочий может выражаться, например, в совершении должностным лицом при исполнении служебных обязанностей действий, которые:

- относятся к полномочиям другого должностного лица (вышестоящего или равного по статусу);
- могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте (например, применение оружия в отношении несовершеннолетнего, если его действия не создавали реальной опасности для жизни других лиц);
- совершаются должностным лицом единолично, однако могут быть произведены только коллегиально либо в соответствии с порядком, установленным законом, по согласованию с другим должностным лицом или органом;
- никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать.

Ключевым моментом этого разъяснения является выражение: «лицо, действующее за пределами возложенных на него полномочий».

В пункте 2 этого же Постановления Пленума ВС РФ даны разъяснения по вопросам полномочий, для признания лица специальным субъектом этого преступления – должностным лицом: «В соответствии с п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ должностными признаются ли-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда России № 19 от 16.10.2009 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 12. 31 декабря 2009 г.

ца, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации».

Анализ правоприменительной практики показывает, что ни правоохранительные органы, ни суды, квалифицируя действия подозреваемого (подсудимого) по ст. 286 УК РФ, зачастую не исследуют его полномочия, которые реально превышены, а лишь обобщают их как полномочия представителя власти, организационно-распорядительные и административно-хозяйственные.

Так, Приговором Егорлыкского районного суда Ростовской области от 26 декабря 2011 г. был осужден по ч. 1 ст. 286 УК РФ Начальник поисково-спасательного отряда МЧС Е.А. Халанский. Суд установил, что Е.А. Халанский, являясь на основании приказа начальника А.Н.Г. должностным лицом, осуществляющим функции представителя власти, вопреки интересам службы, используя предоставленное ему право и полномочия, в нарушение своей должностной инструкции начальника поисково-спасательного отряда, в соответствии с которой он отвечает за готовность личного состава поисково-спасательного отряда к проведению поисково-спасательных работ, превышая свои должностные обязанности, незаконно, путем высказывания угроз применения к своим подчиненным мер дисциплинарного взыскания, вплоть до увольнения, за неподчинение его требованиям о выполнении ремонтно-строительных работ административного здания поисково-спасательной службы, привлек своих подчиненных работников-спасателей в период несения службы к выполнению ремонтно-строительных работ.

Однако, согласно акту о приеме выполненных работ ремонтно-строительные работы по выборочному капитальному ремонту административного здания и прилегающей территории поисково-спасательного отряда были выполнены рабочими подрядной организации. Работники подрядной организации получили денежные средства за выполнение работ, которые они не осуществляли, а работы были выполнены спасателями поисково-спасательного отряда.

При таких обстоятельствах Е.А. Халанский своими действиями, превышая свои должностные обязанности начальника поисково-

спасательного отряда, совершил действия, явно выходящие за пределы его полномочий, выразившиеся в привлечении своих подчиненных спасателей к выполнению ремонтно-строительных работ, заведомо зная, что данные работы не входят в их должностные обязанности, а должны быть выполнены подрядной организацией ООО, чем существенно нарушил права и законные интересы сотрудников поисково-спасательной организации, поскольку в связи с привлечением спасателей к ремонтно-строительным работам они не могли осуществлять в полной мере свои должностные обязанности спасателя дежурной смены поисково-спасательного отряда, то есть быть в постоянной готовности для выезда на чрезвычайные ситуации.

Анализируя данный приговор, можно сделать вывод о том, что суд, устанавливая субъекта преступления, сделал вывод о том, что Е.А. Халанский был наделен полномочиями представителя власти.

Разъяснения властных полномочий должностных лиц приведены в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 16 октября 2009 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». К исполняющим функции представителя власти следует относить лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, а также иных лиц правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости.

Ключевым выражением в данном определении властных полномочий являются распорядительные полномочия в отношении граждан, которые не находятся у этого лица в служебной зависимости.

Тогда как из приговора видно, что Е.А. Халанский превысил именно организационно-распорядительные полномочия, т.е. привлек к работам вопреки интересам службы своих подчиненных.

С точки зрения логики, с учетом позиции Пленума Верховного Суда РФ, при исследовании должностных полномочий подозреваемого (подсудимого) в процессе квалификации его действий по ст. 286 УК РФ правоохранительным органам и судам необходимо сопоставлять его конкретные противоправные действия с конкретными полномочиями, которыми он наделен.

Исходя из вышеизложенного, автор считает целесообразным дополнить ст. 286 УК РФ примечанием № 1 следующего содержания:

При рассмотрении объективной стороны данного деяния необходимо устанавливать соответствие конкретных противоправных действий субъекта с его конкретными должностными полномочиями, а именно:

- действия по отношению к постороннему лицу или сторонней организации необходимо рассматривать исключительно с точки зрения властных полномочий;
- действия по отношению к подчиненным исключительно с точки зрения организационно-распорядительных полномочий;
- действия, влекущие за собой нарушения в хозяйственно-финансовой сфере учреждения исключительно с точки зрения административно-хозяйственных полномочий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.96 № 63-ФЗ (в ред. от 03.10.2018) // Собрание законодательства РФ. Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда России № 19 от 16.10.2009 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 12. 31 декабря 2009 г.
3. Владимиров В.А., Кириченко В.Ф. Должностные преступления. Лекция. – М.: Высш. школа МООП РСФСР, 1965.
4. Волженкин Б.В. Служебные преступления: Учеб.-практ. пособие. – М.: Юристъ, 2000.
5. Галахова А.В. Превышение власти или служебных полномочий: вопросы уголовно-правовой квалификации. – М.: Юрид. лит, 1978.

Лобода Мария Александровна

специалист отдела маркетинга ЗАО СКБ «Термоприбор»¹

Loboda M. A.

marketing Department specialist JSC SKB «Termopribor»

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТРАХОВОЙ СУММЫ В ИМУЩЕСТВЕННОМ СТРАХОВАНИИ

THE PROBLEM OF DETERMINING THE SUM INSURED IN PROPERTY INSURANCE

Аннотация. Имущественное страхование является одним из основных, а главное, эффективных средств защиты и обеспечения сохранности имущественных интересов субъектов: физических и юридических лиц, Российской Федерации в целом и ее субъектов в частности, а также муниципальных образований. Проблема определения размера страхового возмещения является наиболее важной для страховой практики проблемой, связанной с исполнением договора. В данной статье исследована взаимосвязь страховой стоимости и страховой суммы, особое внимание уделено проблемам применения страхового законодательства.

Abstract. Property insurance is one of the main, and most importantly effective means of protection and preservation of property interests of subjects: individuals and legal entities, the Russian Federation in General and its subjects in particular, as well as municipalities. The problem of determining the amount of insurance compensation is the most important problem for insurance practice related to the execution of the contract. This article examines the relationship between the insurance value and the sum insured, special attention is paid to the problems of application of insurance legislation.

Ключевые слова: имущественное страхование, страховая сумма, страховая стоимость, страховщик, страхователь, страховое законодательство, ГК РФ, страховая премия, договор страхования, Российская Федерация, страховая выплата.

¹ Научный руководитель Грицаева Наталья Борисовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Международного юридического института.

Key words: property insurance, insurance amount, insurance value, the insurer, the insured, the insurance law of the civil code, the insurance premium, the insurance contract, the Russian Federation, the insurance benefit.

В правоприменительной практике нередко возникают сложности при реализации норм страхового права, происходит это в связи с динамичностью законодательства о страховых отношениях. В настоящее время имущественное страхование является одним из наиболее востребованных видов страхования.

Вопросы правового регулирования страховой суммы особенно актуальны, так как связаны с серьезными проблемами при реализации соответствующих положений страхового законодательства.

Страховая сумма относится к существенным условиям договора страхования п. 1 ст. 942 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ), при заключении договора имущественного страхования между страховщиком и страхователем должно быть достигнуто соглашение, в том числе и о размере страховой суммы.

Итак, например, договоры страхования строительно-монтажных рисков (далее – договоры страхования СМР) относятся к категории востребованных страховых продуктов. Это объясняется и тем, что руководители строительных организаций прекрасно осознают риски, свойственные строительному процессу, и тем, что заказчики отдают предпочтение тем подрядчикам, которые имеют страховую защиту, а нередко и сами заказчики считают необходимым приобрести такой полис. Определенную роль, несомненно, играет и норма п. 1 ст. 742 ГК РФ, предусматривающая, что договором строительного подряда может быть предусмотрена обязанность стороны, на которой лежит риск случайной гибели или случайного повреждения объекта строительства, материала, оборудования и другого имущества, используемых при строительстве, либо ответственность за причинение при осуществлении строительства вреда другим лицам, застраховать соответствующие риски.

В рамках договоров страхования СМР страхуются сохранность строящихся объектов, строительного оборудования и специальной техники, используемой на строительной площадке, строительных и отделочных материалов, инструментов, гражданская ответственность строительной организации за вред, который может быть причинен жизни, здоровью и (или) имуществу других лиц (деликтная ответст-

венность), перерывы в строительных работах, а подчас и работники строительной организации от несчастных случаев на рабочем месте¹.

Поскольку осуществляется страхование различных объектов имущественного страхования и нередко физических лиц, то страхование СМР представляет собой комбинированное страхование (п. 4 ст. 4 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее по тексту – Закон об организации страхового дела). С правовой точки зрения данные договоры следует квалифицировать как смешанные (сложные) договоры, включающие в себя элементы разных видов договоров страхования, предусмотренных законом (п. 3 ст. 421 ГК РФ).

Отдельно следует сказать о том, что многие страховые организации включают в такие договоры также страхование судебных расходов страхователя на случай судебных споров с потерпевшими, которым причинен вред. Данный риск обычно не идентифицируется ни в стандартных правилах страхования, ни в договорах страхования. Он рассматривается чаще всего как дополнительный риск без привязки к видам страхования. На наш взгляд, это неправильный подход. Дело в том, что если речь идет о самостоятельном виде договоров страхования, то это означает, что в законодательстве для него предусмотрен либо, напротив, не предусмотрен специальный режим правового регулирования. Без учета указанного обстоятельства нельзя правильно урегулировать соответствующие страховые отношения.

По поводу страхования судебных расходов пока нет единства мнений. Некоторые специалисты предлагают квалифицировать их как страхование предпринимательского риска, другие – как страхование финансовых рисков. Мы склоняемся ко второму варианту, и вот почему. Под страхованием предпринимательского риска закон понимает страхование риска убытков от нарушения договора контрагентом предпринимателя или из-за изменения условий предпринимательской деятельности по независящим от предпринимателя причинам (подп. 3 п. 2 ст. 929 ГК РФ). Совершенно очевидно, что ни тот, ни другой случай к судебным расходам отнести не получится. Поэтому, если не

¹ См., например: Юлдашев Р.Т. Страховой бизнес: Словарь-справочник. – М., 2018. С. 668; Рыжкин И.И. Страхование строительства (инженерные аспекты). – М., 2018. С. 159–404; Страховое дело: Учебник: В 2-х т. / Пер. с нем. О.И. Крюгер и Т.А. Федоровой; под ред. Т.А. Федоровой. – М., 2017. Т. 2: Виды страхования. С. 197–198.

пренебрегать нормой закона, то остается идентифицировать данный риск как финансовый.

Это страхование носит добровольный характер. Он не изменяется даже в тех случаях, когда наличие таких договоров является обязательным условием для допуска строительной организации к выполнению работ на конкретном объекте или с конкретным заказчиком, так как обязательным признается только такое страхование, которое лицо обязано осуществлять в силу закона.

После введения в сфере строительства в 2009 г. системы саморегулирования и начала заключения членами саморегулируемых организаций (далее – СРО) договоров страхования своей гражданской ответственности возник вопрос о том, не приведет ли данное обстоятельство к тому, что секция страхования гражданской ответственности по договорам страхования СМР исчезнет. Этого не случилось, потому что страховое покрытие по риску деликтной ответственности в рамках договора страхования СМР существенно шире, поскольку охватывает любые причины причинения вреда, тогда как при страховании гражданской ответственности в системе саморегулирования покрывается только риск причинения вреда вследствие недостатков работ, оказывающих влияние на безопасность объекта капитального строительства. В настоящее время эти договоры благополучно действуют одновременно.

Субъектный состав договора страхования СМР зависит от его конфигурации – если в договоре предусматривается секция страхования гражданской ответственности за причинение вреда другим лицам страхования от несчастных случаев на производстве, то состав субъектов может быть максимально широким: страхователь, страховщик, застрахованное лицо и выгодоприобретатель. В тех случаях, когда данные секции в договор не включаются, субъектный состав ограничивается лишь страхователем, страховщиком и иногда выгодоприобретателем.

Страхователи. Страхователем по договору страхования СМР, если им не предусматривается страхование имущества в пользу другого лица – выгодоприобретателя, может быть лишь лицо, имеющее страховой интерес, т.е. интерес в сохранении страхуемого имущества, основанный на законе, ином правовом акте или сделке (п. 1 ст. 930 ГК РФ). При этом многие специалисты страховых организаций, отталкиваясь от нормы п. 1 ст. 742 ГК, устанавливающей, что риск случайной гибели или повреждения объекта строительства лежит на подрядчике,

считают, что страхователем может выступать только подрядчик. На самом деле это не так. Нередко в качестве страхователей выступают и заказчики, которые заключают договор в свою пользу. Такая конструкция договора закону не противоречит, поскольку заказчик, безусловно, заинтересован в сохранности строящегося по его заказу объекта, и этот интерес имеет правовые основания: договор строительного подряда, правоустанавливающие документы на земельный участок, где предполагается строительство. Аналогичную точку зрения высказывают авторы учебника «Страховое дело»¹.

Страхователем вообще может быть любое лицо, если в договор включается выгодоприобретатель, обладающий страховым интересом. Правда, это, скорее, абстрактно-теоретическое суждение, поскольку лишь титульный владелец вправе относить расходы на уплату страховой премии в части страхования имущества на себестоимость. На практике похожая конструкция договора страхования СМР может иметь место, когда страхователем выступает подрядчик, но договор заключается в пользу заказчика, ведь они оба обладают страховым интересом.

В части страхования финансовых рисков и личного страхования к страхователям законом никаких особых требований не предъявляется.

Выгодоприобретатели. Как указано выше, в части страхования объекта строительства и иного имущества выгодоприобретателем вправе быть лишь лицо, имеющее страховой интерес. В число страховых интересантов входят собственники, лица, владеющие имуществом на основании права хозяйственного ведения либо оперативного управления, а также любого обязательственного права.

По секции страхования деликтной ответственности выгодоприобретателем в силу п. 3 ст. 931 ГК РФ всегда будут потерпевшие. Так как на момент совершения сделки эти лица не могут быть известны, то выгодоприобретатели здесь всегда являются определяемыми, т.е. устанавливаются по факту причинения вреда их жизни, здоровью и (или) имуществу. Стороны договора страхования СМР вправе наделять таких выгодоприобретателей правом прямого требования к страховщику о возмещении вреда (п. 4 ст. 931 ГК РФ). Если такое право выгодоприобретателю предоставлено, то страхователь сам предъявит

¹ Страховое дело: Учебник: В 2-х т. / Пер. с нем. О.И. Крюгер и Т.А. Федоровой.; под ред. Т.А. Федоровой. – М., 2017. Т. 2: Виды страхования. С. 197.

требование страховщику о выплате страхового возмещения в случае наступления ответственности страхователя за причинение вреда другим лицам не сможет. Правда, если выгодоприобретатель откажется от своих прав по этому договору, то таким правом сможет воспользоваться страхователь (п. 4 ст. 430 ГК РФ).

В части страхования предпринимательского риска выгодоприобретателя быть не может, так как согласно ст. 933 ГК РФ может страховаться только предпринимательский риск самого страхователя и исключительно в его пользу. По секции личного страхования выгодоприобретателем формально может быть назначено любое лицо, но судебная практика последних нескольких лет исходит из того, что выгодоприобретателями здесь должны быть физические лица – застрахованные или их родственники либо наследники. Если в качестве выгодоприобретателя указывается юридическое лицо, то суды вслед за налоговыми органами стали квалифицировать такие сделки, как договоры страхования предпринимательского риска. По нашему мнению, это незаконная практика, но не учитывать ее в прикладном плане нельзя.

Риск судебных расходов теоретически может быть застрахован в пользу любого лица, так как в законе нет специальных норм, регулирующих субъектный состав договоров страхования финансовых рисков. Следовательно, стороны договора страхования СМР совершенно свободны с точки зрения назначения выгодоприобретателя. В частности, выгодоприобретателем по данному риску может быть названо застрахованное лицо, чья гражданская ответственность покрывается по договору, но которое не является страхователем.

Когда по секции страхования от несчастных случаев на производстве не указывается с письменного согласия застрахованных иной выгодоприобретатель, то в силу закона (п. 2 ст. 934 ГК РФ) выгодоприобретателями являются застрахованные лица.

Застрахованные лица. Страхователь вправе указать в договоре при страховании гражданской ответственности и застрахованных лиц, т.е. тех, чья ответственность застрахована, но кто не является страхователем. Это могут быть субподрядчики, а также в некоторых случаях изыскатели и проектировщики, работавшие над соответствующим проектом.

Когда в договоре страхования СМР предусматривается секция личного страхования, застрахованными будут работники страхователя.

Застрахованные лица должны быть названы в договоре. Это может быть сделано как путем приведения индивидуальных данных таких лиц, в том числе так называемых паспортных, так и родовых признаков, скажем, по секции страхования гражданской ответственности застрахованным может быть любой субподрядчик, а в части личного страхования – любой работник страхователя.

Сразу надо оговориться, что количество существенных условий, указанных в стандартных правилах страхования СМР, зависит от того, когда именно были утверждены эти документы. Если это произошло до июня 2013 г., то обычно в правилах называются четыре существенных условия, указанные в ст. 942 ГК РФ (объект страхования, страховой случай, размер страховой суммы и срок действия договора страхования). Если после этого – то возможны варианты. Проблема в том, что сотрудники страховых организаций, включая даже юристов, не всегда обладают необходимыми знаниями для выявления существенных условий договора. В этой связи есть необходимость сказать несколько слов об общих подходах к регулированию данного вопроса.

В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 432 ГК РФ существенными являются условие о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

До 21 января 2014 г., когда вступила в действие новая редакция Закона об организации страхового дела, законодательство требовало от участников страховых отношений согласования следующих существенных условий: предмета договора (ч. 2 п. 1 ст. 432 Кодекса), объекта страхования, страхового случая, размера страховой суммы и срока действия договора (п. 1 ст. 942 ГК РФ). При личном страховании вместо объекта страхования надлежит согласовывать застрахованное лицо или застрахованных лиц (подп. 1 п. 2 ст. 942 Кодекса). Кроме того, необходимо согласовывать порядок и сроки уплаты страховой премии (п. 1 ст. 954 ГК РФ).

В настоящее время к этим существенным условиям добавились следующие: порядок определения страховой суммы (п. 1 ст. 10 Закона об организации страхового дела), исчерпывающий перечень оснований для отказа в выплате страхового возмещения или страховой суммы, исчерпывающий перечень документов и сведений, необходимых для определения размера ущерба (вреда), срок рассмотрения требования о страховой выплате, порядок рассмотрения такого требования, а

также срок осуществления страховой выплаты после принятия решения об этом (п. 3 ст. 3 Закона).

Почему мы относим эти условия к числу существенных? Часть 1 п. 3 ст. 3 Закона об организации страхового дела требует, чтобы договоры добровольного страхования соответствовали закону и стандартным правилам страхования. Законодатель также предусмотрел необходимость включения в правила страхования перечисленных положений. При заключении договора страхования условия стандартных правил инкорпорируются в договор, становясь его условиями. Для страхователей положения стандартных правил страхования становятся обязательными лишь при включении их в договор, в том числе путем ссылки в договоре на правила. Таким образом, названные условия приобретают характер существенных, поскольку они названы в Законе в качестве необходимых для договоров данного вида.

Теоретически этого можно избежать, если не применять стандартные правила страхования. Но, во-первых, при страховании СМР такое случается чрезвычайно редко, и при этом сам договор страхования, оформляемый в виде единого документа, подписываемый обеими сторонами, обычно почти полностью воспроизводит текст правил. Во-вторых, в части страхования деликтной ответственности и личного страхования действует законодательство о защите прав потребителей, поскольку выгодоприобретателями могут быть и физические лица (см. п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»¹). Отсутствие указанных условий в договоре страхования будет нарушением нормы п. 2 ст. 16 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»², которая запрещает заключать договоры с потребителями на условиях хуже, чем установлены законом.

Предмет договора страхования указывается очень редко, видимо, главным образом в силу того, что в законодательстве это понятие не раскрывается. Под предметом договора следует понимать те отношения, которые им создаются и регулируются.

Для договора страхования СМР в части страхования имущества предметом договора будет служить обязательство страховщика за обусловленную договором премию при наступлении предусмотренно-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

² СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

го договором страхового случая возместить страхователю или выгодоприобретателю, если он имеется, убытки в застрахованном имуществе в пределах страховой суммы. Нетрудно заметить, что данная формулировка практически идентична редакции п. 1 ст. 929 ГК РФ. Кстати, Ю.Б. Фогельсон также указывает, что предмет договора имущественного страхования приведен в норме п. 1 ст. 929 Кодекса¹.

Применительно к страхованию гражданской ответственности предметом договора является обязательство страховщика за обусловленную договором премию при наступлении предусмотренного договором страхового случая возместить страхователю убытки в связи с наступлением его ответственности за причинение вреда в пределах страховой суммы.

По секции страхования предпринимательского риска предметом договора будет обязательство страховщика за обусловленную договором премию при наступлении предусмотренного договором страхового случая возместить страхователю убытки, возникшие вследствие изменения условий его предпринимательской деятельности по независящим от него причинам (перерыва в строительстве) в пределах страховой суммы.

В части страхования финансовых рисков предметом договора признается обязательство страховщика за обусловленную договором премию при наступлении предусмотренного договором страхового случая возместить страхователю или выгодоприобретателю, если он имеется, убытки в размере понесенных судебных расходов в пределах страховой суммы.

При страховании работников страхователя от несчастных случаев предметом договора является обязательство страховщика за обусловленную договором премию при наступлении предусмотренного договором страхового случая выплатить выгодоприобретателю установленную договором страховую сумму.

В части страхования имущества объектом страхования является само имущество (подп. 1 п. 1 ст. 942 ГК РФ). Однако чаще страховщики в качестве объекта страхования и здесь указывают имущественные интересы, так как в ст. 4 Закона об организации страхового дела под объектами страхования по всем видам страховых договоров понимаются как раз имущественные интересы.

¹ Фогельсон Ю.Б. Комментарий к страховому законодательству. – М., 2018. С. 96.

Многие авторы также считают объектом страхования по договору страхования имущества имущественные интересы или даже страховой интерес¹. Полагаем, что данные теории носят спорный характер, и объектом страхования по договору страхования имущества следует все-таки рассматривать само страхуемое имущество².

Хотя нормы ГК РФ имеют приоритет (п. 2 ст. 3 Кодекса), данная практика не может рассматриваться как нарушение закона, если при этом участники сделки все-таки согласовали страхуемое имущество. При страховании деликтной ответственности, предпринимательского и финансовых рисков объектом страхования служат соответствующие имущественные интересы – связанные с наступлением обязанности по возмещению причиненного вреда, возникновением убытков в результате перерыва в строительстве либо в связи с понесенными судебными расходами.

В виде общего правила в договорах страхования указывается и объект личного страхования – все тот же имущественный интерес, хотя это явно излишнее положение, так как надлежит согласовывать только застрахованных лиц.

Определения страховых случаев различаются в зависимости от вида страхования, охватываемого договором страхования СМР. При страховании имущества в качестве страхового случая признаются утрата, гибель или повреждение объекта страхования. По секции страхования ответственности оптимальное определение страхового случая – наступление гражданско-правовой ответственности за причинение вреда. Некоторые страховщики включают в договоры неправильное определение страхового случая в виде причинения вреда. Ошибочность такого подхода заключается в том, что факт причинения вреда не всегда влечет наступление ответственности, например, если это произошло вследствие умысла потерпевшего. В части страхования предпринимательского риска страховым случаем является наличие убытков из-за перерыва в строительных работах. Страховым случаем при страховании финансовых рисков будет наличие судебных расходов. По секции личного страхования в качестве страхового события

¹ См., например: Теория и практика страхования: Учебное пособие. – М., 2017. С. 50–58 (автор главы К.Е. Турбина); Худяков А.И. Страхование. СПб., 2017. С. 84–88.

² См. об этом подробнее: Артамонов А.П., Дедиков С.В. Право перестрахования: В 2-х т. – М., 2017. Т. 1. С. 471–486.

устанавливается сам факт несчастного случая с застрахованным лицом на рабочем месте.

Договоры страхования СМР обычно содержат достаточно объемные разделы, посвященные описанию страховых рисков, от которых осуществляется страхование. Страховщики при этом активно применяют различные стандартные страховые оговорки, разработанные ведущими международными страховыми или перестраховочными компаниями либо их объединениями. При этом указанные оговорки в большинстве случаев не соответствуют российскому законодательству. Многие из них предусматривают такие исключения из страхового покрытия, которые связаны с наступлением страховых случаев вследствие нарушения страхователем различного рода правил безопасного ведения работ, противопожарных правил, инструкций, административных запретов и т.п., т.е. с грубой неосторожностью. Это противоречит императивной норме ч. 2 п. 1 ст. 963 ГК РФ, согласно которой только законом могут быть предусмотрены случаи освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения по договорам имущественного страхования при наступлении страхового случая вследствие грубой неосторожности страхователя или выгодоприобретателя. Другие оговорки, напротив, расширяют покрытие, фактически приводя его в соответствие с российским законодательством.

Как известно, при страховании имущества страховая сумма в виде общего правила не должна превышать размер страховой стоимости, под которой понимается действительная стоимость имущества в месте его нахождения в день совершения страховой сделки. Но как быть, если данного имущества в этот момент вообще еще не существует, скажем, строительство соответствующего объекта еще не началось? Страховая практика ориентируется при установлении страховой суммы в этой части на проектную стоимость, хотя хорошо известно, что ни одна стройка не укладывается в смету проекта. Иными словами, за основу определения размера страховой суммы здесь принимается некая формальная величина, которая с действительной стоимостью объекта не только в период его строительства, но и когда он будет возведен, может иметь очень мало общего.

Срок действия договора страхования СМР, как правило, равен или даже несколько превышает срок строительства.

Завершая анализ существенных условий, подчеркнем, что в настоящее время большинство страховщиков не соблюдают требование законодательства о согласовании всех существенных условий, что

может негативно сказаться на возможности страхователя (выгодоприобретателя) защищать свои права и охраняемые законом интересы.

В заключение отметим, что договоры страхования СМР представляют собой достаточно сложные страховые сделки и в силу этого нуждаются в совершенствовании их договорно-правового регулирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ.
3. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации».
4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте».
5. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».
6. Федеральный закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации».
7. Федеральный закон от 14.06.2012 № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном».
8. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

Покровская Екатерина Владимировна

студентка 2-го курса магистратуры Международного
юридического института

Pokrovskaja E. V.

2nd year student of magistracy International law Institute

**297-й ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН:
ЗАКОН О ЮРИСДИКЦИОННЫХ ИММУНИТЕТАХ
ГОСУДАРСТВА – ВЛАСТЬ РАВНОГО НАД РАВНЫМ
И ШАГ К СВОБОДЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ**

**297 FEDERAL LAW: THE STATE JURISDICTIONAL
IMMUNITIES LAW – THE POWER OF EQUAL OVER EQUAL
AND A STEP TOWARDS THE FREEDOM FOR FOREIGN
ECONOMIC ACTIVITY OF RUSSIA**

Аннотация. В основе иммунитета государства лежит принцип суверенного равенства, устанавливающий, несмотря на различие экономических, социальных и политических систем, юридическое равенство государств, обладающих равными правами и несущими равные обязанности, в качестве суверенных, независимых участников международного сотрудничества.

Однако на практике мы видим, что в законодательстве различных зарубежных стран в последнее десятилетие стала получать широкое распространение «концепция ограниченного (функционального) иммунитета» государства. Данный тренд коснулся и России, подписавшей 23 октября 2015 г. Закон № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации», фактически призванный имплементировать в российские законы Конвенцию 2004 г. о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности.

В данной статье обзорно отражены общие аспекты и положения теории юрисдикционного иммунитета государства в целом, исторический контекст, а также ключевые предпосылки и проблемы принятия данного закона, а также изменения в законодательстве РФ, последовавшие за его принятием.

Abstract. The state's immunity is based on the principle of sovereign equality, which, despite the difference in economic, social and political systems, establishes the legal equality of states with equal rights and bearing equal duties as sovereign, independent participants in international cooperation.

However, in fact, we see in the legislation of various foreign countries of last decade, the «concept of limited (functional) immunity of the state» becoming widely used. This trend also affected Russia, which signed on October 23, 2015, Law 297-FZ «On the jurisdictional immunities of a foreign state and property of a foreign state in the Russian Federation», actually intended to implement the 2004 Convention on jurisdictional immunities of states and their property into Russian laws.

This article provides an overview of the general aspects and provisions of the theory of jurisdictional immunity of the state as a whole, the historical context, as well as key prerequisites and problems for the adoption of this law, as well as changes in the legislation of the Russian Federation that followed its adoption.

Ключевые слова: иммунитет государства, международное частное право, международное законодательство, юрисдикционный иммунитет, судебный иммунитет.

Key words: state immunity, international private law, international law, jurisdictional immunity, judicial immunity.

Теория иммунитета государства в международном частном праве базируется на юридических максимах времен римского права: *par in parem non habet imperium* (над равным равный не имеет власти) и *par in parem non habet jurisdictionem* (над равным равный не имеет юрисдикции).

В основе иммунитета государства лежит принцип суверенного равенства, устанавливающий, что, несмотря на различие экономических, социальных и политических систем, все государства равны между собой юридически, пользуются равными правами и несут равные обязанности, выступая в качестве суверенных, независимых участников международного сотрудничества. Сам термин «иммунитет», происходящий от латинского *immunus* (освобожденный, свободный), применительно к государству означает свободу, неподвластность другим государствам.

Устав ООН и Декларации о принципах международного права, устанавливающие и регулирующие дружественные отношения и со-

трудничество между государствами, также основаны, в первую очередь, на принципе суверенного равенства всех ее членов.

Иммунитет государства от юрисдикции иностранного государства, называемый юрисдикционным иммунитетом, включает в себя несколько элементов:

- 1) судебный иммунитет;
- 2) иммунитет от применения мер по предварительному обеспечению иска;
- 3) иммунитет по принудительному исполнению судебного решения;
- 4) иммунитет собственности государства;
- 5) иммунитет от применения иностранного права.

Часто, в узком смысле, юрисдикционный иммунитет понимается как неподсудность государства суду иностранного государства. Парадокс в том, что согласно судебному иммунитету ни один иностранный суд не вправе принудительно осуществить свою юрисдикцию в отношении к другому государству, иначе говоря – не вправе привлечь иностранное государство в качестве ответчика. В то же время, если государство обращается с иском в иностранный суд для защиты своих прав, ни один иностранный суд не вправе отказать ему в юрисдикции – такой отказ был бы нарушением суверенных прав государства.

Почему же в законодательстве различных зарубежных стран в последнее десятилетие стала получать широкое распространение «концепция ограниченного (функционального) иммунитета» государства? Неужели все больше и больше государств готовы жертвовать своим суверенитетом?

Говоря о юрисдикционном иммунитете, необходимо, прежде всего, понимать, что иммунитет означает особый правовой статус государства в международных частноправовых отношениях, сделках. В соответствии с данной концепцией, иностранное государство, его органы и организации, а также их собственность, не пользуются иммунитетом в отношении требований, вытекающих из их коммерческой деятельности.

Государства давно перестали заниматься исключительно политической и успешно развиваются в сфере коммерческой деятельности, заключают большое количество частноправовых сделок с иностранными юридическими и физическими лицами. Участвуя в коммерческом обороте на одинаковых с другими его участниками условиях, государство должно быть для них равным контрагентом, на равных основани-

ях отвечающим за ненадлежащие действия, к которому в случае ненадлежащего поведения может быть предъявлен иск, вынесено судебное решение, обязывающее государство возместить убытки или иным образом восстановить нарушенное право своего партнера.

С этой точки зрения иммунитет зачастую становится невыгодным государствам, ограничивая их свободу и привлекательность в сфере экономической деятельности.

Широкое распространение концепции ограниченного иммунитета, подписание 2 декабря 2004 г. Конвенции ООН «О юрисдикционных иммунитетах иностранных государств и их собственности», принятие аналогичных законов целым рядом развитых стран, связаны с активным участием государств в коммерческой деятельности, привлечением иностранных инвестиций под государственные гарантии, получение кредитов и финансовой помощи от международных организаций и банков и множества других.

Конвенцией четко определены случаи, когда иностранное государство не имеет и не получает иммунитета от юрисдикции судов другого государства: в первую очередь, при заключении различного рода коммерческих сделок, в делах, связанных с участием в компаниях или иных объединениях, при нанесении ущерба имуществу, заключении трудовых договоров. Помимо этого, иммунитет не распространяется на дела, касающиеся различного рода собственности, в том числе интеллектуальной и промышленную собственность.

Пусть не одними из первых, и не совсем по своей воле, Советский союз, а вслед за ним Россия также поддались тренду ограниченного иммунитета.

Советское законодательство (в соответствии со ст. 61 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1961 г.) базировалось на концепции абсолютного иммунитета.

Однако в повседневной практике внешнеэкономической деятельности Советский Союз, а затем и Российская Федерация были вынуждены отказываться от иммунитета. В ряде международных договоров по внешнеэкономическим вопросам Советский Союз (Российская Федерация продолжила участие в международных договорах СССР) прямо отказался от иммунитета в отношении некоторых категорий сделок или определенной категории имущества.

Советским Союзом, а затем и Российской Федерацией был заключен целый ряд международных соглашений о взаимной защите капиталовложений (инвестиций), которые предусматривают, что споры,

связанные с капиталовложениями, рассматриваются в международном коммерческом арбитраже, что также фактически означало отказ от иммунитета.

При этом правовая позиция России относительно данной Конвенции до 2015 г. была двойкой: с одной стороны, Россия не возражала против Конвенции и подписала ее 1 декабря 2006 г., с другой стороны – ратифицирована она не была, так и не став международным договором Российской Федерации.

Однако на фоне действий, предпринимаемых в отношении России и российского имущества в ряде стран, растущего количества исков к Российской Федерации в иностранных судах (дела Григоряна, о царских долгах, Валленберга), арестов имущества России по делу ЮКОСа, швейцарской фирмы Нога и др.), необходимость принятия Закона «О юрисдикционных иммунитетах государства» стала все более широко и полно обсуждаться российскими законодателями и в научных работах.

23 октября 2015 г. результатом многолетней работы целого ряда ведомств стало принятие Государственной Думой Закона № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации», фактически призванного имплементировать в российские законы Конвенцию 2004 г. о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности. Закон официально вступил в силу 16 января 2016 г.

Незадолго до завершения работы над законопроектом премьер-министр России Д.А. Медведев подчеркнул: «...Наше государство должно иметь право вводить ответные ограничения, включая отказ от предоставления такому государству иммунитета от наших судебных решений, в том числе от решений, связанных с обращением взыскания на имущество этого государства в нашей стране.

Мы можем проследить, что комментируемый Закон во многом повторяет положения Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах иностранных государств и их собственности, однако его подписание повлекло за собой существенные изменения, в том числе ряда других законопроектов.

Что изменил закон № 297-ФЗ?

Прежде всего, изменения коснулись статьи Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ключевой из которых стала ст. 417.9, регулирующая применение принципа взаимности. В соответствии с данной статьей, объем иммунитета иностранного государ-

ства в России может быть ограничен в том же объеме, в котором ограничен объем иммунитетов России в соответствующем государстве. В случае ареста российского имущества данный принцип позволит России применять «зеркальные меры».

Закон также определяет, что в предварительном судебном заседании суд РФ решает вопрос о наличии у иностранного государства судебного иммунитета в отношении рассматриваемого спора.

В соответствии с новым законом иски к иностранному государству предъявляются в суд по месту жительства или месту нахождения истца, а ходатайства в отношении имущества иностранного государства, находящегося на территории Российской Федерации – по месту нахождения этого имущества. Закон также регулирует порядок предъявления исков к международным организациям и вопросы дипломатического иммунитета.

Также изменения коснулись ряда статей арбитражного процессуального кодекса. В частности – процедуры подачи искового заявления (ст. 417.4), обязывающей прилагать к исковому заявлению надлежащим образом заверенный перевод документов на официальный язык иностранного государства, привлекаемого к участию в деле, а также порядка вручения иностранному государству извещений и иных процессуальных документов (ст. 417.6).

Резюмируя вышеизложенное, мы можем видеть, что принятие закона № 297-ФЗ в России стало важным шагом к ее свободе во внешнеэкономической деятельности. Мы видим значительный рост нашей страны, все более уверенно выступающей на международной частноправовой арене, успешно развивающейся и в коммерческой, и в частноправовой деятельности, преодолевающей противоречия международного уровня и устанавливающей баланс власти равного над равным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конвенция ООН от 02.12.2004 «О юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности».
2. Распоряжение Правительства РФ от 27.10.2006 № 1487-р о принятии Россией Конвенции ООН «О юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности».
3. Федеральный закон от 29.12.2015 № 393-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О юрисдикционных имму-

нитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации».

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002.

5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства. РФ. 29.07.2002.

6. Лебедева М.Е. Иммуниет иностранного государства от обеспечительных мер в международном частном праве: Международные соглашения и иностранное право: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2006.

7. Иванов С.И. Международно-правовые аспекты иммунитета государства и его собственности: Дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.10. – М.: Диплом, акад. МИД СССР, 1983.

Семенов Михаил Игоревич

аспирант кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Международного юридического института

Semenov M.I.

post-graduate student of the Department of theory of law and public law disciplines of the International law Institute

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ПРЕДМЕТАМ ВЕДЕНИЯ КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

INDEPENDENCE IN THE SUBJECTS OF JURISDICTION AS A CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF LOCAL SELF- GOVERNMENT

Аннотация. Статья посвящена исследованию конституционного принципа самостоятельности местного самоуправления. Автор доказывает, что самостоятельность местного самоуправления, прежде всего, означает его неотъемлемое и важное место в механизме обеспечения конституционной демократии. Вторым существенным компонентом в смысловом содержании конституционного принципа самостоятельности местного самоуправления является приближение публичного управления к гражданам. Особенно это актуально для

России с учетом ее территориальных масштабов, многообразия национальностей, религиозных верований, традиций и культур.

Abstract. Clause is devoted to research of the constitutional principle of independence of local self-management. The author proves, that independence of local self-management, first of all, means its integral and important place in the mechanism of maintenance of the constitutional democracy. The second important component in the semantic maintenance of the constitutional principle of independence of local self-management is approach of public management citizens. Especially it is actual for Russia in view of its territorial scales, variety of nationalities, religious beliefs, traditions and cultures.

Ключевые слова: местное самоуправление, федеральное вмешательство, конституционализм, демократия, приближение власти к населению.

Key words: local self-management, federal intervention, constitutionalism, democracy, nearness of authority to citizens.

Конституционный строй современной России опирается на ряд фундаментальных принципов, к числу которых относится самостоятельность местного самоуправления в пределах своих полномочий¹, недопустимость вхождения органов муниципальных образований в систему органов государственной власти², признание и гарантирование местного самоуправления в целом (ст. 12 Конституции РФ). Данная совокупность взаимосвязанных друг с другом конституционных принципов и норм поддерживает прежде всего автономию муниципалитетов в отношении государственной власти³, обязанность последних воздерживаться от произвольного и

¹ Шугрина Е.С. Отдельные аспекты организационных основ местного самоуправления в работах академика О.Е. Кутафина // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 5. С. 46–48.

² Лямин М.В. Проблемы организационной обособленности местного самоуправления от системы государственного управления в России на современном этапе развития // Право и политика. 2009. № 1. С. 24–29.

³ Каминская И.В. Автономия и самоуправление: теоретический анализ и практика Европейских стран // Административное и муниципальное право. 2011. № 2. С. 14; Ким Ю.В. «Федерализм», «автономия», «самоуправление»: смыслы и трактовка // Право и политика. 2008. № 6. С. 1295; Некрасов С.И. Самоуправление и автономия: некоторые вопросы теории // Сборник, посвященный памяти Владимира Фадева. Т. II. – М.: Проспект, 2015. С. 203.

несанкционированного вмешательства в жизнедеятельность местных сообществ.

Однако эти конституционные установления не существуют сами по себе. Их нельзя толковать и применять абстрактно, в отрыве от ряда других важнейших принципов и норм конституирующего характера, закрепленных в Основном законе страны. Муниципалитеты не обладают суверенитетом, органы местного самоуправления обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы, их деятельность подконтрольна и поднадзорна государству как единственному субъекту, обладающему верховной, полной, целостной и независимой публичной властью. При подобных обстоятельствах в науке конституционного права приобретают особую актуальность проблемы соотношения между самостоятельностью местного самоуправления и правоограничениями в их деятельности, обязанностью государства поддерживать «автономное» местное самоуправление и одновременно проявлять о нем надлежащую заботу. Все это требует специального научного исследования в контексте, прежде всего, изучения понятия и сущности принципа «самостоятельности».

В теоретической и практической юриспруденции термин «самостоятельность» является чрезвычайно распространенным. Можно с основанием говорить о «процессуальной» самостоятельности следователей¹, прокуроров² и других участников уголовного процесса, «имущественной» самостоятельности предприятий³, «организационной»⁴, «правовой»⁵, «оперативно-хозяйственной» видах

¹ Боруленков Ю.П., Гранкина А.Б. Процессуальная самостоятельность следователя как непереносимое условие творческого подхода к расследованию уголовных дел // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: Сборник научно-практических трудов. Вып. 4. – М.: Акад. следств. комитета РФ, 2014. С. 339.

² Емельянова И.В. Внутреннее убеждение и процессуальная самостоятельность прокурора в советском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1983. С. 4.

³ Корнеев С.М. Имущественная самостоятельность предприятий в условиях экономической реформы. – М.: Юрид. лит., 1989. С. 23.

⁴ Гильванова И.Н. Организационная самостоятельность местного общественного управления в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // Проблемы государства и права. 2013. № 3. С. 8–13.

⁵ Разуваев В.И. Правовая самостоятельность государственной производственной организации как юридического лица и эффективность

самостоятельности¹, а также «иной» (законом специально не квалифицированной) самостоятельности, например, парламентов², дочерних и зависимых обществ³ и т.п. Русскоязычный термин «самостоятельность» как таковой означает возможность и способность самому ставить себе цели и самому их достигать, действовать автономно и обособленно. Это предполагает независимость, свободу от внешних влияний, действие без принуждения и посторонней поддержки, обладание достаточной инициативой и свободой, неподконтрольность и неподотчетность, ответственность перед самим собой⁴. В английском языке этому термину в наибольшей мере соответствуют такие понятия, как «independence» (независимость), «autonomy» (автономия), «sovereignty» (суверенитет), а также различные эквиваленты с приставкой «self» («само»), в частности: self-reliance (самодостаточность), self-sufficiency (самообеспечение), self-support (содержание себя за счет собственных средств) и т.д. Исходя из контекста Европейской хартии местного самоуправления⁵ в юридическом смысле наиболее точным

хозяйственных связей // Гражданское право, экономика и стандартизация. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1978. С. 86.

¹ Веденин Н.Н. Межхозяйственная кооперация и оперативно-хозяйственная самостоятельность ее участников // Советское государство и право. 1978. № 1. С. 127.

² Жамбалнибуев Б.Ж. Финансовая независимость и самостоятельность парламентов // Экономические аспекты развития нормативно-правовой основы обеспечения парламентской деятельности в Российской Федерации. – М.: Вуз и школа, 2003. С. 23.

³ Ломакин Д.В. Самостоятельность дочерних и зависимых обществ // Законодательство. 2002. № 5. С. 49.

⁴ См., например: Никитина А. Самостоятельность Конституционного Суда России в его взаимоотношениях с другими органами государственной власти // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2004. № 2. С. 53; Чернявский В. Судебная власть должна получить право на самостоятельность в бюджетном процессе // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 3; Рагулина Е.В. Бюджетно-финансовая самостоятельность местного самоуправления в России: реалии и перспективы // Меняясь сам, изменял мир к лучшему: Материалы Научной конференции, посвященной памяти Г.В. Барабашева. – М.: Изд-во МГУ, 2005. С. 146.

⁵ Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985) // СЗ РФ. 1998. № 36. Ст. 4466.

из перечисленных является термин «autonomy» (автономия)¹, что предполагает, однако, ряд правоограничений и оговорок (буквально Хартия учреждает лишь принцип «wide degree of autonomy», т.е. не полной самостоятельности, а ее «значительной степени»).

Понимание «самостоятельности» местного самоуправления как «значительной степени» самостоятельности имеет важное теоретико-методологическое и практически прикладное значение. Муниципалитеты «не ставят себе цели». Их определяет законодатель посредством конституционного механизма разграничения предметов ведения и полномочий. Местное самоуправление не действует и не может действовать совершенно обособленно от государства, которое осуществляет законодательное регулирование, публичное управление, прокурорский надзор и правосудие. Государство вправе в установленных законом пределах принуждать муниципалитеты к выполнению их обязанностей и соблюдению юридических запретов. Тем более не может идти речи о какой-либо «неподконтрольности» или «неподнадзорности» местного самоуправления соответствующим государственным органам, их «безответственности» перед государством и народом². Внимательное прочтение нормы ст. 12 Конституции РФ убеждает в том, что даже в буквальном смысле речь идет лишь о самостоятельности местного самоуправления «в пределах своих полномочий», вовсе не о полной самостоятельности муниципалитетов, которые лишь организационно не входят в систему аппарата государства, но являются частью единого и внутренне согласованного механизма публичного управления в стране³. При этом конституционный принцип самостоятельности местного самоуправления имеет место, составляет одну из фундаментальных основ конституционного строя и подлежит обязательной реализации в

¹ Шамхалов М.А. Автономия и самостоятельность местного самоуправления как конституционно-правовой принцип: Дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. С. 12.

² Астафичев П.А. Разграничение ответственности органов местного самоуправления перед населением и государством // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 9. С. 69–72.

³ Вагин И.С. О необходимости включения органов местного самоуправления в единую систему государственного управления // Государственная власть и местное самоуправление. 2002. № 3. С. 35.

силу императивных установлений высшего закона страны. В чем же это проявляется?

Самостоятельность местного самоуправления, прежде всего, означает его неотъемлемое и важное место в механизме обеспечения *конституционной демократии*. Народовластие – комплексный институт¹, который не может исчерпываться выборностью и подотчетностью народу только главы государства, федерального парламента и выборных органов субъектов РФ. Если бы выборные органы государственной власти Федерации и ее субъектов вместо обеспечения муниципальных выборов предпочли бы административное назначение на местах государственных чиновников (инспекторов, полномочных представителей, префектов, заместителей и т.п.) – конституционный институт демократии в целом продемонстрировал бы свою неполноценность и неэффективность.

На федеральном уровне выборным является институт Президента РФ. Но это не означает, что высшие должностные лица субъектов РФ должны назначаться и освобождаться от должности *исключительно* по воле и усмотрению главы государства. С точки зрения конституционного принципа разделения властей (ст. 10 Конституции РФ), конечно, Президенту РФ могут быть предоставлены *определенные полномочия* в механизме назначения или избрания высших должностных лиц субъектов РФ и досрочного прекращения их деятельности. Особенно ярко это проявлялось в период, когда Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» устанавливался механизм наделения полномочиями высших должностных лиц субъектов РФ решениями региональных органов народного представительства по представлению Президента РФ².

¹ Кабышев В.Т. Народовластие в системе конституционного строя России: конституционно-политическое измерение // С Конституцией по жизни: Избранные научные труды. – М.: Формула права, 2013. С. 292; Витрук Н.В. Народовластие: конституционный идеал и реальность // Народовластие и права человека. – М.: РАП, 2012. С. 8; Чиркин В.Е. Народовластие в системе публичной власти // Народовластие и права человека. – М.: РАП, 2012. С. 55–62.

² Ахмедов И.Д. Участие Президента Российской Федерации в избрании (наделении полномочиями) глав субъектов Российской Федерации и отрешении от должности // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 2. С. 23–28; Салимов И.В., Сафина С.Б. К вопросу о

Однако и при имеющемся правовом регулировании (право назначения временного исполняющего обязанности высшего должностного лица субъекта РФ до всеобщих выборов, право досрочного прекращения полномочий) компетенция Президента РФ достаточна, чтобы обеспечить согласованное взаимодействие и функционирование этих звеньев единого государственного аппарата.

Несколько иначе выглядит эта проблема в отношении формирования и деятельности коллегиальных органов народного представительства России и ее субъектов. Ни Совет Федерации, ни Государственная Дума не принимают участия в механизме формирования и деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Эти компоненты комплексного конституционного института демократии действуют независимо, каждый в пределах своей законодательной, бюджетной и контрольной компетенции¹.

В связи с этим следует подчеркнуть, что самостоятельность местного самоуправления проявляется в гарантированной законом возможности местных сообществ самим выдвигать и выбирать своих представителей (кандидаты на должности глав муниципальных образований и кандидаты в депутаты представительных органов

наделении полномочиями высшего должностного лица субъекта Федерации // Актуальные проблемы теории и практики применения конституционного законодательства в Российской Федерации. – Уфа: БАГСУ, 2011. С. 26; Полатов З.Т. Новый порядок наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 8. С. 9; Макарец А.А. Новый порядок замещения должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации: возврат к наделению полномочиями или дальнейшее развитие системы многоуровневых выборов? // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 6. С. 8.

¹ Калицов И.А. Взаимодействие Совета Федерации Федерального Собрания РФ с законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации (на примере Республики Северная Осетия-Алания) // Российский парламентаризм: опыт, проблемы, перспективы. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2011. С. 61–68. Захарова М.П. Взаимодействие органов законодательной (представительной) и исполнительной власти субъектов Российской Федерации как необходимое условие полноценного развития регионов // Государство и право: актуальные проблемы современности. – Йошкар-Ола, 2013. С. 190–193.

местного самоуправления), обновляя этот состав на основе периодических публичных выборов, проводимых на конкурсной альтернативной основе. Государство воздерживается от «подбора персонала» должностных лиц местного самоуправления, предоставляя право выбора непосредственно гражданам. При этом закон может предоставить государству возможность определенного участия в «подборе» данного «персонала» муниципальных должностных лиц в целях согласования государственных и местных интересов, не подменяя тем самым институт всеобщих, равных, прямых и тайных выборов органов местного самоуправления.

Вторым важным компонентом в смысловом содержании конституционного принципа самостоятельности местного самоуправления является *приближение публичного управления к гражданам*. Особенно это актуально для России с учетом ее территориальных масштабов, многообразия национальностей, религиозных верований, традиций и культур¹. Единство, прочность и незыблемость государственной власти не означает, что в стране должен полностью исключаться дифференцированный подход к правовому регулированию и публичному управлению². Социальная жизнь граждан не исчерпывается правоотношениями гражданства: люди вовлечены в массу других важных сообществ, включая семью, общину, коммуну и т.п. Эффективное публичное управление требует, чтобы здесь имела место определенная «самоуправляемость», которая исключала бы жесткую и излишнюю централизацию управления по единому «шаблону» всей страны³.

В связи с этим, на наш взгляд, заслуживает поддержки выработанный и апробированный российской юридической наукой термин «вопросы местного значения». Несмотря на ряд критических

¹ Полякова А.А. Становление и развитие местного самоуправления в Российской Федерации. Приближение власти к народу, повышение эффективности ее деятельности в интересах населения // Государственная власть и местное самоуправление. 1998. № 1. С. 30–38.

² Крусс В.И. Дискриминация и дифференцированный подход к обладателям конституционных прав и свобод // Государство и право. 2005. № 12. С. 30–42.

³ Авакьян С.А. Конституционно-правовые проблемы централизма, демократии и децентрализации в современном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 8. С. 2–7.

высказываний¹, многие ученые оценивают его положительно. В частности, установлено, что эффективное публичное управление не представляется возможным в отсутствие четкого разграничения между вопросами федерального, регионального и местного значения². Конечно, многие задачи публичной власти (обеспечение безопасности, экономического развития, противодействие коррупции и т.п.) не поддаются такому разграничению или не нуждаются в нем. Однако можно выделить некоторые вопросы, которые с достаточной степенью определенности могут быть отнесены к проблемам «местной значимости», где «приближенность власти к населению» должна быть максимальной, а сфера государственного участия – минимальной, вплоть до ее полного отсутствия³. Это, например, вопросы благоустройства, озеленения, содержания придомовых территорий, наименования и переименования улиц, городов и других населенных пунктов, режима работы некоторых публичных учреждений и т.д. Закон может запретить вмешательство в решение подобных вопросов даже Президента РФ и других высших должностных лиц государства без какого-либо крупного ущерба для реализации национальных интересов России. При определенных обстоятельствах, однако, это может оказаться необходимым, что требует соответствующих законодательных оговорок.

Выявленные выше признаки самостоятельности муниципальных образований по реализации своей компетенции не претендуют на исчерпывающий характер. В числе дополнительных признаков можно было бы указать, во-первых, адаптивность полномочий к местным условиям, во-вторых, свободу в определении муниципальных административных структур, в-третьих, ограниченность государственного административного контроля местного самоуправления конституционными принципами и законодательными требованиями, в-четвертых, допустимость государственного контроля над

¹ Авакьян С.А. Особенности российской правовой модели местного самоуправления и пути ее совершенствования // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 11. С. 16.

² Андриченко Л.В. Законодательство Российской Федерации в сфере разграничения полномочий: проблемы и перспективы // Современное общество и право. 2011. № 1 (2). С. 38.

³ Васильев В.И. О функциональном назначении местного самоуправления // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 13.

целесообразностью муниципальных решений лишь в отношении делегированных им функций и др.

В целом на основе изложенного можно сформулировать вывод о том, что самостоятельность по предметам ведения как конституционный принцип организации местного самоуправления означает, что муниципалитеты обладают достаточной степенью автономии, которая при этом не должна быть интерпретирована как полная и исключительная. Подобным свойством в некоторой степени обладают лишь полномочия органов местного самоуправления, которые имеют статус «основных» и закреплены на уровне конституции государства или закона. Самостоятельность местного самоуправления, с одной стороны, предполагает, что полномочие гарантирует «полную свободу действий», с другой – его реализация является объектом ограниченного законом государственного административного контроля.

Административный контроль над органами местного самоуправления сам по себе не может квалифицироваться как нарушение демократического принципа самостоятельности муниципалитетов. Полное упразднение административного контроля привело бы к негативным последствиям, угрожающим единству суверенной государственности в демократическом обществе. В связи с этим важной задачей конституционного законодательства и правоприменительной практики в современной России является не отрицание института административного контроля, но его надлежащее правовое регулирование, которое обеспечивало бы соразмерность между степенью вмешательства контролирующего органа и значимостью интересов, которые он намерен защищать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авакьян С.А. Конституционно-правовые проблемы централизма, демократии и децентрализации в современном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 8.
2. Авакьян С.А. Особенности российской правовой модели местного самоуправления и пути ее совершенствования // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 11.
3. Андриченко Л.В. Законодательство Российской Федерации в сфере разграничения полномочий: проблемы и перспективы // Современное общество и право. 2011. № 1 (2).

4. Астафичев П.А. Разграничение ответственности органов местного самоуправления перед населением и государством // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 9.

5. Ахмедов И.Д. Участие Президента Российской Федерации в избрании (наделении полномочиями) глав субъектов Российской Федерации и отрешении от должности // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 2.

6. Боруленков Ю.П., Гранкина А.Б. Процессуальная самостоятельность следователя как неперемное условие творческого подхода к расследованию уголовных дел // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: Сборник научно-практических трудов. Вып. 4. – М.: Акад. следств. комитета РФ, 2014.

7. Вагин И.С. О необходимости включения органов местного самоуправления в единую систему государственного управления // Государственная власть и местное самоуправление. 2002. № 3.

8. Васильев В.И. О функциональном назначении местного самоуправления // Журнал российского права. 2007. № 7.

9. Веденин Н.Н. Межхозяйственная кооперация и оперативно-хозяйственная самостоятельность ее участников // Советское государство и право. 1978. № 1.

10. Витрук Н.В. Народовластие: конституционный идеал и реальность // Народовластие и права человека. – М.: РАП, 2012.

11. Гильванова И.Н. Организационная самостоятельность местного общественного управления в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы государства и права. 2013. № 3.

12. Емельянова И.В. Внутреннее убеждение и процессуальная самостоятельность прокурора в советском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1983.

13. Жамбалнибуев Б.Ж. Финансовая независимость и самостоятельность парламентов // Экономические аспекты развития нормативно-правовой основы обеспечения парламентской деятельности в Российской Федерации. – М.: Вуз и школа, 2003.

14. Захарова М.П. Взаимодействие органов законодательной (представительной) и исполнительной власти субъектов Российской Федерации как необходимое условие полноценного развития регионов // Государство и право: актуальные проблемы современности. – Йошкар-Ола, 2013.

15. Кабышев В.Т. Народовластие в системе конституционного строя России: конституционно-политическое измерение // С Конституцией по жизни: Избранные научные труды. – М.: Формула права, 2013.

16. Калицов И.А. Взаимодействие Совета Федерации Федерального Собрания РФ с законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации (на примере Республики Северная Осетия-Алания) // Российский парламентаризм: опыт, проблемы, перспективы. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2011.

17. Каминская И.В. Автономия и самоуправление: теоретический анализ и практика Европейских стран // Административное и муниципальное право. 2011. № 2.

18. Ким Ю.В. «Федерализм», «автономия», «самоуправление»: смыслы и трактовка // Право и политика. 2008. № 6.

19. Корнеев С.М. Имущественная самостоятельность предприятий в условиях экономической реформы. – М.: Юрид. лит., 1989.

20. Крусс В.И. Дискриминация и дифференцированный подход к обладателям конституционных прав и свобод // Государство и право. 2005. № 12.

21. Ломакин Д.В. Самостоятельность дочерних и зависимых обществ // Законодательство. 2002. № 5.

22. Лямин М.В. Проблемы организационной обособленности местного самоуправления от системы государственного управления в России на современном этапе развития // Право и политика. 2009. № 1.

23. Макарецев А.А. Новый порядок замещения должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации: возврат к наделению полномочиями или дальнейшее развитие системы многостепенных выборов? // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 6.

24. Некрасов С.И. Самоуправление и автономия: некоторые вопросы теории // Сборник, посвященный памяти Владимира Фадеева. Т. II. – М.: Проспект, 2015.

25. Никитина А. Самостоятельность Конституционного Суда России в его взаимоотношениях с другими органами государственной власти // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2004. № 2.

26. Полатов З.Т. Новый порядок наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 8.

27. Полякова А.А. Становление и развитие местного самоуправления в Российской Федерации. Приближение власти к народу, повышение эффективности ее деятельности в интересах населения // Государственная власть и местное самоуправление. 1998. № 1.

28. Рагулина Е.В. Бюджетно-финансовая самостоятельность местного самоуправления в России: реалии и перспективы // Меняясь сам, изменял мир к лучшему: Материалы Научной конференции, посвященной памяти Г.В. Барабашева. – М.: Изд-во МГУ, 2005.

29. Разуваев В.И. Правовая самостоятельность государственной производственной организации как юридического лица и эффективность хозяйственных связей // Гражданское право, экономика и стандартизация. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1978.

30. Салимов И.В., Сафина С.Б. К вопросу о наделении полномочиями высшего должностного лица субъекта Федерации // Актуальные проблемы теории и практики применения конституционного законодательства в Российской Федерации. – Уфа: БАГСУ, 2011.

31. Чернявский В. Судебная власть должна получить право на самостоятельность в бюджетном процессе // Российская юстиция. 2004. № 4.

32. Чиркин В.Е. Народовластие в системе публичной власти // Народовластие и права человека. – М.: РАП, 2012.

33. Шамхалов М.А. Автономия и самостоятельность местного самоуправления как конституционно-правовой принцип: Дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2006.

34. Шугрина Е.С. Отдельные аспекты организационных основ местного самоуправления в работах академика О.Е. Кутафина // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 5.

Яковлева Ксения Владимировна

студентка магистратуры Российского государственного
гуманитарного университета (РГГУ)

Iakovleva K.V.

master's student Russian State University
for the Humanities (RSUH)

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА, ОСЛОЖНЕННОГО ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

PERSPECTIVES OF IMPROVING LEGAL REGULATION OF THE BANKRUPTCY PROCEDURE COMPLICATED BY FOREIGN ELEMENT

Аннотация. В статье проводится анализ проблем, существующих в рамках современного отечественного правового регулирования процедур несостоятельности, осложненных иностранным элементом (трансграничного банкротства). Статья также содержит анализ ключевых инициатив, которые предпринимались в сфере совершенствования отечественного законодательства о трансграничном банкротстве. В статье изложена авторская позиция относительно основных направлений совершенствования правового регулирования процедур несостоятельности, осложненных иностранным элементом.

Abstract. The article analyzes the problems existing within the framework of modern domestic legal regulation of insolvency procedures complicated by a foreign element (cross-border bankruptcy). The article also contains an analysis of key initiatives that have been undertaken with the sphere of improving domestic legislation on cross-border bankruptcy. The article presents the author's position on the main directions for improving the legal regulation of insolvency procedures complicated by a foreign element.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, иностранный элемент, трансграничное банкротство, процедуры банкротства, иностранный правопорядок, признание и приведение в исполнение иностранных судебных актов, подсудность, компетентная юрисдикция, *lex concursus*, принцип территориальности, центр основных интересов должника, ЮНСИТРАЛ, Регламент ЕС.

Key words: bankruptcy, insolvency, foreign element, cross-border bankruptcy, bankruptcy procedures, foreign law order, recognition and ghost execution of foreign judicial acts, jurisdiction, competent jurisdiction, lex concursus, principle of territoriality, the center of the main interests of the debtor, UNCITRAL, the EU Regulation.

Современное состояние правового регулирования судебного производства по делам о трансграничной несостоятельности в Российской Федерации, к сожалению, является недостаточно совершенным.

В соответствии со ст. 33, 38 и 224 АПК РФ подсудность дел о несостоятельности резидентов Российской Федерации рассматривается в качестве исключительной: дела о банкротстве юридических лиц рассматривает арбитражный суд по месту нахождения должника.

Закономерно возникает вопрос: может ли суд иностранного государства начать производство по делу о трансграничном банкротстве в отношении российского юридического лица?

Возможность возбуждения дел о трансграничном банкротстве определяется исходя либо из национальных, либо из международных источников. Российская Федерация не участвует в международных соглашениях о трансграничном банкротстве, следовательно, при рассмотрении дел о несостоятельности в отношении российских резидентов в судах других государств будут нарушены нормы об исключительной подсудности таких споров судам Российской Федерации, что в дальнейшем приведет к отказу в признании и приведении в исполнение решений иностранных судов на территории России. А значит, процедура банкротства не достигнет своей главной цели – удовлетворение требований кредиторов при крахе должника [1, с. 32].

Кроме того, п. 5 ч. 1 ст. 248 АПК РФ предусматривает исключительную подсудность при рассмотрении с участием иностранных лиц дел об учреждении, реорганизации и ликвидации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, а также об оспаривании решений органов этих лиц. Таким образом, если рассматривать процедуру банкротства в рамках конкурсного производства (являющегося, по сути, ликвидационной процедурой), арбитражные суды Российской Федерации наделены исключительной компетенцией при рассмотрении таких дел в отношении филиалов и представительств иностранных компаний на территории Российской Федерации. В результате подобного регулирования может возникнуть ситуация, при которой основные производства по одному и тому же делу о трансграничной

несостоятельности будут открыты в двух судах одновременно (в российском и в иностранном), что неизбежно приведет к коллизии в решениях и невозможности исполнения данных решений, что приведет к тому, что права кредиторов останутся незащищенными.

Вместе с тем, несмотря на то, что законодательное закрепление в отечественном законодательстве принципа территориальности, основанного на доктрине центра основных интересов должника в месте его регистрации, формально отвечает международно-правовым тенденциям в регулировании данного института, фактически российское правовое регулирование не соответствует потребностям бизнеса ввиду отсутствия сформировавшейся правоприменительной практики разрешения правовых коллизий между различными правовыми юрисдикциями.

Судебная практика производства по таким делам ограничивается двумя категориями дел [2, с. 59]:

1. Дела о признании несостоятельными должников, у которых имеются иностранные инвесторы.
2. Дела о признании и приведении в исполнение иностранных судебных актов на территории Российской Федерации.

Отмеченный диапазон судебных решений с весьма высокой долей условности можно рассматривать в качестве сформировавшейся правоприменительной практики рассмотрения и разрешения дел о несостоятельности, осложненных иностранным элементом.

К тому же даже в рамках приведенных выше категорий судебных споров ситуация далека от оптимальной. Так, определенные проблемы существуют также в рамках института признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений по делам о несостоятельности, осложненным иностранным элементом. АПК РФ и ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривают в качестве условия для признания и приведения в исполнение иностранного судебного акта наличие международного договора, при этом указанных международных договоров, заключенных Российской Федерацией, крайне мало. А субсидиарное применение принципа взаимности, предусмотренное ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», представляется затруднительным ввиду жесткой позиции российских судов касательно презумпции наличия такой взаимности, которая правоприменительной практикой в большинстве случаев опускается [3, с. 56].

Кроме того, действующее законодательство о несостоятельности никак не регулирует отношения российских должников и иностран-

ных кредиторов [2, с.57]. Одним из самых негативных последствий данного положения является тот факт, что иностранные кредиторы российских групп компаний получают удовлетворение своих требований за счет зарубежных активов должника, а российские кредиторы – за счет имущества, находящегося в Российской Федерации.

С нашей точки зрения, одним из основных путей совершенствования сложившейся ситуации могло бы стать принятие принципиально нового федерального закона, посвященного правовому регулированию отношений, связанных с трансграничным банкротством, положения которого бы опирались на Типовой закон ЮНСИТРАЛ «О трансграничной несостоятельности» от 30.05.2007.

Проект закона о трансграничной несостоятельности в недалеком прошлом уже становился предметом обсуждений. Так, в январе 2010 г. Министерством экономического развития Российской Федерации была представлена концепция реформирования законодательства о несостоятельности [4, с. 31], в рамках которого был подготовлен проект Федерального закона «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)», основанный на положениях Типового закона ЮНСИТРАЛ «О трансграничной несостоятельности» и Регламента ЕС № 1346/2000 «О процедурах банкротства» (в настоящее время утратил силу).

Проект содержал положения о международной подсудности для открытия основного и неосновного (параллельного/вторичного) производств по делу о несостоятельности трансграничных групп, возможность инициировать дело о несостоятельности в отношении иностранных лиц, использование коллизионной привязки *lex concursus*, формирование норм, регулирующих сотрудничество по делам о несостоятельности, а также введение правил признания и исполнения актов иностранных судебных органов по делам о несостоятельности.

В частности, в соответствии с данным законопроектом процедура признания и исполнения судебных актов иностранных судебных органов по делам о трансграничной несостоятельности должна была определяться международным договором Российской Федерации и указанным проектом Федерального закона «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)». Иными словами, обозначенный проект Федерального закона сохранял в качестве условий признания и исполнения иностранных судебных актов наличие международного договора, но исключал принцип взаимности.

При этом указанным законопроектом также предусматривалась возможность открытия в России параллельных производств, что, в

свою очередь, позволило бы не принимать иностранные решения в качестве окончательных, а сначала рассмотреть вопрос, в какой именно стране будет открыто основное производство, а в какой не основное (параллельное/вторичное) с использованием по общему правилу принципа определения места открытия основного производства по месту нахождения центра основных интересов должника.

Тем не менее данный законопроект не прошел ведомственного согласования и не был принят.

Также в части совершенствования российского законодательства о трансграничном банкротстве между Некоммерческим фондом реструктуризации предприятий и развития финансовых институтов и Институтом экономики переходного периода (ИЭПП) был заключен договор, в соответствии с которым ИЭПП приступил к работе по совершенствованию правового регулирования процедур несостоятельности трансграничных групп компаний по российскому законодательству. В этой связи были представлены проекты изменений действующего законодательства и международных соглашений Российской Федерации по следующим направлениям: изучение международной практики правового регулирования несостоятельности трансграничных групп компаний; экспертиза действующего российского законодательства о несостоятельности на предмет соответствия международным нормам и правилам, стандартам разработанности; экспертиза действующих международных соглашений Российской Федерации по вопросам трансграничной несостоятельности, а также правовая оценка целесообразности заключения планируемых соглашений [5, с. 169].

Однако отмеченные инициативы также не были реализованы ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике.

Тем не менее вопрос совершенствования правового регулирования трансграничной несостоятельности не утратил свою актуальность, в связи с чем, по нашему мнению, главным направлением совершенствования российского законодательства о трансграничном банкротстве и в настоящее время должно стать внедрение институтов, способствующих открытости отечественного правопорядка, а также использование механизмов, направленных на сближение института трансграничной несостоятельности с принятыми на международном уровне стандартами рассмотрения и разрешения дел рассматриваемой категории. Также представляется необходимым принятие отдельного федерального закона о трансграничной несостоятельности, положения которого должны соответствовать правовому регулированию,

заложенному в Типовом законе ЮНСИТРАЛ «О трансграничной несостоятельности» 2007 г. и в Регламенте ЕС № 2015/848 «О процедурах несостоятельности» 2015 г.

Вместе с тем, как подчеркивает Л.Ю. Собина, в настоящее время столь необходимого сближения по данному вопросу не происходит, ввиду того, что российский правопорядок направлен консервативно и стремится в большей степени к закрытию своих границ, чем к международному сотрудничеству [3, с.85]. Российский правопорядок при регулировании судебного производства по делам о трансграничном банкротстве занимает жесткую протекционистскую позицию по отношению к национальным должникам и кредиторам, устанавливая правило исключительной территориальной подсудности дел о трансграничной несостоятельности, которое между тем не вполне соответствует интересам российских должников и кредиторов, поскольку не способствует рассмотрению и разрешению дел на основе принципа взаимности (в отсутствие двусторонних или многосторонних международных договоров) и в ряде случаев не позволяет включить в конкурсную массу имущество должника, расположенное в иностранных государствах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мохова Е.В. Трансграничные банкротства за рубежом и в России: в поисках баланса между универсализмом и территориальностью // Закон. № 5. 2016.
2. Научно-практический комментарий (постатейный) к ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» / Под. ред. проф., д-ра юрид. наук В.В. Витрянского. – М.: Статут, 2004.
3. Собина Л.Ю. Признание иностранных банкротств в международном частном праве. – М.: Статут, 2012.
4. Концепция развития законодательства РФ на период до 2012 г. – М., 2010.
5. Липай К.А. Особенности несостоятельности трансграничных групп компаний в российском и зарубежном праве: Дис. ... канд. юрид. наук // РАНХиГС при Президенте РФ. – М., 2014.

Научно-информационный журнал Вестник Международного юридического института

- публикуется :
<http://lawacademy.ru/plan/nauchno-informatsionnyy-zhurnal-vestnik-mui>;
- размещается на портале научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, который является крупнейшим российским информационно-аналитическим порталом в области науки, технологии, медицины и образования;
- поставляется в Российскую книжную палату экземпляр на государственную регистрацию в информационной системе «Государственная библиография».

